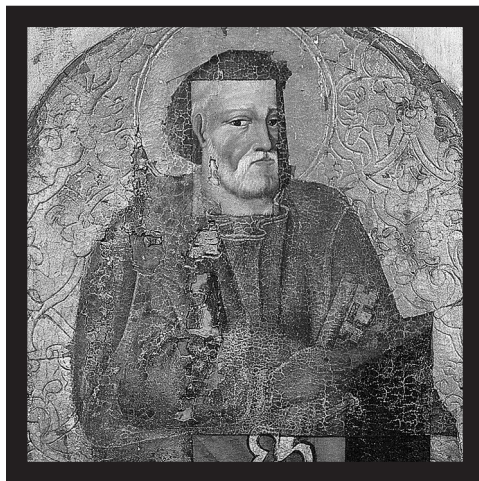

Перекрёстки N 3-4 / 2006

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ

Европейский гуманитарный университет
Центр перспективных научных исследований и образования (CASE), проект «Социальные трансформации в пограничье: Беларусь, Украина, Молдова»

Перекрестки № 3–4/2006
Журнал исследований восточноевропейского пограничья
ISSN 1822-5136

Редакционная коллегия:
Владимир Дунаев (Минск)
Светлана Наумова (Минск)
Павел Терешкович (Минск)
Игорь Бобков (главный редактор) (Минск)
Валентин Акудович (редактор) (Минск)
Татьяна Журженко (Харьков)
Людмила Кожокари (Кишинев)

Научный совет:
Анатолий Михайлов (Беларусь), доктор филос. наук
Наталка Черныш (Украина), доктор социол. наук
Ярослав Грицак (Украина), доктор ист. наук
Виржилию Бырлэдяну (Молдова), доктор ист. наук
Дмитрий Карев (Беларусь), доктор ист. наук
Димитру Молдован (Молдова), доктор экон. наук

Журнал выходит с 2001 г.
Периодичность: ежеквартально

Адрес редакции и издателя:
Европейский гуманитарный университет
Kražiu str. 25, LT-01108
Vilnius Lithuania
E-mail: office@ehu-international.org

Формат 70x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «GaramondBookNarrowC».
Усл. печ. л. 18,025. Тираж 299 экз.
Отпечатано: «Petro Ofsetas»
Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius

Авторы статей несут ответственность за предоставленную в статьях точку зрения.

ЕГУ выражает глубокую признательность за помощь и финансовую поддержку проекта
Корпорации Карнеги, Нью-Йорк

© Европейский гуманитарный университет, 2006
© Центр перспективных научных исследований и образования (CASE)

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

Анатолий Паньковский

БУФЕРНЫЕ ФОРМЫ: В ЕВРОПУ ЧЕРЕЗ ОТРИЦАНИЕ ЕВРОПЫ.....	5
---	---

Григорий Миненков

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ГОРИЗОНТ БЕЛОРУССКОГО ВООБРАЖЕНИЯ.....	22
--	----

Олег Бреский, Ольга Бреская

2В-МОДЕЛЬ ПОГРАНИЧЬЯ	39
----------------------------	----

ПЕРЕВОДЫ

Зенон Козут

РАЗВИТИЕ УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	59
--	----

ИССЛЕДОВАНИЯ

Людмила Коадэ, Виржилиу Бырлэдяну

ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО КЛАССА И ПАТТЕРНЫ ПОГРАНИЧНОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА	82
---	----

Виталий Тельвак

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ НА ПОГРАНИЧЬЕ (Львов как центр формирования украинской национальной историографии).....	97
--	----

ПЕРЕВОДЫ

Михал Буховски, Изабела Колбон

ОТ МІТТЕЛЕУРОРА ДО ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ: ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ИДЕИ	112
---	-----

Горан Терборн

МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТЬ И ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ЕВРОПЕЙСКОЙ МОДЕРНОСТИ.....	138
--	-----

ИССЛЕДОВАНИЯ

Ирина Чикалова

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УЧЕНЫХ-БЕЛОРУСОК	159
--	-----

Ирина Дорофейчук

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ТРАДИЦИОННОЙ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	175
---	-----

Алексей Криволап

МЕДИА-ЛАНДШАФТ БЕЛАРУСИ КАК МОДЕЛЬ ПОГРАНИЧЬЯ	180
---	-----

РЕЦЕНЗИИ/ОБЗОРЫ

Виталий Тельвак

ПОГРАНИЧЬЕ: ПОЛЬША-УКРАИНА	193
----------------------------------	-----

Александр Погорелый

ДРАМА БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ.....	197
--	-----

Виталий Тельвак

ДРОГОБЫЧСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК (обзор IX выпусков)	202
---	-----

НАШИ АВТОРЫ.....	218
------------------	-----

БУФЕРНЫЕ ФОРМЫ: В ЕВРОПУ ЧЕРЕЗ ОТРИЦАНИЕ ЕВРОПЫ*

Для Беларуси, как и для большинства стран бывшего СССР, «европейский выбор» или «европейская перспектива» остаются туманными – в том смысле, что в действительности они никогда не осмысливались на предмет уточнения и детализации, т.е. не проходили испытание политической экспертизой. В отличие от ряда стран Центральной и Восточной Европы (далее ЦВЕ), таких как Чехия и Польша, здесь эти перспективы никогда не принимали форму политической программы и фигурировали скорее в качестве «утопического горизонта», смутно предвосхищаемого в качестве *единого пространства либеральной демократии* – для одних, как *время* (если следовать З. Бауману) *глобального капитализма* – для других, как «*общечеловеческий пакет ценностей или же каталог интеллектуальных дискурсов* – для третьих, наконец, просто как «*качество жизни*», или же как *набор данностей, которые выбору не подлежат*, – культурная, историческая и географическая смежность и близость.

Неверно полагать, что белорусское общество принципиально разобщено по критерию отношения к «Европе» (Евроатлантическому миру, широко понимаемому Западу), хотя характер этого позиционирования, разумеется, варьируется. И вместе с тем: «мы – часть Европы» и «мы – недоевропейцы» – под двумя этими констатациями готов подписаться представитель любой социальной группы. Включая представителей правящего класса, использующего в качестве центральной стратегемы два взаимоисключающих положения: а) мы защитили вас от ужасов западного общества, б) вскоре будем жить, как на Западе. «Недоевропа», нацеленная в принципе на превращение в полноценную

* Текст подготовлен для сборника «Европейская перспектива Беларуси: интеллектуальные модели».

часть Европы («мирового сообщества»), – вот образ Беларуси, который имеют в голове практически все белорусские «классы на бумаге».

Такая, на первый взгляд, парадоксальная самоидентификация характерна, пожалуй, для всех стран бывшего СССР, включая государства Кавказа и Центральной Азии (но исключая страны Балтии и Туркмению, которые сразу определились с выбором перспектив). Во всех этих случаях Европа мыслится как пункт окончательной приписки: достаточно сказать, что все государства СНГ имеют оформленные по европейскому шаблону демократические конституции и не торопятся отказываться от международных обязательств, принятых в момент вступления в европейские институты (ОБСЕ, Совет Европы и пр.). В высшей степени показательно, что идеологические учебники «последней диктатуры Европы» – хотя само их существование претит принципам демократии по-европейски – присягают этой последней в лояльности¹. Правда, при этом они настаивают на необходимости специфических отклонений и культурных девиаций на пути демократического транзита, тем самым стремясь легализовать – хотя бы временно – «белорусскую модель». Транзитология оказывается удобной доктриной, отчасти позволяющей обосновать «целесообразность» задержек на пути рыночных реформ и демократических преобразований – вплоть до полного их сворачивания. Предполагается, что страны СНГ, прежде чем войти в европейскую семью народов, должны «окуклиться» в пределах постсоветского пространства и как бы дозреть до суверенной кондиции.

Таким образом, существует своего рода перспектива в перспективе, контекст в контексте – постсоветикум в большой Европе (от Ванкувера до Владивостока), – в пределах которого «белорусская модель» выглядит не столько эксцессом, отклонением (если ее рассматривать, например, на фоне стран ЦВЕ), сколько правилом². Уже это обстоятельство вынуждает нас, прежде чем выстраивать «европейскую перспективу» в пространстве воображаемого, вообразить положение Беларуси в пространстве реального.

Постсоветикум – это не просто возникшая на руинах имперского комплекса пустота, не просто пространство, на котором действуют какие-то инерционные силы. Скорее, это совокупность пространств – структур и «сопряженных» с ними полей (точнее сказать, площадок), – обладающих собственной процессуальной логикой и находящихся в сложных взаимоотношениях друг с другом. Назовем эти структуры *буферными формами*, поскольку постсоветикум, помимо прочего, – это своего рода коллективный экран, опосредующий взаимоотношения между «глобальными» процессами или «вызовами», как их здесь чаще именуют, и «глокальными ответами». Наша задача – исследовать логику развития, изоморфную для этих буферных форм, которая позволила бы отчасти специфицировать «белорусский случай», т.е. попросту понять, что он необъясним ни сам из себя, ни из европейской перспективы.

1. СНГ: площадка легитимации суверенитетов

Если бы «постсоветское пространство» являлось чем-то вроде судна без переборок, оно затонуло бы давно, скажем, к концу 90-х – к моменту «окончательного» оформления суверенитетов. Однако постсоветский ковчег устроен более хитроумно, что позволяет ему некоторым образом удерживаться на плаву – несмотря на затопление отдельных отсеков. А ведь именно это обстоятельство – наличие различного рода интеграционных структур с взаимоисключающими и пересекающимися функциями – долгое время было предметом подслеповатой (как сегодня можно утверждать) критики и самокритики.

1.1. Легализация/легитимация разделов

Об отношениях между государствами постсоветикума друг с другом и внешним для них миром уместнее всего было бы говорить в терминах шантажа. Действительно, разве не бесконечными «торгами» сопровождалась и сопровождаются все, даже наименее значимые интеграционные инициативы – от газового сотрудничества до учреждения различного рода структур?

Термин «шантажистское государство» был применен американским политологом К. Дарденом по отношению к так называемым «гибридным» режимам на территории бывшего СССР³. По Дардену, определенным образом легитимированный, т.е. государственный, шантаж является основным средством воспроизводства властной системы в постсоветских государствах. Сама система базируется на трех «функциональных» опорах: 1) механизм «поощрения» коррупции; 2) унаследованный от СССР аппарат слежки для «конденсации» всякого рода компроматов (КГБ, МВД, различные службы безопасности, а также новая опричнина в лице «налоговой инспекции») и, наконец, 3) вольная манипуляция законами, которые, таким образом, становятся исключительно мягкими для «своих» (политически и экономически лояльных) и чрезвычайно жесткими для «чужих» (оппозиционеров и иных отступников).

Представленная модель выглядит довольно убедительно, хотя ей, на наш взгляд, недостает еще одной опоры, а именно – институтов «внешней» легитимации системы, в роли которой выступают различного рода союзы, и в частности СНГ, ныне главный гарант (*sui generis*) «тождества» воли доминирующего меньшинства и воли масс. Сложнее согласиться с утверждением Дардена, что данная система достаточно устойчива и в видимой перспективе не будет подвержена существенной коррозии. Дело в том, что устойчивость подобной системы определяется не только ее специфическим характером (скажем, потенциалом внутренней «прочности»), но и тем, насколько ей удастся собственную специфику скрыть. В этом смысле «слабые» звенья описываемой системы – Грузия, Украина и, возможно, Молдова – в конечном счете способствуют тому, что скрытые ее стороны все более оказываются в зоне публичного обозрения.

Начиная с Содружества Независимых Государств (СНГ) – это специфические структуры, призванные «структурировать» серию «бесхозных» пространств, разделенных между новыми независимыми государствами (ННГ). Следовало бы напомнить, что Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (от 8 декабря 1991 г.) предусматривало сохранение единого оборонного и гуманитарного пространства, общих вооруженных сил, отсутствие таможенных границ и много иного, в настоящий момент не сохраненного.

Это, разумеется, не означает, что сегодня между постсоветскими государствами не реализуется более или менее полноценного сотрудничества в различных сферах, однако все эти обмены (от торговых до гуманитарных) осуществляются преимущественно по «лучевому» (Россия – ННГ) либо «региональному» принципу (прямые межгосударственные отношения по типу Беларусь – Украина, Казахстан – Киргизия). Картина еще более осложняется за счет сети отношений, реализуемых на базе межправительственных и межведомственных контактов и договоренностей, а также различного рода «фракционных» объединений «со смещенным центром тяжести» (Союзное государство России и Беларуси, Единое экономическое пространство, Организация договора коллективной безопасности, Евразийское экономическое сообщество), которые на деле тяжело провести «по балансу» СНГ по той простой причине, что они не предполагают – даже в перспективе – общих обязательных нормативов для всех участников Содружества. Этим СНГ, в частности, отличается от ЕС, по шаблону которого, как ранее напоминали его архитекторы, оно создавалось.

Несложно предположить, что полная ликвидация СНГ вовсе не приведет к тому, что перестанут ходить поезда или начнутся перебои с поставками угля и углеводородов. Серия протоколов по безвизовым передвижениям граждан либо взаимному признанию дипломов в конечном счете также не требует визирования чиновников СНГ. Между тем отсутствие «реальной» отдачи от СНГ вовсе не означает, что оно было и остается полностью дисфункциональным институтом, существующим (и финансируемым) неизвестно ради какой цели. Словом, имеется какая-то важная функция (группа функций), которая реализуется только и исключительно за счет инстанции Содружества.

Если проводить различие между *законностью* и *легитимностью*, то некий скрытый смысл Содружества станет более или менее прозрачным. «Законное» требует прописки в Законе, т.е. определенной ратификации решения, притязающего на всеобщность, в то время как «легитимное» некоторым образом ратифицировано до и вне зависимости от оформления в виде всеобщего Закона. Вместе с тем можно согласиться с Пьером Бурдые, настаивающим в противовес Максу Веберу на том, что признание легитимности не является свободным актом сознания, поскольку «коренится в непосредственном согласовании инкорпорированных структур, ставших бессознательными»⁴.

Акт денонсации Договора от 1922 г. об образовании СССР можно признать *законным*, поскольку, оставаясь, с одной стороны, «свободным актом сознания», он, с другой стороны, сам по себе являлся законом (поспешно ратифицированным всеми государствами бывшего СССР). Но он не был *легитимным*, поскольку не согласовывался с «инкорпорированными структурами, ставшими бессознательными»: граждане СССР настолько привыкли быть гражданами СССР, что не представляли себя в качестве каких-то других граждан. Можно также вспомнить о том, что решение о «самороспуске» СССР было принято вопреки итоговому резюме референдумов, на которых подавляющее большинство граждан проголосовало за сохранение СССР (советских республик в составе СССР). Хотя при этом почти всеми союзными республиками провозглашались декларации о государственном суверенитете.

Однако реальной изнанкой акта денонсации Договора об образовании СССР был акт провозглашения СНГ. Собственно говоря, это был единичный акт, состоящий из двух синхронных акций, причем, если так можно выразиться, законная нелегитимность первой подпиралась незаконной легитимностью другой. Таким образом, СНГ перенимал символический капитал СССР, изначально выполняя специфическую компенсаторную функцию, связанную, во-первых, с необходимостью сохранения «опосредующего» центра, без которого все символические и физические обмены представлялись немислимыми, и, во-вторых, – с необходимостью восполнения недостатка суверенитета всех ННГ. Что касается других капиталов – экономических, культурных и пр. (так называемое «наследство СССР»), то они подлежали немедленному дележу через «бракоразводную контору» – впрочем, этот образ слегка вводит в заблуждение.

Некоторые участники «вискулевской интермедии», возможно, изначально предполагали, что символическая (номинативная) функция СНГ впоследствии – когда новые элиты полностью оформятся в государственные, а ННГ станут реальными субъектами международного права, – также будет подлежать «перераспределению». Либо замещению, сопровождающемуся роспуском Содружества. Во всяком случае, показательно, что первоначальное наименование «Союз Независимых Государств» было заменено на «Содружество». Трудно сказать, в какой стадии находились в тот момент проекты в части различных атрибутов суверенитета (национальные валюты, посольства, флаги, гимны и пр.), однако по всему было видно, что сам процесс низложения имперского центра переживался непосредственными участниками этого события как радикальный, «не имеющий аналогов в истории».

Между тем логика этого процесса не является чем-то «из ряда вон»... Прекрасной иллюстрацией сценария распада имперского комплекса может служить анализ заката Могольской империи, проделанный Музафаром Аламом. «В условиях разгула политического и военного авантюризма, – отмечает автор, – сопровождавшего императорскую власть и приведшего к ее упадку, ни один из авантюристов не был настолько силен, чтобы свергнуть императора и заставить подчиниться других. Все они боролись отдельно, чтобы нажить личное состояние, и угрожали позициям и

достижениям друг друга. Некоторые из них, однако, сумели установить свое доминирование над другими. Когда они добились институционального признания своих завоеваний, им понадобился центр, чтобы узаконить эти приобретения»⁵. Как демонстрирует М. Алам, упадок императорской власти при одновременном усилении автономии провинций ведет к тому, что местная знать продолжает соотноситься через «некую видимость имперского центра», которому придается легитимирующая функция.

В строгом смысле аналогичную модель мы имеем и в случае с СНГ: недостаточно располагать номинальными и морфологическими (конституция, парламент, национальная валюта, территория, население и пр.) признаками суверенитета, необходимо также, чтобы все это признавалось с «внешней», так сказать, стороны. Президент республики, напоминает Джон Остин, это тот, кто считает себя президентом республики, хотя в отличие от сумасшедшего, принимающего себя за Наполеона, за ним признается основание так считать. Таким образом, символическую функцию компенсации/восполнения СНГ реализовывало не только в том смысле, что напоминало гражданам СНГ о «семье народов», но и в том смысле, что заделывало бреши в национальных суверенитетах. Если, например, бывший секретарь ЦК КПСС в условиях самороспуска партии превращается в главу государства и, стало быть, некоторым образом наследует партийные капиталы, то некую видимость законности сделке подобного рода может придать лишь внешний легитимирующий центр. Этот центр, собственно, и играет роль того основания, о котором говорит Остин: так агент одной элиты (Ельцин, Шеварнадзе и пр.) загадочным образом вдруг превращается в лидера новой элиты, за которой закрепляется определенная доля в некогда общем «имуществе».

Из сказанного, по меньшей мере, следует, что СНГ никогда не являлось «интегративной» структурой, и в этом отношении всегда было чем-то прямо противоположным образованиям вроде ОДКБ и ЕЭП, поскольку налагало прямые ограничения на различного рода централизации и унификации. Договор об СНГ – это своего рода договор о разделе сфер влияния и зон обладания, фиксирующий определенное соотношение сил между прямыми конкурентами.

Можно сказать, что с задачей «восполнения» суверенитетов СНГ справилось относительно успешно – особенно если сравнивать с аналогичным процессом распада Югославии. Остается ряд нерешенных проблем, связанных с взаимными притязаниями стран Содружества (проблема Черноморского флота, вопрос белорусско-украинской границы и пр.), большинство из которых, впрочем, сегодня квалифицируется в качестве «межгосударственных». Вместе с тем, установив определенный «внешний» предел объединения, проистекающий из взаимного соотношения политических сил, признанных в качестве национальных, СНГ не устанавливает пределов распада, автономизации «вглубь», как бы оставляя эти проблемы на усмотрение самих участников СНГ. (Здесь достаточно вспомнить, что центральный костыль империи – КПСС – был выдернут одновременно на всех уровнях.)

Серия парламентских кризисов, через которые независимо друг от друга в 90-е гг. прошли многие новые государства, – свидетельство тому, что мы имеем дело не просто со случайным стечением обстоятельств, но с определенной структурной логикой «суверенизаций»/«распадов» того, что в строгом смысле никогда не представляло собой единств типа «нация», «общество» или «государство». Практически во всех постсоветских государствах в какой-то момент была создана «сильная» президентская власть – чаще всего на руинах битв между бывшими совминами и советами, либо между парламентами и президентами, чье предназначение, казалось бы, заключалось в посредническом присутствии «над схваткой».

1.2. Площадка «преемственности»

«Сильная» президентская власть хотя и располагает серьезными преимуществами по отношению к другим центрам власти, однако – в условиях отсутствия реальных противовесов – грозит преобразоваться в виртуальный центр по образу и подобию СНГ. Упомянем Нагорный Карабах, Чечню, проблемы взаимоотношений центра с регионами. Возможно, высшим воплощением процесса автономизации (т.е. борьбы за власть между местными элитами и их совместной борьбы – против центра) стало требование Юрия Лужкова к федеральным органам платить арендную плату за пользование «его», т.е. Лужкова, зданиями и сооружениями. Имелись в виду Кремль и ряд других подобных строений.

Исход этой борьбы, как правило, завершавшийся в пользу «центра», располагавшего наибольшими ресурсами для победы, нередко требовал в качестве последнего аргумента признания своих завоеваний со стороны сотоварищей по клубу СНГ. Разумеется, не все участники этого клуба, с одной стороны, нуждались в подобном аргументе, а с другой – не все соблюдали определенные джентльменские соглашения. Так, например, Туркменбаши – как только он назвал себя «отцом всех туркмен» – вообще перестал нуждаться в любой внешней легитимации. Он строил восточную сатрапию и любой внешний легитимат воспринимал, скорее, как угрозу.

Логика сохранения Содружества требовала некоторого преобразования его осевой функции «легализации развода». Такая перспектива нарисовалась, как только перед постсоветскими лидерами встала проблема «преемственности» (т.е. сохранения освоенных капиталов) – в форме обнаружения «преемников» либо в форме прямой пролонгации президентских полномочий. Именно Минску – в ситуации обострения конфликта с Консультативно-наблюдательной группой Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (КНГ ОБСЕ) в канун президентских выборов в 2001 г.⁶ – выпало предложить небольшую «техническую» новацию, которая, впрочем, изначально задумывалась как полноценная символическая функция СНГ. Не случайно о «кризисе СНГ» впервые всерьез заговорили в тот момент, когда некоторые из подписантов Алма-Атинской декларации (21 декабря 1991 г.) – Каримов,

Назарбаев и Акаев – отслужили два среднестатистических президентских срока, но не нашли себе преемников. Вообще говоря, почти все постсоветские лидеры имели те или иные проблемы с институтами ОБСЕ, посланники которых никак не могли понять, что выборы внутри Содружества являются невероятно «честными», очень «прозрачными» и совершенно «добровольными». Почему Лукашенко первым забил в колокол? Потому что с этими, с позволения сказать, двойными стандартами он столкнулся уже осенью 1996 г., когда решил немного подправить Конституцию в той части, где трактовались его властные полномочия. То обстоятельство, что белорусский референдум не был признан ОБСЕ, но получил признание со стороны СНГ, и предопределило появление идеи о необходимости создания института наблюдателей СНГ.

Эта идея была сформулирована 1 июня 2001 г. в Минске во время саммита глав государств СНГ (за три месяца до президентских выборов в Беларуси), – и была тут же единодушно одобрена. СНГ де-факто было реформировано: за институтом закрепляется монополия легитимной номинации как (воспользуемся определением П. Бурдые) «официального – эксплицитного и публичного – благословения легитимного видения социального мира»⁷. Это власть огромной силы, поскольку теперь не те или иные «внешние» инстанции, но именно участники СНГ располагают монопольным правом определять, что есть хорошо, а что плохо.

Во всяком случае, до 2001 г. никто из уполномоченных лиц СНГ не осмеливался открыто заявлять о том, что кроме «западной демократии» имеется также и «восточная». Глава российского ЦИК, по совместительству глава временных миссий наблюдателей СНГ, А. Вишняков пообещал разработать специфическую «конвенцию о стандартах свободных и демократических выборов в рамках СНГ» – хотя соглашения приступили к согладатайству, так сказать, в режиме перманентного кредита (в смысле: позитивные заключения утром, стандарты – вечером). И механизм заработал: «легитимируются» президентские, парламентские выборы и референдум в Беларуси, выборы в Армении, Грузии, Азербайджане, Украине и даже президентские выборы в Чечне. Апогей этой истории – ультиматум, направленный летом 2004 г. лидерами СНГ в офис ОБСЕ и содержащий требование немедленной «реформы»⁸.

Между тем «повторное» становление Содружества совершается отчасти под прикрытием недоразумений, порожденных тем обстоятельством, что можно с чистой совестью описывать проблемные и неоднозначные структуры постсоветского, светского и национального государства в определенном языке – в *языке права*, тяготеющего к всеобщности, а не к «модельности» (например, белорусской), – который сообщает им совершенно иное основание и тем самым готовит их преодоление.

Адекватного восприятия этих недоразумений вполне достаточно для уяснения того факта, что «неожиданные» революции в Грузии и Украине, а затем в Киргизии не были столь уж неожиданными. В случае с Молдовой речь, разумеется, идет вовсе не о революции, но об адаптации системы, усвоившей уроки оранжевого кризиса. Мишень, которую выбирает Воронин & конкуренты с целью предвыборной атаки,

показательна сама по себе – это уполномоченные временной миссии неправительственной организации по наблюдению за выборами в странах СНГ (CIS/ЕМО) – той самой организации, которая осенью 2004 г. признала законность победы Виктора Януковича на президентских выборах в Украине.

В итоге г-да Саакашвили, Ющенко и Воронин больше ничем не обязаны СНГ, поскольку законность и легитимность их власти находит свою опору вовсе не в *ортотопедическом* центре легитимации вроде Кремля или Содружества. Отчасти эти законность и легитимность увязаны с признанием со стороны куда более обширного сообщества, чем СНГ (хотя страны СНГ, напомним, также являются участниками этого сообщества). Таким образом, «цветные революции» намечают тот предел, после которого, собственно, и оформляется «европейский выбор».

Итак, излюбленные «транзитные» аргументы Содружества перестают действовать внутри Содружества: если ранее все говорили о том, что «мы не созрели», что у нас «особое пространство» и пр., то теперь объявляется: нет «кворума». В чем состояла прелесть Содружества? В том, что эта была надстройка (или основание) «для всех» и «во имя всех»: мощь единогласия говорила вместо всякой единичной и случайной воли народа. Но сегодня, когда г-н Лукашенко заявляет, что Запад имеет к нему претензии из-за дружбы с Россией, то остается необъяснимым, почему из-за дружбы с Россией Запад не критикует Украину? Дело, наконец, еще и в том, что события в Грузии, Украине и Молдове некоторым образом обнажают основное, хотя и неписаное, предназначение СНГ. Успех же символического (идеологического) производства в духе «наблюдений» и «номинаций» СНГ во многом определялся тем, что осевая его функция оставалась незамеченной (по той простой причине, что наиболее эффективно работает то, что не контролируется сознанием).

Фундаментальный парадокс СНГ можно было бы сформулировать следующим образом: являясь защитным «экраном» от демократии, СНГ – в силу заявленных целей – способствует демократизации входящих в него государств. Те государства, которые достаточно эмансипировались и в целом достигли целей, прямо сформулированных в знаменитом Соглашении о создании СНГ⁹, выходят из Содружества. Принципиальная логика Содружества в конечном счете состоит в том, что его участники начинают действовать в прямом соответствии с буквой и духом закона, к которому – быть может, в силу какого-то недоразумения – присягнули.

2. Площадка обороны, или Жизнь и смерть военных союзов

В 1945 г. знаменитый гегельянец Александр Кожев в аналитической записке, адресованной французскому правительству, обосновывает невозможность реализации отдельными государствами суверенной политики в ядерную эпоху¹⁰. Будущее, утверждает Кожев, принадлежит крупным квазигосударственным объединениям. Это своего рода негативное резюме под социально-политическими убеждениями

«раннего модерна» (что государства-нации представляют собой высшую и «последнюю» форму социальной организации; что индустриальные общества сделают войну анахронизмом и пр.) подкрепляется в действительности группой позитивных проектов. Через 6 лет после создания НАТО (4 апреля 1949) был заключен Варшавский договор (14 мая 1955), а спустя 37 лет и один день – Договор о коллективной безопасности (15 мая 1992).

2.1 «Средний модерн»: глобальное подозрение

Принимая всерьез «факт» заката «ялтинского мира», следовало бы, однако, задуматься над базовой презумпции того мира, которая принимается как *sine qua non* мира современного. Ялтинское соглашение 1945 г., «закрывающее» эпоху «Тридцатилетней войны», как иногда именуют период от начала Первой до конца Второй мировой войны, легализует процесс, предполагающий частичный отказ государств от суверенитета в пользу устойчивых (и не «случайных») военно-политических союзов. Возникновение двух военно-политических блоков – НАТО и Варшавского договора (ВД) – это первая фаза формирования таких объединений (назовем ее «средним модерном»).

Логика Ялты – это прежде всего логика размежевания, установления новых границ внутри Европы (Одер-Нейсе), разделенной на блоки. Эта модель размежевания предписывается и несвропейскому миру (мировой периферии), который становится своего рода продолжением Европы и ее внутренних конфликтов. Каждый из блоков имеет своим центром сверхдержаву и структурирован в виде иерархии суверенитетов – более жесткой в случае с ВД, менее жесткой в случае с НАТО. Существование национальных государств внутри военно-политических блоков позволяет не только нейтрализовать потенциальную агрессивность отдельных наций, но и минимизировать возможность нападения со стороны внешнего агрессора: нападение на любого участника альянса рассматривается как нападение на альянс. В этом выявляется позитивный опыт сосуществования. Негативный опыт состоит в том, что региональные конфликты, спроецированные в пространство глобального конфликта двух систем – капиталистической и социалистической, – катализируют гонку вооружений, взаимное недоверие и страх.

«Разрядка» – это, по-видимому, ключевое слово, маркирующее переход от форм организации «среднего модерна» к альянсам и мезальянсам «позднего» или «высокого модерна». Процесс разрядки, являющийся лишь одним из измерений переделывания системы межблокового противостояния во что-то иное, в равной степени затронул США и СССР, однако для последнего утрата гегемонии внутри ВД означала аннулирование соответствующего проекта и утрату внешнеполитической легитимности СССР – знаки грядущего развала. Не заостряя внимания на причинах и особенностях этого развала, заметим: по сей день в Москве и Минске господствует

ложное убеждение, что демонтаж ялтинской системы требует возврата к политике национального суверенитета. Кризис ялтинского мира между тем не отменяет процесса купирования суверенитетов и движения от национально-государственных образований к крупным (региональным *par excellence*) объединениям.

2.2. «Высокий модерн»: ризома

ОДКБ ведет свое начало от Ташкентского договора о коллективной безопасности (ДКБ), подписанного в мае 1992 г. Спустя десять лет на основе нормативно-правовой базы ДКБ была создана ОДКБ, намечающая продолжение политики урезания/компенсации суверенитетов в части безопасности. В этом смысле ОДКБ обнаруживает преемственность с известными альянсами, хотя ее учредители любят подчеркивать, что организация не является ни римейком ВД, ни копией НАТО. Следовало бы настоять на том, что само НАТО не является копией собственной предыдущей версии, поскольку цели этой организации пересмотрены сообразно изменениям системы международных отношений и характера угроз.

В случае ОДКБ мы также имеем дело с новой расстановкой акцентов в перечне угроз. Принципиальным следует считать включение в Устав ОДКБ положения о том, что одной из целей организации и направлений ее деятельности являются координация и объединение усилий в борьбе с терроризмом и другими нетрадиционными угрозами безопасности. Учредительные документы ОДКБ не предусматривают противостояния другим военным союзам и государствам и рассматривают саму организацию как региональный фрагмент формирующейся мировой системы безопасности. В более узком смысле целями ОДКБ являются создание системы коллективной безопасности на постсоветском пространстве и военно-политическая интеграция государств-участников для совместного предупреждения угроз. Хотя ДКБ специально оговаривает, что его участники «не будут вступать в военные союзы или принимать участие в каких-либо группировках государств» (ст. 1 договора), сотрудничество с последними предполагается (ст. 8 договора, ст. 4 устава)¹¹.

Некоторые участники (в частности, Минск) склонны усматривать в ОДКБ потенциальную защиту от зачисток, подобных югославской или иракской. Такой «перспективизм» побуждает комментаторов классифицировать ОДКБ как «второе издание Варшавского договора», хотя и карикатурного типа – особенно если иметь в виду эффективность этой организации.

Можно вкратце остановиться на той неформальной программе ВД, которая, собственно, и позволила однажды наблюдать организацию в действии. Речь идет о низложении режима Дубчека (1968 г.), когда СССР вынудил коллег по ВД поучаствовать в «наведении порядка» Чехословакии. Удержание Европы в сфере советского влияния и профилактика социального бунта – вот неписанные «свойства» договора. Подобные негласные цели приписываются и ОДКБ. Между тем ни один из

участников ОДКБ (включая Россию) еще ни разу не получил коллективной военной помощи – косвенное свидетельство тому, что организация мало озабочена проблемой коллективной защиты. По этой причине Молдова, Грузия, Азербайджан и Узбекистан вышли из договора.

В плане эффективности ОДКБ вполне соответствует стандартам других межгосударственных союзов – СГ, СНГ, ЕврАзЭС, ЕЭП. И «стандарты» эти структурно предопределены решительным зазором между декларативными целями и «фигами в карманах» их участников. Несложно увидеть, каким образом на «экран» ОДКБ проецируются надежды и страхи его членов.

Так, например, для России ОДКБ – одно из средств сохранения влияния в окрестных пространствах и «буферизации» этих пространств, т.е. превращения их в буфер между Федерацией и прочим миром (сегодня это называется «подушкой безопасности»). По той же, в общем, причине, по которой Россия является основным финансовым донором организации (50%-ная доля), она не принимает близко к сердцу проблем, с которыми приходится иметь дело ее партнерам, и того более – способствует усугублению или замораживанию этих проблем. Буфер он и есть буфер.

По мнению белорусской стороны, создание ОДКБ призвано усилить военно-политическую составляющую ДКБ с учетом «процессов, в ходе которых определенные силы предпринимают попытки слома системы миропорядка». В рассуждениях Лукашенко с их полупрозрачными ссылками на «определенные силы» мы без труда опознаем риторические акценты эпохи «среднего модерна» с его центральной озабоченностью «системным» противостоянием. С «внешней» точки зрения попытка Беларуси выставить себя в качестве последнего оплота на пути продвижения НАТО выглядит, конечно, довольно затейливой: РФ обставлена базами НАТО со всех сторон, и в совсем уж светлую голову западет мысль о том, что НАТО всенепременно будет ломиться в белорусский «коридор» (навязчивая тень минувшей войны).

Третий показательный пример – это Казахстан (и другие страны Центральной Азии). На наш взгляд, точка зрения Казахстана на безопасность является наиболее современным и адекватным восприятием специфики эпохи «высокого модерна». Казахстан состоит одновременно в ОДКБ, ОБСЕ и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), активно сотрудничает с НАТО, США и Россией в военной сфере, иными словами, пытается сформировать вокруг себя многослойную систему безопасности. Достоинством такого подхода является, во-первых, избежание сценариев глобальных противостояний (наваждение «среднего модерна») и, во-вторых, – минимизация угрозы превращения территории страны в арену противостояния внешних сил (казус РБ). Наконец, Казахстан, по всей видимости, близок к артикуляции стратегии «селективного подбора» структур безопасности в зависимости от их осевой специализации. В частности, деятельность ОДКБ, полагают в Астане, должна быть преимущественно посвящена проблемам наркотрафика и терроризма.

Высока вероятность того, что позиция Казахстана возобладает – и тогда ОДКБ со временем преобразуется в региональную систему безопасности, достаточно основательно интегрированную в мировую систему. Уже сегодня на территории Киргизии и других государств Центральной Азии соседствуют базы США и России. Это и есть значимый симптом эпохи «высокого модерна». В подобных «соседствах» нет никакого скандала: взаимное наложение систем безопасности, их децентрализованная структура (которой лучше всего подходит образ *ризамы*) на деле способствует разрядке и снижению взаимного недоверия и страха. Словом, вопреки всем «фигам в карманах» ОДКБ, по всей видимости, рано или поздно достигнет своих декларативных целей. В том и состоит урок Варшавского договора.

Задним числом констатируем, что историческая миссия Варшавского договора была все же реализована – в том смысле, что она парадоксальным образом совпала с его декларативным намерением, состоящим в «создании общеевропейской системы безопасности». Сегодня, спустя 50 лет после учреждения ВД, эта (многослойная) система фактически создана: все страны Европы от Атлантики до Урала входят в ОБСЕ, подавляющее их большинство являются членами НАТО или сотрудничают с альянсом. Остается вопрос ориентации ОДКБ.

С этим пока еще не все ясно, однако показательна инициатива по изъятию из документов ОДКБ понятия «постсоветское пространство», что прежде всего означает: геном «общей истории» (происхождение из СССР) более не является основой и гарантом военно-политического партнерства. Иными словами, негласно признается, что противниками стран-участниц Договора могут выступить в том числе и некоторые бывшие участники Содружества. Между тем термину «постсоветское пространство» не найдено адекватной замены, и это является свидетельством тому, что с объединительным принципом пока не все ясно. Как и с образом врага, на который – по старинке – напрашивается основной партнер ОДКБ – НАТО.

3. Экономическая площадка

Подобно ОДКБ, ЕврАзЭС содержит в себе известные родовые пороки, специфичные для интеграционного объединения данного типа (на сей раз «торгово-экономического», а не «военно-политического»). Так же как и ОДКБ, эта организация позиционируется относительно собственной «потенциальной угрозы» – Всемирной торговой организации (ВТО), вступление в которую, впрочем, включено в актуальную повестку дня. Более того, вступление в ВТО сегодня организует эту повестку. В ВТО хотят и Россия, и Беларусь, и другие участники ЕврАзЭС – и по этой причине они стремятся окуклиться в пределах пространства льгот, преференций, гарантированного сбыта и пр.

Но поскольку нормативы унификации (таможенного законодательства, налоговых кодексов, банковских систем и т.д.) оказываются в ведении ВТО, на попечении

ЕврАзЭС (так же как и ЕЭП, «шевеление» в которой на время прекратилось из-за «чисто инструментального» подхода Украины) остается лишь «спецификация». То есть: возведение таможенных заборов, введение ограничительных мер против товаров стран-участниц (вплоть до объявления торговой войны), а также и (и это очень важно) организация прямых президентских поставок крупных товарных партий и других полезных инициатив в обход «невидимой руки рынка».

Неэффективность этой структуры (если эту «неэффективность» мыслить узкоэкономически) проистекает – вопреки расхожему мнению – не из структурных различий, но, напротив, – из сходств социально-экономических укладов, структурообразующий принцип которых довольно прост: доля общественного богатства, достоящаяся индивиду, прямо зависит от его положения в политической иерархии. Так конкуренция национальных экономик преобразуется в конкуренцию национальных элит, вполне резонно принимающих те или иные экономические интересы (с национальной привязкой) за свои собственные.

Подобно всем другим постсоветским интеграционным «точкам роста», ЕврАзЭС никогда не являлся в строгом смысле экономическим союзом, но всегда был политической площадкой для выражения воли к союзу. На площадках ЕврАзЭС и ЕЭП мы говорим о воле к экономическому объединению, на площадке ОДКБ – о воле к формированию пространства коллективной безопасности, на всех остальных площадках (посредством различного рода эвфемизмов) – об угрозе утраты власти и связанных с ней привилегий.

В отличие от других подобных объединений (например, Союзного государства, ЕЭП или СНГ), ЕврАзЭС является субъектом международного права (организация зарегистрирована в ООН), и это обстоятельство актуализирует известный мотив, связанный с тем, что с коллективным субъектом считаются в большей степени, нежели с субъектом единоличным. Правда, последний мотив скорее умозрительный, нежели руководящий: в случае с постсоветскими странами принцип «максиминимум», известный из теории игр, чаще всего не работает. Так, например, каждый из участников ЕврАзЭС стремится вступить в ВТО быстрее других, разорвав порочный круг гласных и негласных договоренностей. В данном случае выполнение подобных договоренностей парадоксальным образом зависит не столько от договаривающихся сторон, сколько от ВТО.

4. «Союзное государство»

Можно утверждать, что количество объединений постсоветикума, в которых участвует государство, прямо пропорционально, с одной стороны, его неготовности осуществлять полноценную суверенную политику, с другой – необходимости некоторым образом избежать полной политической изоляции. Беларусь, как известно, состоит во всех постсоветских альянсах – это дополнительный момент, затуманивающий «европейскую перспективу» и отодвигающий ее на неопределенный срок.

«Союзное государство» (СГ) – это, пожалуй, самое загадочное государство в мире, поскольку негласно признается, что способ его существования не поддается определению: оно нигде не зарегистрировано в качестве субъекта международного права (в частности, в ООН). Подавляющее большинство решений по Союзному государству принимаются от имени Беларуси и России как независимых государств, а не от имени СГ. Все три узловых проекта данного государства – Конституционный акт, единая газотранспортная система и единая валюта – так и остались проектами на бумаге, вернее, даже на бумаге эти проекты недостаточно детально прописаны. Между тем СГ существует в виде чисто идеологического, медийного феномена, площадки для встреч президентов двух стран, время от времени актуализирующих одну из трех проблем – Конституция, валюта, газотранспортное предприятие. Всякий раз каждый из этих проблемных проектов используется в качестве инструмента шантажа, своего рода средства, позволяющего держать ситуацию под «контролируемым давлением»; разрядка конфликтной ситуации воспринимается как очередной «шаг навстречу друг другу».

Когда Сергей Лавров заявляет о том, что «демократические принципы нельзя развивать извне», то в свете предполагаемого наличия СГ это, по всей видимости, можно было бы истолковать таким образом, что демократизация возможна «изнутри». Действительно, Договор 1999 г. предусматривает подобную демократизацию: «Союзное государство является светским, демократическим, правовым государством, в котором признаются политическое и идеологическое многообразие, многопартийность» (ст. 5). И поскольку одной из целей СГ декларируется «неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права» (ст. 2)¹², то выполнение сторонами соответствующих обязательств не следует истолковывать как навязывание демократии «извне». Таким образом, существует один-единственный способ реализовать договоренности СГ: превратить его участников в полноправных членов евроатлантического сообщества.

5. Вместо эпилога

Велик соблазн происходящее в пределах пространства, выступающего «правопреемником» постсоветского (которое, напомним, являлось «правопреемником» пространства советского; сегодня в строгом смысле в него входят шесть стран – Армения, Беларусь, Киргизия, Казахстан, Россия, Таджикистан), обозначить в качестве процесса *дезинтеграции посредством интеграции*. В таком случае речь велась бы о том, что каждый последующий интеграционный проект, с одной стороны, сужает число участников, отсеивая «маргиналов» и «несправившихся», а с другой – перехватывает функции организаций-предшественников (которыми иной раз являются те же самые организации, но «старого типа»). Но это была бы только половина правды.

Ибо вторая ее половина состоит в том, что выбывшие из игры участники – это прежде всего те, кто эмансипировался уже в той мере, чтобы формировать собственный национальный проект, самостоятельно выбирать судьбу, в том числе – совершая «европейский выбор». И в этом случае мы также имеем дело с процессом *эмансипации посредством интеграции*: различного рода объединительные проекты позволяют дозреть национальным суверенитетам до кондиции, позволяющей их расценивать в качестве таковых. В практическом смысле позитив партнерского и союзнического (интеграционного) взаимодействия состоит в том, что подобное взросление осуществляется относительно безболезненно, т.е., с одной стороны, без серьезных региональных конфликтов, а с другой – с минимизацией числа «потерянных душ» (ситуация «государств вне союзов» – Корея, Куба, Туркмения). Разумеется, при всех оговорках относительно этой ситуации.

Примечания

- ¹ См., например: Яскевич Я.С. Основы идеологии белорусского государства. Минск: ТетраСистемс, 2004.
- ² В действительности, если избежать общих ссылок на географическую и культурно-историческую близость, контекстуальную привязку Беларуси к Европе вообще и ЦВЕ в частности обнаружить сложно. Весьма показательно то обстоятельство, что у белорусских элит – как в «позитивной», так и в «протестной» их части – не существует признанной концепции взаимоотношений с ближайшими соседями. Для Беларуси существуют лишь «страны СНГ» и «остальной мир». Единственной значимой попыткой что-либо изменить в этом отношении можно считать учреждение Центрально-европейской инициативы с подачи экс-министра иностранных дел Ивана Антоновича. Следует сказать, что и для стран ЦВЕ, в свою очередь, не существует какого-либо регионального среза: имеются лишь ЕС (внутри которого – например, Вышеградская группа), с одной стороны, и «постсоветские страны» – с другой.
- ³ Darden K.A. Blackmail as a tool of state domination: Ukraine under Kuchma // East European Constitutional Review. Vol. 10, #2-3 (Spring Summer 2001) / http://www.law.nyu.edu/eecr/vol10num2_3/focus/darden.html
- ⁴ См.: Бурдые П. Дух государства: Генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. С. 125–166.
- ⁵ Alam M. The Crisis of Empire in Mughal North India, Awadh and the Penjab. 1708-1748. Oxford-Delhi: Oxford University Press, 1986. P. 17.
- ⁶ 31 декабря 2001 г. истек четырехлетний срок полномочий первого главы КНГ ОБСЕ Ханса-Георга Вика, на место которого руководство ОБСЕ предложило бывшего посла Германии в Украине Эбергарда Хайкена. Официальный Минск не принял нового главу КНГ и потребовал пересмотреть мандат миссии. С 1 января 2002 г. обязанности главы КНГ исполнял Мишель Риволье. Виза у дипломата истекла 15 апреля. Белорусские власти не продлили ее, а 1 июня фактически выдворили Эндрю Карпентера. Финальным аккордом в необъявленной войне против КНГ ОБСЕ стали за-

секреченные слушания в Палате представителей, состоявшиеся 22 мая, по ситуации, сложившейся вокруг миссии. Главным докладчиком на них выступал председатель КГБ Беларуси Леонид Ерин. 28 мая Центр информации и общественных связей КГБ Беларуси распространил пресс-релиз, в котором передается смысл выступления Ерина в парламенте. КГБ в очередной раз обвинил КНГ ОБСЕ во вмешательстве во внутренние дела страны. Леонид Ерин заявил, что КНГ ОБСЕ с самого начала деятельности на территории Беларуси в 1997 г. находилась под полным контролем США.

⁷ Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 72.

⁸ Ультиматум, адресованный ОБСЕ, вдохновлен идеей разделения вопросов «подлинной» безопасности (предотвращение угроз незаконной миграции, терроризма и пр.) и «вторичной» гуманитарной проблематики. Смысл этого ультиматума, возможно, представляется несколько туманным для европейцев, которые не вполне понимают, каким образом можно отделить проблемы безопасности от проблем гуманитарного цикла или, шире, проблем демократии, которая мыслится в качестве предусловия безопасного мира (или мира, более или менее безопасного).

⁹ «Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация, Украина как государства-учредители Союза ССР <...> стремясь построить демократические правовые государства <...> подтверждая свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, Хельсинкского заключительного акта и других документов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, обязуясь соблюдать общепризнанные международные нормы о правах человека и народов, договорились о нижеследующем...» (Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Преамбула / <http://cis.minsk.by/main.aspx?uid=176>)

¹⁰ См.: Погорельский А. Восточноевропейская мечта // Политический журнал. №21 (61). 14.06.2005 / <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=3667&issue=106>

¹¹ Пакет документов к проекту Закона РК «О ратификации Устава Организации Договора о коллективной безопасности» / <http://www.mizinov.net/articles/3232>

¹² Договор о создании Союзного государства / <http://www.rg.ru/oficial/doc/sng/dg.htm>

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ГОРИЗОНТ БЕЛОРУССКОГО ВООБРАЖЕНИЯ*

Какой предстает «Беларусь» в контексте современных размышлений о Европе? Ответ на данный вопрос весьма не прост. Сегодня много говорят о *европейском пути Беларуси*, но мало проясняется, что он, собственно, значит именно в контексте *белорусской идентичности*. Беларусь всегда стремилась в европейское пространство и начинала свою историю как европейская культура, но при этом постоянно в силу самых различных исторических причин оказывалась вырванной из этого пространства. Данную тенденцию отрыва от Европы сознательно поддерживает нынешняя белорусская власть. В итоге, на мой взгляд, сложилась парадоксальная ситуация: белорусам в сокращенной форме нужно пройти определенные этапы, уже пережитые Европой, с тем чтобы претендовать на европейскую идентичность. И в этом смысле все, что было сказано о процессах и перспективах европейской идентичности, существенно и для Беларуси. Но, с другой стороны, нам нужно подчеркнуть, вероятно, и более важный момент. Каждая страна становится европейской, по-своему прочитывая европейский текст. Речь идет о том, чтобы, оставаясь самими собой, стать понятным другим. Пока Беларусь, скорее, идет в обратном направлении и в итоге... становится все более непонятной самой себе.

Попытки осмысливать процессы, происходящие в нашей стране, вне тенденций, характерных для современного мира, обречены на провал. Конечно, однозначно оценить происходящее в мире невозможно. Поэтому современная социальная теория предлагает самые различные концептуальные модели для решения данной задачи. Одной из самых радикальных является,

---

* Фрагмент текста, подготовленного для сборника «Европейская перспектива Беларуси: интеллектуальные модели»

например, социальная теория Ж. Бодрийара. Далеко не со всеми ее положениями можно согласиться. Но именно радикальностью своих выводов и оценок Бодрийар побуждает нас серьезно размышлять о реальных проблемах. При этом необходимо понять: то, о чем пишет французский философ, происходит не только «где-то там», но так или иначе влияет и на Беларусь, нравится это кому-то или нет.

Важно понять, что означают распространенные ныне суждения о «конце истории», в том числе в интерпретации Бодрийара. Интересны его слова: «Единственная вещь, которую мы пытаемся представить, – как избавиться от нашей истории, которая слишком тяжела и, к тому же, начинается снова и снова. И мы мечтаем о любом событии, которое пришло бы извне, из другой истории. Это фантазия, секретная формула тысячелетия, которая могла бы все изменить вокруг. Что-то неизбежно, мы чувствуем это»¹. Они сказаны по поводу конца тысячелетия. Но для Беларуси тысячелетие еще не окончилось: страх перед будущим побуждает к попыткам заморозить время. Отсюда стремление найти чудодейственную формулу изменения, некую тайну национальной истории, причем независимо от связанных с этим политических коннотаций. Есть ли такая тайна? Или же эта тайна – мы сами и характер нашего действия?

Бодрийар полагает, что данные тенденции – это результат глобализации. Поставим в этой связи вопрос: не является ли нынешнее положение в Беларуси, ее неспособность сделать выбор проявлением страха перед историей, отражением неспособности адекватно ответить на вызовы глобализации? И в этой ситуации не начинает ли осуществляться попытка «уйти от истории», задержать прошлое и тем самым предотвратить будущее? Интересно в этой связи замечание Бодрийара: «Чем больше будущее избегает нас, тем больше поиск возврата к истокам, возврата к первичной сцене (как индивидуальной, так и коллективной) становится нашей навязчивой идеей. Как следствие, мы пробуем собрать свидетельства: свидетельства времени прошлого, человеческой эволюции»².

Особенно ярко подобный поиск выражается в конструировании национальных идентичностей и в попытках сформулировать так называемую «национальную идею», выполняющую функцию отграничивания своей национальной идентичности от других. И именно при формулировании подобных идей четко проявляется связь интерпретаций истории, или конструирования собственного прошлого, с политическими взглядами и практиками «конструкторов». А Казакевич удачно раскрывает эту проблему на примере конструирования знания о Великом княжестве Литовском³. Автор выделяет и подробно анализирует три принципа такого конструирования исторического знания: генеалогия, национальное присутствие, роль власти. Представляется, что на основе данных принципов можно анализировать любой процесс конструирования исторических истоков конкретной идентичности. Речь в данном случае чаще всего идет об осознании своего места в мире, т.е. осознании своей личности и естественности своего государственного существования, на чем бы оно ни базировалось.

Ярким примером подобного подхода является концепция «русской идеи» Вл. Соловьева⁴. Очевидно, что под влиянием такой концептуальной структуры начались поиски и «белорусской идеи». Достаточно в этой связи напомнить о концепции И. Абдираловича⁵. Абдиралович отмечает, что очень часто в реальной жизни форма подчиняет себе содержание, не давая ему свободно развиваться, хотя любые формы создаются самими людьми. Собственно, эта идея была сформулирована Гегелем и Марксом в виде концепции *отчуждения*. Необходима же, отмечает Абдиралович, следуя Гераклиту, «*льющаяся*», изменчивая форма, которая бы отвечала потребностям меняющейся жизни. В то же время, как можно понять из текста Абдираловича, «размытость форм» и делает белорусскую идентичность неопределенной. Задача – найти ее устойчивую форму («белорусскую форму жизни»), что фактически противоречит концепту льющейся формы: как только белорусы вернутся на свой изначальный, вечный путь, форма должна приобрести устойчивость и неизменность. Но для этого требуется высокий духовный уровень людей, поскольку именно от низкого духовного развития они подчиняют свою жизнь внешним формам: «Чем темнее душа, тем безраздельнее господство формулы».

Критикуя европейские формы, Абдиралович фактически следует традиционной для русской мысли критике европейского мещанства, моды, дисциплины, «канцелярии», опираясь на идею «переоценки всех ценностей» Ф. Ницше. Отсюда его вывод: «Не мертвые формы, а сам человек – хозяин своей жизни. Он творит все формы жизни, они зависят от человека, который не должен оставаться под мертвой властью прогнивших форм: религии, морали, законов, общих целей. Время понять, что жизнь управляет формами, а не наоборот, что сам человек, его великая, родственная солнечным лучам душа, ее естественные стремления к свету, красоте, правде – содержание жизни, что в истинной независимой жизни нет места ни идеалам, ни жертвам». Именно такой облик должна принять «белорусская идея», точнее, «белорусский путь».

Очевидна противоречивость подобного мыслительного конструкта. Хотя Абдиралович и настаивает на движении, само это движение оказывается просто вечным возвращением на некий изначально существующий путь, от которого народ когда-то уклонился. Понятно, что в таком случае конструировать нечего: организм растет сам, как растение из почки; нужно только создавать благоприятные условия для роста. Правда, в действительности подобный эссенциализм оборачивается, как правило, самым радикальным конструктивизмом. Судьба такого возвращения к истокам очень часто оказывается весьма трагичной. Вряд ли стоит подробно напоминать, какими результатами заканчивалось подобное конструирование национальных идентичностей для многих европейских народов в XX столетии.

Другой и, на мой взгляд, более адекватный и соответствующий современным тенденциям социальных изменений подход предлагает В. Акудович⁶. Автор констатирует кризис идеи Беларуси, причины которого видит в характере самой постановки проблемы, отмечая бесперспективность данного предприятия в силу ошибоч-

ности задаваемой системы координат. Акудович противопоставляет *идею Беларуси* и *дискурс Беларуси* в контексте различения *модерного* и *постмодерного* подходов к белорусской идентичности. В отличие от эссенциалистской идеи Беларуси дискурс Беларуси выявляет открытость белорусской идентичности и в какой-то мере совпадает с идеей «люющейся формы» Абдираловича. Прочитируем Акудовича: «Беларусь как *дискурс Беларуси* и Беларусь как *идея Беларуси* – это две концептуально враждебные позиции, два решительно несовместимых видения как реального, так и а-реального мира. *Идея* Беларуси – это обычный платоновский симулякр, которым не обозначается нечто реально существующее и который имеет смысл лишь применительно к а-реальности и к тому же только в ее логоцентрическом измерении... *Дискурс* Беларуси – это определенное измерение вечно движущегося существования, охватывающее все социокультурные феномены... В отличие от *идеи* Беларуси, выражающейся в некоторой сумме абсорбированных, систематизированных и статично зафиксированных знаков, *дискурс* Беларуси наперед ничем не задан... Беларусь как дискурс, противостоя *идее* Беларуси как таковой, вместе с тем не отрицает все то, что мы воплощаем в этой идее, чем ее подкрепляем и обеспечиваем – он отрицает только само понятие *идеи* и методологию ее функционирования». Во многом близки к данной концептуальной структуре и идеи В. Булгакова, в частности, при анализе им концепта национального возрождения⁷.

Следуя Акудовичу и Булгакову, можно сказать, что *осмысление белорусской идентичности и ее границ требует сегодня нового типа мышления*. Конечно, этот тип мышления должен включаться в контекст европейской идентичности, но последнюю не следует рассматривать как некую неизменную сущность, которую нужно только принять. Европейская идентичность есть дискурсивная формация, в которой в режиме диалога встречаются различные модели европейского дискурса. В этом контексте необходимо, согласимся с Булгаковым, отказаться от маргинальности и вторичности мышления, от комплекса неполноценности, зависимости от внешних источников мысли, нужно, напротив, научиться вступать в равноправный диалог с другими типами мышления. Требуется очень конкретный и строгий анализ проблемы, а не просто жесткие и в чем-то безответственные высказывания о «смерти народа». Ведь сразу возникают вопросы: о каком «народе» идет речь? Существует ли этот «народ» как таковой? Или это только наша конструкция, которая оказалась не в ладах с реальностью, и тогда мы начинаем проклинать реальность? Кроме того, важно учитывать историю развития той или иной нации.

В этой связи весьма удачно роль исторического наследия в определении различия путей развития Украины и Беларуси после распада СССР показана в работе М. Нордберга и Т. Кузио⁸. Авторы видят истоки этих различий в степени развитости национального сознания, – что было обусловлено предшествующим историческим развитием украинского и белорусского народов, – более высокой в Украине и более низкой в Беларуси. Анализ, предложенный авторами, во многом дополняет подходы

Акудовича с точки зрения того, как необходимо строить конкретный национальный дискурс, а не просто рассуждать о некоей абстрактной «белорусской идее».

Подчеркнем, что в центре национального воображения, как и воображения любой иной идентичности, находится концепт *границы*. Граница как утверждение отличия от другого – это разрыв тождества, встреча и переход своего и чужого. Границы – это событие⁹. При этом важно всегда иметь в виду политическое и культурное измерения границы, которые, стремясь в идеале к совпадению, никогда его не достигают. Модернизм задает тенденцию конструирования политических и культурных границ в духе их фактического совпадения. Результатом стали катастрофы двух мировых войн, этнические чистки и тому подобные явления. Причем, как показывает опыт, самое опасное начинается тогда, когда некоторая культура, пытаясь утвердить свою идентичность, все время сосредоточена на установлении границы и, соответственно, своего отличия от других.

Классическим сюжетом, выражающим названный феномен, является известная дилемма «Россия» и «Запад» и продолжающийся уже два столетия «спор» *славянофилов* и *западников* в России. Заметим, что нынешние белорусские власти перетягивают этот спор в границы белорусской культуры, пытаясь почти анекдотически представить себя антизападным форпостом, охраняющим ценности некоей «славянской цивилизации». Этот же спор в современной России вкупе с имперским сознанием тормозит пути выхода российского общества на пути самодостаточного развития.

«Запад» в данной конструкции – это не те или иные конкретные страны и общества, но исключительно «значимый другой», миф, фиксирующий границу собственной идентичности, причем граница, как ни парадоксально, проведена «извне», поскольку «Запад» – это смысловая точка, а «Россия» – феномен производный и представляемый лишь в негативной форме, в категориях *непринадлежности* к «Западу». Фактически, хотя и с иными знаками, воспроизводится все та же логика европоцентризма. При этом данная граница – как бы двусторонняя: она ограждает Россию не только для того, чтобы в нее не проникало западное, но и чтобы не трагилось, не терялось, «не расплескивалось» свое. Этой же логике следует и вообразившая себя неким имперским центром белорусская власть. Сосредоточенность на границе тем самым обнаруживает незавершенность и закомплексованность соответствующей культуры. Отсюда же тот смысл, который придается в конструировании русской (а сегодня и белорусской) идентичности *войнам*: они показали именно «другим», какие мы есть на «самом» деле, и при этом не просто защитили, но и расширили наши границы.

Иными словами, анализируя ту или иную культуру как совокупность «практик ограничивания», мы всегда должны исходить из той конкретной ситуации, в рамках которой порождаются культурные конструкты. Это – ситуация многочисленных голосов, реально существующих в том или ином обществе, позиционированных в соответствии с отношениями власти и авторитета. С этой точки зрения, замечает

Дж. Фридман, культура не есть нечто там, в каком-то далеком от нас пространстве, которое мы стремимся схватить, какой-то текст или скрытый код. Это – относительно неустойчивый продукт практик производства смысла, многочисленных и социально размещенных актов приписывания смысла миру, многообразных интерпретаций как внутри определенного общества, так и между обществами¹⁰. Поэтому мы должны реконструировать культуру как поле практик и дискурсов, с которыми связаны конкретные социальные акторы и которые развиваются и изменяются в их взаимодействии. В каждом конкретном случае дискурсы и схемы (соответственно – и конкретные границы) являются результатом взаимодействия и в этом смысле оказывают обратное влияние на акторов. Именно с этой точки зрения может рассматриваться то, что обозначается как «европейская культура» и конструироваться как белорусские дискурсы европеизма.

Иначе говоря, следует исходить из проективного характера культуры. Характерным признаком культуры является наличие в ней *схем воображения* – и прежде всего воображения границ. Схемы объединяют то, что реально разделено, сводят к одному пункту то, что многообразно. Они показывают единство там, где его нет, и пытаются установить контроль над разделенной траекторией. Подобные схемы достигают определенной степени социальной убедительности, усваиваются многими акторами и становятся «истинными» благодаря реальным действиям, обретая тем самым социальную власть, редко оспариваемую. Но поскольку подобные схемы не являются «реальными», то они обязаны быть подвергнуты проверке, приближены к реальности, к «жизни». Чтобы быть успешными, такие попытки должны возобновляться опять и опять. Хотя в итоге никогда не достигнут полного успеха – граница устанавливается логикой идентичности, что легко провоцирует на использование силы при конструировании границ.

Особое значение в этом контексте имеет концепт *пограничья (borderlands)*. Этот термин первоначально использовался для описания регионов, расположенных вдоль политических, обычно национальных, границ, где характерен высокий уровень экономического, социального и культурного обмена. Постепенно он стал распространяться и на описание ментального, культурного или психологического пространство, сначала в США (особенно популярен этот подход при анализе границ между США и Мексикой, США и Канадой), а затем и на геополитические дискуссии об этнической идентичности в Европе. Идея пограничья представляет собой попытку справиться с идентичностями, которые не соответствуют господствующим дискурсам этничности, расы и нации, понять противоречия, которые возникают в случае наложения правовой и политической «большой картины» на реальный жизненный опыт культуры, пересекающей границы¹¹. Приведем определение пограничья, предлагаемое Бобковым: «Термин *пограничье* определенным образом характеризует топику пространства – это пространство, прилегающее к границе, соединенное и связанное границей, пространство, для которого именно граница является организующим принципом, сущностью и центром притяжения. Пограни-

чье лежит по обе стороны от границы, и его топологический статус парадоксален: пограничье приобретает определенную целостность через факт собственной разделенности, т.е. через динамическое событие разграничения, встречи и перехода Своего и Чужого, или Единого и Иного. Именно это динамическое событие соответствует тому, что в европейском мышлении называется сущностью, центром, принципом, первопричиной, Богом»¹². Правда, здесь нужно еще подумать, насколько целесообразно использование термина *сущность*. Может быть, лучше говорить о практиках конструирования сущностей. Очевидно при этом, что на границе происходит не слияние культур и идентичностей, но балансирование между ними, движение между культурами. Именно так, возможно, стоит осмысливать белорусскую культуру и идентичность¹³.

Согласно Х. Бхабха, пограничье сегодня есть не просто географическое понятие, но скорее способ восприятия ситуации культуры, положения в этой культуре «промежуточных» пространств и конструирования соответствующих идентичностей. «Эти пространства “между” становятся фундаментом для выработки стратегий самости – индивидуальной или коллективной, – которые порождают новые черты идентичности, новые зоны взаимодействия и попытки переосмыслить идею общества самого по себе»¹⁴. Тезис Бхабха нужно очень серьезно осмыслить в плане интерпретации белорусского пограничья в контексте конструирования европейской идентичности. В центре подобного осмысления находится поиск ответа на вопрос: каким образом стратегии репрезентации и формирования (субъектов) возникают из разноречивых попыток самоидентификации сообществ, в которых взаимообмен ценностями, значениями и приоритетами действия далеко не всегда основывается на принципах равенства и сотрудничества, а порой и вовсе наоборот – на антагонизме, конфликтности и даже полнейшем взаимонепонимании?

Вернемся в этой связи к концепции Абдираловича, согласно которой бытие на границе, колебания между Западом и Востоком и отсутствие при этом четкого выбора и составляют своеобразие белорусской идентичности. Правда, автор, как представляется, несколько упрощает проблему. Ведь ни «Запад», ни «Восток» не представляют собой в реальности нечто единое. Это всегда конструкции, обусловленные временем и политическими задачами, и их нельзя толковать вне исторически. Здесь, сошлемся на Бхабха, не может быть каких-то заранее предзаданных культурных качеств, жестко зафиксированных традицией, но имеет место процесс постоянного конструирования, особенно в ситуациях исторических трансформаций. Прямо к ситуации белорусского пограничья относятся следующие слова Бхабха: «“Право” наделять значениями (в отношениях периферии и авторизованной власти) несколько не определяется господством традиции; оно каждый раз артикулируется заново посредством проявления мощи традиции в условиях неопределенности и противоречивости жизни тех, кто “в меньшинстве”. Признание того, что привносится традицией, является лишь частичной формой идентификации. Посредством реструктуризации прошедшего и внесения в него

иновременных культурных конструктов осуществляется изобретение традиции. Этот процесс затрудняет непосредственный доступ к изначальной идентичности и “унаследованной” традиции. Пограничные столкновения культурных различий могут как достигать консенсуса, так и вступать в конфликт. Они способны вносить сумятицу в наши определения традиционного и современного общества, перекраивать устоявшиеся границы между индивидуальным и общественным, между высоким и низким, бросать вызов традиционному пониманию развития и прогресса»¹⁵.

В этой связи мы обращаемся к языку анализа границ идентичностей, разработанному прежде всего в рамках *постколониальных исследований*. В частности, речь идет о концептах *гибридности* и *гибридных идентичностей*. Во многом продолжая идеи С. Холла, Бхабха отмечает, что гибридная стратегия или практика открывает пространство согласования, в котором силы неравны, но их артикуляция допускает двойное толкование. Согласование делает возможным возникновение промежуточной деятельности, которая отказывается от бинарной репрезентации социального антагонизма. Иными словами, смысл гибридности в том, что такая идентичность занимает «третье пространство» между пространством колонизаторов и пространством колонизированных, т.е. ведет пограничное существование. Она постоянно пересекает границу, не находясь нигде конкретно. Более того, гибридность – ключ к обсуждениям идентичности не только потому, что она усложняет и при этом предохраняет от узких категоризаций, но и потому, что по-новому фиксирует изменчивость и случайность идентичностей, показывая как следствие конкретных цепей исторических событий и идей. Представляется, что именно в этом контексте возможно адекватное развитие европейских дискурсов Беларуси.

Дискурс гибридности в данном случае пересекается с *мультикультуральным дискурсом*. Мультикультуральное в современном культурном и политическом дискурсе стало «плавающим означающим», загадка которого скрыта не столько в нем самом, сколько в его дискурсивном употреблении для обозначения социальных процессов, в которых дифференциация и конденсация происходят, по-видимому, почти одновременно. Переходность культуры, скажем, как в ситуации Беларуси, открывает более широкие возможности для конструирования идентичностей. Попытки строить закрытые культуры не имеют перспектив, ибо это, отмечает Бхабха, ведет к разрушениям и хаосу. Речь должна идти о многообразии критического прочтения тех или иных культурных текстов, что превращает конструирование идентичности в политический процесс. По словам Бхабха, язык критики эффективен «потому, что он преодолевает предзаданные оппозиции и открывает пространство преобразования: выражаясь метафорически, пространство гибридности, где происходит конструирование политического объекта как нового, *ни того и ни другого*, совершенно отличного от наших политических ожиданий и с необходимостью трансформирующего саму форму прежнего понимания политического

дискурса»¹⁶. Именно поэтому приоритет согласования над отрицанием позволяет развивать гибридные идентичности в позитивном направлении.

Важно также учитывать пределы применения подобного языка при анализе белорусской идентичности в европейском измерении. Как отмечает И. Бобков, при обращении к проблеме белорусской идентичности мы обнаруживаем наличие в архиве европейского мышления двух стратегий: универсализации уникального (белорусский опыт рассматривается как часть более широкого, родового опыта) и уникализации универсального (белорусский опыт выступает как несоизмеримое и не сравнимое ни с чем событие). Очевидно политико-культурное различие последствий обеих стратегий. Именно поэтому, согласимся с Бобковым, «как цельная и полная, белорусская культура может *состояться* – в сегодняшних условиях – только как *культура пограничья*, как культура внутренней разграниченности, встречи и перехода отличных (разнонаправленных, конфликтных) культурных частей»¹⁷. В этом плане особое значение имеет освобождение Беларуси от колониального сознания и преодоление ею своей периферийности.

Итак, возможны различные стратегии вхождения Беларуси в горизонты европейской идентичности. Среди этих стратегий ключевое значение принадлежит, на мой взгляд, стратегии конструирования современной белорусской идентичности как *идентичности космополитической*. Само наложение в Беларуси различных культурных потоков делает перспективным не исключение какого-то из них, но их взаимопризнание в форме строительства *космополиса* под названием «Беларусь», который может стать своеобразной моделью космополиса «Европа». И это не притязания на исключительность или центральность белорусского топоса, это констатация реального факта.

Если прежде космополитизм оценивался скорее негативно, то сегодня он принимается намного более благосклонно, что связано с радикальными социальными изменениями и появлением новых практик идентификации. Более того, считается, что именно космополитизм в современном фрагментированном мире может стать основой согласования многообразных идентичностей, поскольку за ним скрыт принцип изначального равенства всех людей.

Космополитизм как определенная идеология складывается, при опоре на античное и ренессансное наследие, в эпоху Просвещения. Наиболее четко космополитическая идея в ее классической форме в качестве политической философии была артикулирована И. Кантом, причем на основе ее противопоставления не национализму, а теориям, преувеличивающим роль национального государства. И по сей день концепция Канта остается наиболее важным философским источником современных нормативных теорий международных отношений, включая концепции глобального гражданского общества и транснациональной публичной сферы. Однако, обращаясь к сегодняшнему осмыслению космополитизма, важно учитывать время возникновения концепции Канта. «Вечный мир» Канта предшествует тому, что Лорд Актон назвал эпохой «модерной теории национальности». Кант поэтому

сосредоточен на философском обосновании гражданского республиканизма и федерализма. Феномен и концепт нации находились еще в стадии формирования, и потому права нации для Канта не имели особого значения.

Новое понимание космополитизма, уже противостоящее национализму, появляется тогда, когда нация была привязана к территориальному государству. Так, для К. Маркса (*Манифест коммунистической партии*) космополитизм есть выражение капиталистической эксплуатации во всемирном масштабе, а сама буржуазия космополитична по своей сути. Космополитизм (интернационализм) есть результат реального развития производительных сил. Согласно Марксу, национальность принадлежит к начальной стадии капиталистического производства, являясь его естественной стадией. Идеологически она уже устарела в эпоху космополитического капитализма, но реально все еще существует, и ее уход должен быть ускорен критической идеологией. При этом космополитизм буржуазии есть необходимое и позитивное условие всемирной пролетарской революции, а также того, что пролетариат должен разрушить. В отличие от Канта, Маркс учитывает феномен нации, но также не придает ему особого значения, рассматривая его, скорее, как препятствие для космополитического развития. Афоризм «рабочие не имеют отечества» отсылает к неспособности буржуазных наций господствовать над лояльностью подчиненного им пролетариата. Маркса более интересовало уничтожение государственного аппарата, чем его эпифеномена – национальной формы.

Многие исследователи подчеркивают необходимость современного переосмысления космополитических идей Канта в ключе формирования *нового космополитизма*. Космополитическая политическая философия обосновывает возможность и желательность ограничения национального суверенитета во имя космополитической справедливости. Новый космополитизм отвергает идею, что формы солидарности концептуально связаны с национальным государством, и обращается к утверждению постнациональной, транснациональной или глобальной демократии. Аналогичный подход можно увидеть и в социологии, отказывающейся от концепта национального общества в силу его несоответствия эпохе глобализации с ее глобальными рисками (У. Бек, Дж. Ури). В целом новый космополитизм оказывается синтезом самых различных новейших подходов в социальных и гуманитарных науках.

Согласно Беку, *космополитизация*, будучи продуктом глобализации, представляет собой «внутреннюю» глобализацию, глобализацию *изнутри* национально-государственных обществ. Это существенным образом трансформирует повседневное сознание и идентичности. Глобальные интересы становятся частью повседневного локального опыта и “моральных жизненных миров” людей¹⁸. Космополитизм оказывается и транснациональным словарем символов, и глубоким вовлечением в локальную деятельность, локальное сознание. В результате национальное перестает быть национальным как таковым и должно быть по-новому исследовано как *интернализованное*¹⁹ глобальное.

Если говорить обобщенно, то современный космополитизм по-новому оценивает обе ключевые опоры самопонимания современных обществ, а именно нации и классы, отвергая претензию их партикулярных установок на универсальные идентичности. Подчеркивается, что обе установки следуют одной и той же логике и ведут к насилию по отношению к другим. Это относится и к так называемому социалистическому интернационализму, который просто объявляет отдельные национальные интересы универсальными, исходя из принципа «классовой солидарности». Новый космополитизм ставит перед собой задачу преодоления как *узкого партикуляризма*, так и *абстрактного универсализма*.

В этой связи важно понять установленную Беком связь между космополитизацией мира и «диалогическим воображением» как основой взаимной интерпретации культур. Национальное воображение является, по сути, монологическим, отмечает Бек. Космополитизм предлагает альтернативное воображение, или воображение альтернативных образов жизни и рациональностей, которые включают инаковость другого. В центр деятельности выходит рассмотрение и обсуждение противоречивого культурного опыта. Согласно Беку, методологический космополитизм революционизирует социальную науку, ее принципы, методы и концепты, предлагая вместо принципа «или – или» принцип «и то, и другое» (например, «космополитический патриот»).

Бек связывает космополитизм со своей теорией рефлексивной модернизации, ключевым индикатором которой является *плюрализация границ*. Этот момент принципиален для понимания космополитической идентичности. В частности, речь идет о плюрализации границ между нациями-государствами или «имплозии дуализма национального и интернационального». На языке методологического национализма границы сталкиваются, на языке же методологического космополитизма они сливаются. Иными словами, подчеркивает Бек, границы больше не являются детерминирующими факторами, они могут выбираться (и интерпретироваться) и одновременно – перерисовываться и легитимироваться наново²⁰. Этим полностью опровергаются прежние практики исключения идентичностей, не вписывающихся в принятые границы. Закономерно в этой связи то, что Бек настаивает на различении космополитизации и космополитизма. Последний для Бека представляет собой скорее искусственную идеологическую конструкцию, в то время как космополитизация есть структура референции для эмпирического исследования глобализации *изнутри*, или *интернализованной* глобализации. Одновременно космополитизация усиливает значение этического измерения социальной жизни. Следует также обратить внимание на то, как, согласно Беку, космополитизм устраняет претензии европейского модерна на исключительность.

Космополитическая перспектива связана, таким образом, с воображением альтернативных образов жизни и рациональностей, включающих инаковость другого. Согласно У. Ханнерцу, «космополитизм есть отношение к самому разнообразию, к сосуществованию культур в индивидуальном опыте. Космополитизм есть прежде

всего ориентация, стремление принять другого. Это интеллектуальная и эстетическая открытость дивергентному культурному опыту, поиск скорее оттенков, чем единообразия. И одновременно он может быть вопросом компетенции как в общем, так и в более специализированном смысле. Имеется в виду состояние готовности, способность принять иную культуру на основе слушания, смотрения, проникновения и осмысления. Речь идет о культурной компетенции, т.е. навыках постижения особой системы смыслов и смысловых форм»²¹. Именно это Бек называет «космологикой», или мышлением и жизнью на языке *инклюзивных противоположностей*. Такое мышление в «движущихся границах» действительно делает нас *гражданами мира*, показывая, что всякое жесткое определение границ есть чаще всего нежелание и/или неспособность видеть иное. Идентичности оказываются все время на пересечении различных культурных и иных полей, т.е. открытыми, обсуждаемыми, инклюзивными. В этом и заключается смысл *внутренней глобализации*, что оборачивается серьезными этическими вопросами, ибо очевиден кризис легитимации национальной этики исключения. Оказываются под вопросом и прежние принципы конструирования внутренних иерархий элементов или состояний.

В этой связи интересна, в том числе в контексте белорусской идентичности, интерпретация К. Аппиа соотношения космополитизма с патриотизмом, национализмом, либерализмом. Особое значение имеет его идея о том, что космополитизм не отменяет разнообразия, а, напротив, приветствует его, следуя в этом либерализму: «Защищаемый мною либеральный космополитизм можно представить следующим образом: мы ценим разнообразие форм социальной и культурной жизни людей; мы не хотим, чтобы все стали частью гомогенной глобальной культуры; и мы знаем, что это также подразумевает существование локальных различий (как внутри государств, так и между ними)»²². В этом смысле космополитизм отнюдь не выступает против государства или локальных сообществ. Напротив, они как раз и позволяют, если организованы в либеральном духе, гарантировать космополитическое разнообразие идентичностей.

И хотя, по словам А. Аппадурай, сегодня наступили трудные времена для патриотизма, все же можно найти новые его интерпретации. Аппиа, например, использует концепт «*космополитического патриота*»: «Космополитический патриот может принимать возможность существования мира, в котором *каждый* является укорененным космополитом, связанным со своим домом, со своими культурными особенностями, но испытывать удовольствие от существования других, отличающихся, мест, являющихся домом других, отличающихся, людей»²³. Хабермас в этом контексте работает с концептом «конституционного патриотизма», синтезирующим космополитические институты с новым пониманием национальной идентичности.

В этой связи обратим внимание на следующий тезис Бека: переживание космополитического кризиса означает, что люди по всему миру подвергают сомнению коллективное будущее, поскольку оно противоречит национально фундированной памяти о прошлом. Это сменяет сам ракурс конструирования идентичности как же-

лаемого будущего. Память о глобальном прошлом у людей отсутствует, но при этом есть воображение коллективного будущего как космополитического общества. Конечно, отмечает Бек, и национальное, и космополитическое воображение ориентированы и на прошлое, и на будущее. Однако методологический национализм исходит из следствий для будущего общего национального прошлого, воображаемого прошлого, в то время как методологический космополитизм – из следствий настоящего для глобально общего будущего, воображаемого будущего. Именно будущее, а не прошлое «интегрирует» космополитическую эпоху²⁴. Но при этом мы сталкиваемся с очень существенным противоречием между сознанием и действием: глобальное осознание общего коллективного будущего не включает адекватные формы действия, поскольку последние основываются только на прошлом, неглобальном опыте. Это значит, продолжим мысль Бека, что космополитический кризис в своей особенно острой форме выражается как кризис идентичности.

В политическом измерении речь, следовательно, должна идти о выходе за пределы жестких политических делений. Представляется, что применительно к Беларуси и авторитарная власть, и старая оппозиция, особенно ее «национальное» крыло, все еще остаются в пределах «методологического национализма», не важно, с каким знаком. Именно здесь источник несостоятельности и неудачи их проектов конструирования идентичности. Интуитивно именно новая белорусская оппозиция, которая стала расти и организовываться «снизу», выразила современные тенденции политики своей обращенностью к миру, свободе, достоинству индивида, не ограниченным языковыми или национальными рамками. И в таком своем качестве она стала понятной миру и все более будет становиться понятной массовому сознанию, также интуитивно космополитическому, открытому. Не случайно такая установка сознания новой оппозиции оказалась той силой, которая, несмотря на все препятствия государственных СМИ, стала источником разрушения зомбированного сознания²⁵.

Обобщенно Аппиа следующим образом описывает космополитическую идентичность: «По сути, я утверждаю, что можно быть космополитом – приветствуя многообразие человеческих культур; укорененным – преданным одному (или нескольким) локальному обществу, которое индивид считает своим домом; либералом – убежденным в ценности индивида; патриотом – приветствуя институты государства (или государств), в котором индивид проживает. Космополитизм проистекает из тех же источников, которые питают и либерализм, поскольку именно многообразие форм жизни людей обеспечивает словарем язык индивидуального выбора. А патриотизм проистекает из либерализма, потому что государство упорным трудом создает пространство, в рамках которого мы открываем возможности свободы. Для укорененного космополита все это есть одно целое»²⁶. В то же время важно понять мысль Аппадурои о том, что постнациональные движения и идентичности еще не нашли путей выхода за пределы логики нации-государства, что часто ведет их к насильственным практикам²⁷.

Согласно А. Аппадурои, с появлением символических миров глобальных культурных индустрий тождество государства, общества и национальной идентичности упраздняется: представление о возможных жизнях уже нельзя понимать исключительно в национальном, этническом или каком-либо еще партикулярном плане. Особое внимание должно быть сосредоточено на том, что сегодня называют деглобализацией, которая охватывает не только экономические потоки, но и этнические группы, социальные движения и политические образования, преодолевающие конкретные территориальные границы и идентичности. Повседневное воображение людей уже не связано исключительно с данным геополитическим пространством и его культурными идентичностями. Даже мусорщики живут в мусоре мирового общества и благодаря этому мусору включаются в круговорот символов глобальной культурной индустрии.

Все сказанное означает, что в центр воображения белорусской идентичности как идентичности европейской и космополитической должно быть поставлено понятие *гражданской идентичности*. Впервые связь космополитизма с гражданством была установлена Кантом, который выдвинул идею о гарантиях права мирового гражданства для всех. Цивилизация будет защищена от варварства только тогда, когда основное правоотношение будет действовать глобально. Но здесь мы сталкиваемся с парадоксом, отмечает Бек. Гарантия основных прав, как считается, предполагает наличие нации-государства. Но как тогда гарантировать космополитическое правоотношение между государствами и гражданами различных стран? Здесь начинают конкурировать различные структуры идентификации. Выход – формирование в этой сфере через борьбу и компромиссы космополитической модели: в центре анализа должен находиться индивид, а между индивидами, межгосударственными организациями и неправительственными организациями необходимо наличие прямых отношений. «Не межкультурный консенсус по основным правам, а процесс сотрудничества и возникающие при этом взаимозависимости дают ключ к транснациональным гарантиям основного права. Это частично кодифицированные, частично некодифицированные процедуры, в которых закладываются, улаживаются и выстраиваются транснациональные связи – плотная многомерная ткань из взаимных переплетений и обязательств, и эти связи должны, по-видимому, выражать идею *космополитической демократии* и сделать возможной ее реализацию»²⁸.

Дж. Диленти предлагает модель *гражданского космополитизма*. Важным при этом является обоснование идеи *космополитической публичной сферы* как результата взаимодействия между транснациональной, национальной и локальной публичными сферами. Гражданский космополитизм есть политика автономии, которая предохраняет гражданское общество от новой фрагментации²⁹. По мнению Диленти, необходимо, следуя Хабермасу, переосмыслить отношение между космосом и полисом. Если национализм есть выражение порядка полиса, а постнационализм – более высокого порядка космоса, то как нам найти точку опосредования? Диленти в этой связи не принимает крайности коммунитаризма и пост-

национализма. Выходом из противоречия является «гражданский космополитизм», поскольку если космополитизм не включает общее признание, он неэффективен. Национализм монополизирует идею солидарности. Задача космополитизма и состоит в том, чтобы примирить сообщество и глобализацию. Причем, в отличие от Хабермаса, нужно подчеркивать и культурное измерение космополитизма³⁰.

Формой выражения такого гражданства является *космополитическая публичная сфера*. Без нее правовые и политические формы глобального общества не будут укоренены в гражданском измерении, что необходимо для того, чтобы сопротивляться гомогенизации, вызываемой глобализацией. Публичная сфера есть более фундаментальная форма глобального сообщества, чем политическая и правовая сферы гражданского общества. Это – сфера коммуникации и культурных споров. Космополитическая публичная сфера не является с необходимостью глобальной публичной сферой как таковой, хотя это и может быть одним из ее измерений; она размещается в национальных и субнациональных публичных сферах, которые трансформируются в результате взаимодействия. Короче говоря, необходимо различать субнациональную, национальную и транснациональную публичные сферы с точки зрения выражения в них степени космополитизма. Когда такие гражданские космополитические публичные сферы становятся очевидными, можно обращаться к особому вопросу правовых и политических форм космополитического гражданского общества³¹.

Очевидно наличие врагов у подобных установок. Бек выделяет три враждебные космополитизму позиции: национализм, глобализм, демократический авторитаризм. Для наших целей особенно интересна третья позиция³². При всем ослаблении нации-государства не следует недооценивать, замечает Бек, возможности его маневрирования и движения к авторитаризму при сохранении демократического фасада, что вполне отвечает элитарной модели демократии. В этом и выражается суть демократического авторитаризма. Например, если усиливаются тенденции к насилию среди молодежи, то почему бы не ужесточить наказания? Или почему бы, как в случае Беларуси, ради так называемого порядка и корпоративности не уничтожить оппозицию и не превратить выборы в «демократическое» издевательство над выборами? Правда, отмечает Бек, эта тенденция усиливает и космополитическое движение, от которого требуется выдвижение нового политического проекта, ориентированного на свободу, с целью формирования эффективной космополитической мировой политики, исходящей из новой диалектики глобального и локального, не вмещающейся в рамки традиционной национальной политики. Такая политика, полагает Бек, должна опираться и на нового политического субъекта – *космополитические партии*, которые в транснациональном измерении репрезентировали бы транснациональные интересы, действуя при этом также и на арене национальной политики. При каких условиях такие партии могут достичь силы и реального влияния? Ответ на этот вопрос, делает вывод Бек, можно найти только в пространстве политического экспериментирования. Как

представляется, одним из направлений такого экспериментирования может стать белорусский, космополитический, по сути, дискурс европеизма.

Примечания

- ¹ Бодрийар Ж. В Тени Тысячелетия, или Приостановка Года 2000. (<http://anthropologia.spbu.ru/ru/texts/ baudrill/shmill.html>)
- ² Там же.
- ³ См.: Казакевич А. Вялікае Княства Літоўскае як ідэялігічная рэальнасць // ARCHE. 2003. № 5. (<http://arche.home.by/index.html>)
- ⁴ См. подр.: Миненков Г.Я. Идея человечества Вл. Соловьева в контексте глобализации // Россия и Вселенская церковь: В. С. Соловьев и проблема религиозного и культурного единения человечества. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004.
- ⁵ Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага светапогляду. Мінск, 1993.
- ⁶ Акудовіч В. Разбурыць Парыж // Фрагмэнты. 2000. № 3–4. (www.frahmenty.knihi.com)
- ⁷ См.: Булгакаў В. Блізіня нуля: Пра філязофію і «філязофію» беларускіх думаньнікаў // ARCHE. 1999. № 4. (<http://arche.home.by/index.html>)
- ⁸ См.: Нордберг М., Кузио Т. Построение наций и государств. Историческое наследие и национальные самосознания в Белоруссии и Украине (Сравнительный анализ) // Белоруссия и Россия: общества и государства. М.: Права человека, 1998 (<http://www.yabloko.ru/Themes/Belarus/belarus-30.html>).
- ⁹ Бобков И. Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2005. № 3–4. С. 129.
- ¹⁰ Friedman J. Cultural Identity and Global Process. London: Sage, 1994. P. 75.
- ¹¹ См. подр.: Шпарага О. Как и зачем концептуализировать Беларусь? // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2004. № 1–2.
- ¹² Бобков. Указ. соч. P. 128.
- ¹³ См. также: Шпарага. Указ. соч.
- ¹⁴ Бхабха Х. Местонахождение культуры // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2005. № 4-5. С. 162.
- ¹⁵ Там же. С. 162–163.
- ¹⁶ Там же. С. 173.
- ¹⁷ Бобков. Указ. соч. P. 136.
- ¹⁸ Beck U. The Cosmopolitan Society and its Enemies // Theory, Culture & Society. 2002. Vol. 19 (1–2). P. 17.
- ¹⁹ От лат. *intemus* – внутренний. Процесс освоения индивидом или группой людей социальных ценностей, норм, представлений, установок, стереотипов, принадлежащих тем, с кем он или они взаимодействуют. В результате структуры внешней по отношению к данной личности или группе социальной деятельности превращаются в их внутренние регуляторы поведения. – *Прим. автора.*
- ²⁰ Ibid. P. 19.

- ²¹ Hannerz U. Cosmopolitans and Locals in World Culture // Featherstone, M., Lash, S. and Robertson, R. (eds). *Global Modernities*. London: Sage, 1995. P. 239.
- ²² Appiah K. A. *Cosmopolitan Patriots* // Cheah P. and Robbins B. (eds). *Cosmopolitanism: Thinking and Feeling Beyond the Nation*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. P. 94.
- ²³ Ibid. P. 91.
- ²⁴ Beck U. *The Cosmopolitan Society and its Enemies* // *Theory, Culture & Society*. 2002. Vol. 19 (1–2). P. 27.
- ²⁵ См. подр.: Миненков Г. К новой оппозиции. 2006 (<http://belintellectuals.com/discussions/?id=120>); Миненков Г. «Отморозки», или о том, как рождается гражданская идентичность // *Топос*. 2006. № 13 (в печати).
- ²⁶ Appiah. *Op. cit.* P. 106-107.
- ²⁷ Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. P. 166.
- ²⁸ Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: ООО Эклипс Медиа, 2000. С. 166.
- ²⁹ См.: Delanty G. *Citizenship in a Global Age: Society, Culture, Politics*. Open University Press, 2000. P. 6.
- ³⁰ См.: Ibid. P. 138-140.
- ³¹ См.: Ibid. P. 145.
- ³² См. подр.: Beck. *Op. cit.* P. 37-41.

2В-МОДЕЛЬ ПОГРАНИЧЬЯ

*...и не с врагами ты сражаешься,
а с самим собой...*

Джатаки

Негативные дискурсы теории Пограничья

Проблема Пограничья была поставлена в 2003 г. в рамках семинара CASE¹ для возможного измерения и исследования социального пространства региона Восточной Европы, локализованного Беларусью, Украиной и Молдовой. Концепт Пограничья² был предложен исследователям как нулевая отметка, точка с пустым содержанием, что позволяло бы без ограничений выделять новые объекты и проводить их максимально широкую интерпретацию в рамках трансдисциплинарных исследований новой гуманистики.

Очевидно, что попытки описать страны, лежащие в этом регионе, как социальный монолит – искусственны³, даже если в каких-то проектах они и выглядят как единый регион. Восточная Европа не является некой целостностью, описать которую возможно через один или даже несколько параметров и переменных. Не делает ее единой даже политическая власть, скрепляющая это пространство и позволяющая в какой-то степени игнорировать реальное разнообразие. Восточная Европа в первую очередь воспринимается как конгломерат государств, не образующих между собой четких межгосударственных союзов. Более того, Восточная Европа состоит не только из национальных государств, но также из разнообразных корпораций. Открытие Восточной Европы как пространства субъектного раз-

нообразия, а также процесс актуализации значения автономного субъекта и сложно дифференцированного пространства – главное, что случилось в этом регионе с 1989 г. Потому всякая попытка изучения Восточной Европы требует адекватного инструментария и методов изучения и описания и должна учитывать состояние этого пространства, определяемого разработанностью механизмов согласования культурных, политических, цивилизационных, корпоративных и персональных границ. Пограничье – термин, обозначающий состояние социального и политического пространства, образуемого взаимодействием границ разной природы. Очевидно, что в таком контексте термин «Пограничье» не может обладать лишь географическим значением.

Параметры, определяющие содержание концепта Пограничье, нами были определены следующим образом:

- мультиграничность, возникающая как эффект социальной дифференциации, являющаяся устойчивым признаком Пограничья;
- взаимодействие границ разной природы в одном социальном пространстве;
- субъектность Восточной Европы, определяемая презентациями и репрезентациями элементов ее социального пространства, выступающими в форме коммуникативных стратегий, артикулятов и артефактов;
- интеллигибельность пространства Пограничья, обеспечивающая возможность значимого взаимодействия с его элементами, структурами и границами.

Вместе с тем данные параметры указывают на наличие и негативных дискурсов исследования Пограничья и интерпретации его явлений, а также на возможные негативные модели развития Восточной Европы. Нами указывается на необходимость преодоления следующих дискурсов, препятствующих адекватному анализу Пограничья:

- доминирования в исследованиях географических метафор, препятствующего восприятию Пограничья как пространства, образуемого взаимодействием границ разной природы в рамках одного социального пространства;
- политизации социальных отношений, а также субстанциального представления о социальном пространстве, делающих невозможным структурный анализ процессов, происходящих в Пограничье;
- бессубъектности социальных процессов, разрывающей связь между субъектом и артефактом, а также между субъектом и его репрезентацией;
- неинтеллигибельного характера социальных тенденций, провоцирующего процессы, происходящие в Пограничье, на нормативную дерегуляцию.

Метафора карты

Первым инструментом, обеспечивающим доминирование географических метафор, является карта. Социальное пространство воспринимается через сложную систему метафор, ключевой из которых, видимо, выступает топография. С момента появления первой карты прошло более 5000 лет. За это время изменилась не только техника картографии, но и, что более значимо для нас, – функции карты. Долгое время карта легитимировала собственника локального хозяйства или являлась путеводителем купца, воина, путешественника. В Новое время карта изменяет свои функции: от обозначения схемы пути и владения – к отображению социального пространства как такового.

Карта как схема пути основана на координатах и вехах, значение которых исчерпывается указанием на цель; карта как схема владения относится лишь к одному аспекту социального – собственности, ограничиваясь указанием на собственника. Карта как метафора пространства основана на границах, выступающих конфигурациями социального пространства во всех его аспектах.

Топография расширяет пространство путешественника, схема владения легитимизирует принадлежность пространства, указывая на его собственника, а граница (*border*) производит конфигурацию социального пространства, не касаясь субъекта.

Карта путешественника – это карта наблюдателя, который пересекает пространство и не задерживается в нем. Карта владельца утверждает его в качестве субъекта социального пространства и представляет собой процедуру признания его в качестве такового. Современные политические карты, по существу, бессубъектны, т.е. представляют собой указание не на субъект, а на границы властных порядков. Таким образом, карта может провоцировать ситуацию, в которой субъект подменяется его метафорой.

Именно третий род карт, являющихся метафорами социального пространства, изучают школьники, и это образ восприятия мира большинством ныне живущих людей. Когда мы оперируем утверждениями: «Украина решила», «Беларусь приняла», «Польша участвовала», – то обращаемся к такого рода географическим метафорам. Мы представляем, что за метафорой скрывается субъект, определяемый политической границей (*border*). Однако часто географические метафоры становятся самодостаточными и поэтому перестают репрезентировать сложную социальную реальность. Кроме того, правда состоит в том, что за метафорой карты вообще не скрывается никакой субъект – потому что карта является метафорой не субъекта, а пространства.

Border u boundary

Для преодоления обозначенного негативного дискурса необходимо произвести разделение понятий рубеж (*border*) и граница (*boundary*).

В английском языке понятие ***border*** означает, в первую очередь, реально существующую политическую границу, специально созданную, оснащенную соответствующей инфраструктурой для контроля, пропуска, регистрации и пр. *Border* можно пересекать, поскольку она материальна и не является принадлежностью определенного субъекта. Пересечение *border* не влечет изменение субъекта. Одновременно как *border* можно рассматривать каждый публичный статус. Он также специально сконструирован и является выражением социальной потребности, той или иной социальной функции. Статус можно изменять, не изменяя субъекта. Так, начальник департамента цен, покидая контору после рабочего дня, пересекает границу своего статуса, становясь просто Александром Борисовичем. Посетитель департамента по каким-то своим частным делам должен пересечь границу статуса Александра Борисовича, для того чтобы тот в качестве начальника департамента мог разрешить его частный интерес. *Border* организует особенный вид пространства. Оно представляет собой совокупность публичных статусов, сконфигурированную в рамках *border*. В нашей работе такой вид пространства мы называем *border*-пространством. Для того чтобы это пространство получало социальное значение, необходимо постоянное возникновение пограничных ситуаций, образующихся как эффект взаимодействия *border* и границ иной природы, которые мы обозначаем ***boundary***, т.е. границы, понимаемые как зона истощения влияния субъекта, мифическая линия, которая создается самим субъектом и по существу неотделима от него. Это ментальная линия, объективно фиксирующая существующее разделение между субъектами. Ее пересечение возможно только с изменением субъекта. *Boundary*-граница указывает на существование субъекта, участвующего в социальных процессах, но не детерминированного *border*-границей, иначе – своим статусом. Примером такой границы является реально существующее различие между профессиональными, историческими, экономическими, этническими, культурными сообществами. *Boundary*-граница также появляется как эффект дифференциации общества и становления субъектов, обладающих публичным статусом⁴, но при этом сохраняющих иные идентичности. *Border*-граница формирует пространство, *boundary*-граница не оказывает такого воздействия на социальное пространство, поскольку всегда является результатом становления субъекта этого пространства, не причиной, а следствием существования субъекта, его вхождения в социальное пространство⁵. По сути, субъектность задается только пограничной ситуацией, в которую должен попадать субъект для утверждения как личного, так и социального существования.

Образование Пограничья не происходит автоматически, о чем свидетельствует хотя бы история модерна, часто демонстрирующая потерю субъекта и, как следствие, – потерю социального. А. Рено в «Эре индивидуализма» указывает на современно-

вую оппозицию субъекта и индивида. Субъект характеризуется А. Рено обладающим автономией, индивид – независимостью:

«В то время как понятие автономии вполне допускает подчинение закону или норме с тех пор, как они приняты на свободной основе (договорная схема в точности выражает это подчинение закону, данному самим себе), идеал независимости не приемлет этого ограничения Я, а, наоборот, стремится к утверждению Я в качестве неотъемлемой ценности. Тогда место основанной на себе самой нормативности автономии занимает простая “забота о себе”. Соответственно, на смену связи с общественностью и согласию (*consensus*) в отношении разделяемых норм приходит раскол на общественное и частное с приоритетом ценности личного счастья и соответствующим отчуждением от общественного пространства»⁶.

В теории Пограничья модели обществ Беларуси, Украины и Молдовы нами рассматриваются не только в рамках взаимодействия *border*-границ, но, главным образом, в рамках взаимодействия, с одной стороны, *border*- и *boundary*-границ, с другой стороны, *boundary*-границ между собой. Карта Восточной Европы дает нам представление о *border*, на ней не находится места *boundary*. Но для исследования Пограничья нам необходимы как *border*, так и *boundary*. Поскольку здесь ставится проблема существования границ разной природы, а также проблема субъектности в процессах, протекающих в Пограничье.

Модели взаимодействия *border* и *boundary*

Исходя из предложенного разграничения понятий, возможно построение нескольких моделей взаимодействия *border*- и *boundary*-границ между собой.

Первая модель представляет собой вариант, когда *border*- и *boundary*-границы совпадают. Примером в этом случае является примордиальное общество, в котором нет деления на политические, религиозные и экономические сферы. Эта модель подробно рассматривается в социологии, начиная с Дюркгейма. Она является притягательной для регрессирующего в своей социальной структуре сообщества, а также для тоталитарных обществ. Тоталитарные общества выводят за границы социальной структуры отдельных субъектов⁷, но вместе с тем стремятся чрезвычайно упростить свою социальную структуру, добившись совпадения политических, экономических и культурных границ между собою. Достижение такой гомогенизации неизбежно связано с насилием, поскольку подавляет практики субъектов, основанные на их свободе, и выстраиваемые ими *boundary*.

Второй вариант взаимодействия *border*- и *boundary*-границ возможен в случае, когда *border*-граница формирует пространство, опираясь на определенные *boundary*-границы, производя культурную, религиозную и прочие виды экспансии. Так происходило становление современных национальных государств в Англии, Нидерландах, Франции, Германии. Подобные процессы сопровождаются аккумуля-

турацией, ассимиляцией, периферизацией пространства, испытывающего такого рода экспансию.

Третьей выступает у нас модель, в которой субъект, сформировавший *boundary*-границу, разделен между несколькими *border*-пространствами. Примером может служить Священная Римская империя германской нации. Именно в рамках такой модели сегодня происходят исследования процессов европейской интеграции, а также процессов, протекающих в приграничных регионах (*border-studies*⁸). Однако зачастую проблематика приграничных исследований подменяет собой проблемы теории Пограничья⁹.

Четвертую модель можно назвать **2В-моделью**: она предполагает сосуществование *border*-пространства, сформированного *border*-границей, и *boundary*-границ, взаимодействующих с *border*-пространством. Собственно, это и есть модель Пограничья. В ее рамках разрешаются следующие вопросы:

- а) формирования *border* и *border*-пространства;
- б) формирования стратегии презентации субъектов, создающих *boundary*-границы в *border*-пространстве;
- в) легитимизации автономного статуса субъектов, создающих *boundary*-границы;
- г) институционализации субъектов, создающих *boundary*-границы;
- д) создания механизма взаимодействия нормативных систем *border*-пространства и субъектов, создающих *boundary*-границы.

Указанные механизмы необходимо отличать от процесса идентификации, поскольку они функционируют в процессе вхождения субъекта с уже имеющейся четкой системой идентичности в публичную сферу. Именно идентичность является одним из основных условий и оснований построения *boundary*. Но обозначенные механизмы не представляют собой механизмы социализации, поскольку их целью является не включение субъекта в определенную социальную структуру, а существование социальной структуры как таковой, с одной стороны, и субъекта как такового – с другой.

Субъектоспособность

В целях дальнейшей операционализации концепта «Пограничье» необходимо объединить пять вышеобозначенных параметров 2В-модели понятием «**субъектоспособность**» (*actorship*). Субъектоспособность выступает как свойство субъекта продуцировать презентации в публичной сфере и является условием участия субъекта в публичных отношениях. Поэтому субъектом здесь мы будем называть такую форму существования, которая одновременно отвечает всем пяти указанным условиям: может выявлять свои репрезентации в публичной сфере, которые получают легитимацию, что позволяет субъекту институционализировать свои практики, а это

в свою очередь вынуждает его обеспечивать конвергентность своей нормативной системы с другими нормативными системами. Пятое и ключевое условие, в целом не зависящее от действий субъекта, – наличие среды для протекания подобных процессов, т.е. собственно *border*-пространства.

Субъектоспособность выступает необходимой предпосылкой для возможности постановки вопроса о критериях и условиях принадлежности субъекта к социальному пространству. – Что делает человека членом семьи, нации, корпорации, Церкви, государства? Очевидно, что не только желание, основанное на собственных интересах субъекта. Но и не только воля и интересы сообщества (без устремлений самого субъекта). Человек входит в социальное пространство в области собственного предела, допуская свое существование в рамках иных субъектов и институтов. Вместе с тем и социальное пространство достигает человека только в области собственного предела. Потому можно утверждать, что всякая коммуникация и интеракция предполагает соприкосновение пределов субъектов и пространств. Именно предел позволяет поставить вопрос о субъекте и его границах, а также об особых пограничных ситуациях, обеспечивающих существование сложной реальности: человека, наделенного свободной волей и автономным статусом и целостного социального пространства¹⁰. По существу, это и есть проблематика, наиболее актуальная для Восточной Европы.

Очевидно, что Пограничье является ситуацией и состоянием, свойственным для самых различных социальных уровней. Пространство Пограничья может быть широким и узким, поскольку обуславливается пределами построения самоподобных пространств: они могут представлять собой большие сообщества, а могут ограничиваться «двумя или тремя» субъектами. На всех уровнях такого пространства складываются подобные структуры, поэтому каждый из уровней может рассматриваться как вполне самостоятельный и автономный. Когда С. Вейль писала о нужде человека в корнях, она указывала на укорененность социальных практик в структурах внутреннего мира человека¹¹. И, по-видимому, это естественный порядок восприятия социального мира: внутренние практики определяют социальный порядок. Как правило, на порочном индивидуальном естестве не может возникнуть здоровая общественность, и наоборот. Субъектоспособность позволяет проложить между персональным и социальным пути сообщения и обнаружить их взаимозависимость.

Субъектоспособность и правосубъектность

Концепт «субъектоспособность» необходимо отличать от понятия «правосубъектность», являющегося одним из основных в теории права, на котором строится теория социальной организации (теория правоотношений, теория правопорядка). Понятие «правоспособность» относится к субъекту, уже помещенному в правовую среду, которая всегда является первичной по отношению к правосубъектности. По-

этому «правосубъектность» – это понятие, которое позволяет анализировать стабильные правовые явления и устоявшиеся правовые системы. При этом открытым остается вопрос о связи, существующей между субъектом и его статусом, а также о генезисе явления правоспособности, т.е. как раз та проблема, которую мы обозначаем понятием «субъектоспособность».

Если теория права и сосредоточивается на процедурах приобретения правосубъектности, то никак не связывает этот процесс с природой субъекта. Условия приобретения правосубъектности предусматривают лишь некоторые ограничения, основанные на 1) психологическом состоянии субъекта (распространяющиеся только на его дееспособность), 2) его положении в правовой среде (когда его деятельность приобретает выраженный антиправовой характер). Поэтому Г. Кельзен оставляет вопрос о процедурах приобретения субъектоспособности совсем без рассмотрения, указывая на фиктивный характер понятия «правосубъектность», поскольку, по его мнению, индивиды не создают правовую среду. В «Чистом учении о праве» Г. Кельзен настаивает на том, что *«персонифицирующие понятия “правовой субъект” и “правовой орган” вовсе не необходимы для описания права. Это просто вспомогательные понятия, которые... облегчают описание. Их использование допустимо только в том случае, если осознается их особый характер»*¹².

Как следствие доминирования такого подхода, в традиционном понятии правового субъекта преобладает представление о некоей независимой от правопорядка правовой сущности, т.е. о некоей правовой субъективности, которую право обнаруживает уже готовой – будь то в индивиде или в некоторой общности – и которую ему лишь остается признать, причем признать с необходимостью, если оно не хочет утратить своего характера «права»¹³. Однако во второй половине XX в. происходило постепенное раскрытие коммуникативных функций права¹⁴, что повлекло и изменение понимания субъекта и его статуса, а также приблизило внимание исследователей к проблеме предпосылок права, а также к существованию внеправовых нормативных систем и их взаимодействию с правовой системой. Этот процесс начался в рамках антропологии права, рассматривающей поначалу экзотические правовые системы Африки и Океании¹⁵, но затем распространился на национальные системы права Запада¹⁶. В целом эту тенденцию можно обозначить понятием персонализации права.

Утверждением трансцендентности субъекта права по отношению к объективному праву защищалось представление о том, что субъективное право – это институт, полагающий непреодолимый предел содержательному формированию правопорядка. Концепт субъектоспособности разрушает такой подход и указывает, что, исследуя правоотношение и, к примеру, процесс образования статуса, мы имеем дело с взаимодействием нескольких нормативных порядков, по отношению к которым субъект не обладает свойством абсолютной трансцендентности. Такой подход позволяет видеть субъекта как автономного по отношению к так называемому «объективному праву», т.е. как свободного, но не произвольного и не беспринцип-

ного. В таком случае необходимо признать, что субъект обладает дискурсивными качествами в отличие от монады. Дискурсивность субъекта освобождает его от тотальной подчиненности и обусловленности организационными структурами. Понятие субъекта становится еще важнее, когда правопорядок создается посредством демократической процедуры и дискурсивных практик, вроде бы лишенных общего плана и логики. Потому идеология правовой субъектности опирается на этические ценности индивидуальной свободы и автономной личности. И с этой точки зрения правопорядок, не признающий свободы личности, вообще не может считаться правопорядком.

«Субъектоспособность» выступает в этом случае концептом, необходимым для обозначения условий и предпосылок возникновения правосубъектности, как основания взаимодействия субъекта и его статуса, субъекта и социального порядка. Данное понятие обозначает систему дискурсивных практик субъекта, направленных на установление социальных отношений. Эти практики не зависят от наличия или отсутствия правосубъектности у данного субъекта, но образуют дискурс, вызывающий в том числе реакцию правовой и социальной системы. И этот механизм обладает универсальным характером вне зависимости от времени и обстоятельств. Таким образом, предпосылки правосубъектности находятся в субъектоспособности. Сама субъектоспособность не институционализируется, но является источником и основанием всякого личного социального действия, собственно, и создающего феномен субъекта¹⁷.

Иными словами, субъектоспособность задает такие характеристики Пограничья, которые позволяют его рассматривать как зону саморефлексии, репрезентации и институционализации субъекта, определяющую модель социального пространства. В такой модели субъектные смыслы и практики репрезентации оказывают влияние не только на самого субъекта, но и на иного субъекта, а также на социальные институты. Понятие «субъектоспособность» позволяет рассматривать субъект в его субъект-субъектных отношениях¹⁸ в пограничных практиках, в том числе и в интрасубъектных отношениях, связанных с согласованием ролей и статусов¹⁹. Подобный подход позволяет преодолеть видение Пограничья только как сферы межгосударственных отношений, а также отвергнуть определение субъектов пограничных отношений как таких, чьи «внешние институциональные связи превышают связи внутренних структур»²⁰, что представляет Пограничье в качестве социальной системы, находящейся в кризисе и разрываемой внешними силами и почти не влияющей на протекающие в нем процессы. То есть возникновение Пограничья нельзя связывать лишь с достижением социальной или политической системой некоторого внешнего предела, потому что даже в таком случае она встречается в первую очередь сама с собой (предел выполняет функцию зеркала, указывая на свойства самого субъекта, не позволяющие ему расширяться далее). И лишь затем субъект встречается с другим. Потому мы утверждаем, что Пограничье образует в первую очередь внутренние границы, формируемые субъектными практиками и опреде-

ляющие характер внешнего взаимодействия. При таком понимании мы получаем инструмент анализа процессов, протекающих в социальном пространстве, позволяющий учитывать субъектные практики и рассматривать социальное пространство Восточной Европы через репрезентации ее субъектов.

Концепт «субъектоспособность» позволяет избежать сразу двух негативных дискурсов исследования Пограничья: 1) политизации анализа социального пространства, при котором все социальные взаимодействия рассматриваются с позиции влияния *border*, т.е. некоего объективного властного порядка; 2) бессубъектности социальных процессов, которая возникает в силу подмены субъекта его статусом.

Деполитизация исследований

Деполитизация анализа социального пространства Беларуси, Украины и Молдовы позволяет рассматривать эти субъекты как сложно дифференцированные сообщества, учитывая в качестве факторов их становления и существования не только признанные в международном порядке *border*-границы, но и многочисленные *boundary*-границы, формируемые, в первую очередь, неполитическими субъектами. Данный метод способствует выявлению реальных акторов, формирующих этот регион в социальных отношениях, а также институтов и механизмов их репрезентации.

Проблема бессубъектности задается в обществах Восточной Европы как постмодернистской критикой субъекта²¹, так и теорией транзита, делающей акцент на институциональных изменениях в странах перехода. Например, П. Бурдые указывает, что социальное пространство – это «*поле сил, необходимость которых навязывается агентам, вовлеченным в данное поле, и поле борьбы, внутри которого агенты противостоят друг другу со своими средствами и целями, различающимися в зависимости от их позиции в структуре поля сил, участвующим таким образом в сохранении или трансформации структуры этих позиций*»²². Однако утверждение о существовании социального пространства и о некоторых его свойствах не разрешает проблемы познания Восточной Европы и Пограничья, не совершает освобождение такого пространства от анонимности. Речь идет не только о проблеме установления оснований приобретения субъектом статуса, но и о необходимости преодоления в анализе социальных отношений полной замены статуса субъектом, о типологизации отношений между субъектом и его статусом.

	Статус	Не-статус
Субъект	Реальная субъектоспособность	Потенциальная субъектоспособность
Не-субъект	Фиктивная субъектоспособность	Не-субъектоспособность

Данная таблица представляет типологию субъектно-статусных отношений, формирующих Пограничье. В реализации 2В-модели могут участвовать субъекты, реально или потенциально субъектоспособные, формирующие *boundary*-границы (систему репрезентаций), опирающиеся на собственный нормативный модус. Однако в формировании пространства Восточной Европы могут принимать участие и фиктивные субъекты (создаваемые извне в административном порядке, не имеющие собственных ресурсов существования, действующие только в порядке манипуляции), а также псевдо-субъекты, не обладающие ни статусом, ни свойствами субъекта (массы, «население», атомизированные индивиды, страны, народы и т.п.). Фиктивные субъекты не опираются на собственный нормативный модус, а потому не способны к формированию *boundary*-границы в *border*-пространстве. Псевдо-субъекты исключены из публичного пространства, которое в таком случае определяется только фактором *border*-границы.

Типологизация субъектно-статусных отношений позволяет составить ряд моделей организации пространства Восточной Европы.

	Статус	Не-статус
Субъект	Реальная субъектоспособность Легитимированная <i>boundary</i> -граница, Пограничье	Потенциальная субъектоспособность Нелегитимированная <i>boundary</i> -граница, Пограничье
Не-субъект	Фиктивная субъектоспособность Доминирование <i>border</i> -пространства, псевдо- <i>boundary</i> -граница, не-Пограничье	Не-субъектоспособность Тотальное <i>border</i> -пространство, не-Пограничье

Таким образом, Восточная Европа может развиваться либо как Пограничье, либо как не-Пограничье. Пограничье является позитивной моделью устройства сложного дифференцированного сообщества, выступая формой, в рамках которой существуют субъектные практики в социальном и публичном пространстве. Отсутствие Пограничья является органичным для примордиального общества и противоестественным, в контексте логики автономного субъекта, – для сложнодифференцированных сообществ, каковыми являются Беларусь, Украина и Молдова. Сложнодифференцированные сообщества, не выстраивающие Пограничья, вынуждены прибегать к нерациональным практикам для мобилизации общества и поддержания его целостности, а также использовать насилие.

Контекст исследования Пограничья в данном случае задается субъектоспособностью, обеспечивающей умопостигаемость социального пространства и выводящего за пределы такого исследования изначально неинтеллектуальные ситуации, предполагающие отсутствие субъекта социального действия. Умопостигаемость

социального пространства становится главным условием его актуального существования для субъекта. Само утверждение об умопостигаемости социального пространства является пограничным утверждением (утверждением на пределе). М. Мамардашвили пишет о подобной ситуации так: *«Кроме властной потребности быть, состояться или пребывать, как говорят философы, у человека есть еще потребность понимать. Человек, в принципе, не может жить в мире, который ему непонятен. Но принцип этого понимания всегда сталкивается с фундаментальным отношением человека к самому себе и в смысле потребности идентифицировать себя и в способности уважать себя»*²³.

Интеллигибельность

Наличие в приведенной таблице зоны не-Пограничья указывает на достаточно грозные альтернативы развития Восточной Европы, опирающиеся на не-субъектные практики, становящиеся в не-нормативной²⁴ и нерациональной среде. Грозной такая альтернатива становится постольку, поскольку сообщества Восточной Европы являются сложнодифференцированными, представленными множеством субъектов, обладающих субъектоспособностью. Для них развитие в направлении этой альтернативы означает социальный регресс и фрагментацию собственного жизненного пространства. Такой регресс в первую очередь связан со становлением неинтеллигибельного пространства, которое Х. Арендт описала следующими словами:

*«Какой вид основополагающего опыта из сферы совместной жизни людей составляет дух тоталитарной формы правления, сущность которой – террор, а принцип действия – логичность идеологического мышления? У этого опыта – две опоры: одиночество и мнимо непротиворечивая логика. Не то одиночество, которое является плодотворным уединением и поддерживает внутренний диалог нашего “я” с самим собой, когда нам гарантировано подтверждение своей индивидуальности в сообществе людей. Но то, которое носит признаки утраты “я”, когда человек “теряет и доверие к самому себе как внутреннему собеседнику, и то элементарное доверие к миру, без которого вообще невозможен никакой опыт”. “Я” и мир, способности к мышлению и восприятию опыта теряются одновременно»*²⁵.

Заменой живому опыту участия в человеческом сообществе выступает насильственная самоочевидность логического рассуждения, причинно-следственные связи, всеобщая детерминация или табуирование. В таком случае теряется потребность в усилении мысли и принятии решения. Все силы направлены только на достижение результата, и любой результат оказывается приемлемым. *«Господство трафаретов*

логических рассуждений в условиях массового одиночества» – такую формулу тоталитарного опыта нашла Х. Арендт²⁶. З. Бауман в «Индивидуализированном обществе» говорит о наличии подобного опыта и вне тоталитаризма²⁷. Х. Арендт ситуацию неинтеллигибельности также называла «безъязыкостью», в которой не может существовать личность, но может существовать безумец.

По существу, это главное отличие двух моделей – Пограничья и не-Пограничья. Пограничье основано на допущении отличия между человеком и его статусом. Здесь человек является становящимся существом, «обреченным» на взаимодействие с границами, которые он сам выстраивает и которые выстраивают другие. Без индивидуальных усилий не создается Пограничье. Оно и есть эффект такого постоянного творения, поэтому не может существовать без действия и вне действия субъектов. Пограничье является условием обращения к субъектным практикам, позволяющим создавать интеллигибельные ситуации. Наличествует, очевидно, всего два условия осуществимости таких практик.

Первое относится к человеку и человеческим сообществам и заключается в признании их переменчивости. Ни человек, ни сообщество не даны, но только заданы. Чтобы достигнуть и человека и сообщества, необходимо пройти определенный путь. Кроме человека этот путь проделать никто не может. Поэтому всякая социальная инженерия, создающая социальное пространство без участия субъекта, обречена на вырождение в режим, применяющий террор и ограничивающий ответственность человека.

Второе условие относится к качеству публичного пространства. Оно должно быть открытым для человека, потому что является естественной средой для его мысли и действия. Другой среды просто не существует. Это некий круг жизни и общения – круг традиций и взаимных обязательств, носящий не идеологический, а непосредственный характер. Действия субъекта в таком пространстве продиктованы собственной логикой, основанной на его статусе и природе. Вне публичного пространства не существует никаких обязательств и взаимных обязанностей, впрочем, как и гарантий²⁸. Лишь в контексте границы и *border*-пространства субъект способен приобретать некий статус, посредством которого может осуществлять социальные взаимодействия. Такое пространство призывает людей к сотрудничеству.

Отношения между субъектом и его статусом в публичном пространстве предполагают, что должна существовать сфера смысла, а значит, внутренний опыт субъекта становится верифицируемым только в определенном пространстве, адекватном для него. Но такое место также нельзя найти вне действия субъекта. Нет специально подготовленной сферы смысла. А вот подготовленных мест абсурда – множество. В XX в. абсурд достаточно хорошо изучен – и теоретически, и практически. Он обозначен множеством метафор: тошнота, чума, процесс, замок... Все они обозначают ситуацию изначально заданной зазеркальности, вывернутости и субъекта, и социального пространства, когда невозможным становится решительно все: от уважения субъекта к самому себе до умопостигаемости мира. И субъект и мир в зазер-

калье предстают имитациями самих себя, к ним неприменимы никакие категории. Они – абсурдны. А абсурд невозможно мыслить, из него можно лишь выходить, чтобы создавать иное пространство, потому что

«...имеют место и некоторые первоакты или акты мировой вместимости (абсолюты), относящиеся к кантовским интеллигибилиям и декартовскому *cogito sum*. Именно ими и в них – на уровне своей развитости – человек может вместить мир и самого себя как его часть, воспроизводимую этим же миром в качестве субъекта человеческих требований, ожиданий, моральных и познавательных критериев и т.д. ...Т.е. всего мышления недостаточно для мысли, даже для одной случайной мысли. А нужны еще вот те вещи, которые я называл дополнительными или живыми актами, живыми состояниями, имеющими свои онтологические или бытийные условия возможности. Эти условия могут разрушаться»²⁹.

Этим первоактам или предпосылкам смысла не существует альтернативы. Не существует альтернативы между интеллигибельным и неинтеллигибельным. Последнее означает прекращение трансляции внутреннего опыта – или смерть субъекта (в нашем случае – социальную смерть), субъект, оказываясь от смысла в социальных отношениях, утрачивает значение самостоятельного социального субъекта. А смерть не является альтернативой жизни. Интеллигибельное пространство совершенно необходимо для существования как социального, так и субъектного, которые только и в силах создать подобное пространство.

Это база институционализации субъекта – в случае выделения в ней основ для персонального действия с опорой на ценности и нормы, присущие субъекту. Такого рода смысл исключительно лишен спекулятивного значения. Смысл является только в пограничных ситуациях, которые ставят вопрос о самих основаниях субъекта и о возможности его продолжения во взаимодействии с другим. Этот смысл, поскольку объявляется на границах, не имманентен реальности, он не реализуется, но именно он движет жизнью, благодаря ему в жизни становится одно возможным, а другое – невозможным³⁰. Этот смысл нельзя получить извне, он является только в персональной динамике личности. Это динамическое существование не может быть прекращено без уничтожения самого субъекта, его не подменить метафорой, картой, картинкой, идеологией, идеей... Оно – всегда реально и никогда не имеет готовых ответов. Каждый ответ в этом случае является личностным и не может быть подсказан или заменен чужим.

Но это означает, что не существует самих-по-себе верных и осмысленных реальностей, что пограничье – это сама суть социальной жизни (жизни в виду другого). Что «...для человеческого необходимо нечто (снова и снова) превращать в ситуацию, поддающуюся осмысленной оценке и решению, например, в терминах

этики и личностного достоинства, т.е. в ситуацию свободы или отказа от нее как одной из ее же возможностей».

Персонализм и условие интеллигибельности социального как свойства Пограничья означают де-объективизацию тех вещей, которые кажутся неизбежными и спасительными сами-по-себе, к примеру морали, права и т.д. Эти объективные вещи, будучи помещены в среду Пограничья, сами требуют предпосылок. Так, *«моральность есть не торжество определенной морали (скажем, “хорошее общество”, “прекрасная институция”, “идеальный человек”), сравниваемой с чем-то противоположным, а создание и способность воспроизводства ситуации, к которой можно применить термины морали и на их (и только их) основе уникально и полностью описать»*³¹. Иными словами, ситуация Пограничья позволяет корректировать главный тезис транзитологии, задающейся важнейшими вопросами существования обществ Восточной Европы, а именно: основная проблема заключается в институтах или в актуализации предпосылок, на основе которых только и могут существовать эти институты.

Интеллигибельность социального пространства и его институтов также требует выстроенных определенным образом механизмов Пограничья, обеспечивающих для субъекта возможность достижения смысла и поддержания структур социального пространства, не выводимых из личных усилий. Вне такого пространства внутренний опыт искажается и не может быть транслируемым, а субъект – адекватно интерпретирован. Так, определенные ценности в Европе требовали создания смысловых структур, действующих вне локальных порядков и логик, будучи обращенными непосредственно к человеку, также вне контекста, образуемого положением относительно локальных порядков и их нормативных систем. Такими смысловыми схемами, к примеру, выступают концепции Империи, Святой Руси, Речи Посполитой, Европы, государства (state), народа, нации, федерации; все они не являются субстанциальными, не указывают на определенного субъекта и даже на определенный порядок, но представляют механизмы Пограничья, обозначают принципы социального взаимодействия, обеспечивающие осмысливаемость социального мира. Они необходимы постольку, поскольку опираются на субъектные ценности, не адекватные современным им нормам и институтам.

По-иному механизмы Пограничья можно понять как социальные фреймы. Интеллигибельность ситуации в этом случае определяется возможностью выстраивания субъектом собственного фрейма, значимого для социального пространства. Построение такого фрейма становится индикатором реализации субъектоспособности³². Социальный фрейм является схемой интерпретации, фоновым пониманием событий, в котором участвует воля, целесообразность и разумность, иными словами, живая деятельность субъекта³³. Фрейм – это живая и становящаяся форма субъекта.

Данная типология является методологическим основанием преодоления четвертого негативного дискурса исследования Пограничья, включающего в качестве объекта неинтеллектуальные социальные процессы.

Литература

- Dworkin R. Taking Rights Seriously. Harvard University Press, 1977.
- Geertz C. Wiedza lokalna. Dalsze eseje z zakresu antropologii interpretatywnej. Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2004.
- State formation, nation building, and mass politics in Europe: The theory of Stein Rokkan / Peter Flora ed. Oxford, 1999.
- Weil Simone. The need for roots. Prelude to a Declaration of Duties Toward Mankind. NY, 1992.
- Бауман З. Индивидуализированное сообщество. М., 2005.
- Бобков, И., Терешкович П. Вместо предисловия // Перекрёстки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2004. № 1–2.
- Бредникова О. Интерпретируя приграничье: метафоры «окна», «зеркала» и «витрины» // После империи: исследования восточноевропейского Пограничья. Вильнюс: ENU-International, 2005. С. 20.
- Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. / П.р. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 5.
- Кант И. Сочинения. Т. 6. С. 541.
- Кельзен Г. Чистое учение о праве. Т. 2. М., 1988. С. 37.
- Мамардашвили М. «Как я понимаю философию». М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 168.
- Мамардашвили М. Мысль в культуре / Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 144.
- Мамардашвили М. Проблема сознания и философское призвание. / Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 56.
- Мамардашвили М. Философия – это сознание вслух / Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 61.
- Монсон П. «Лодка на аллеях парка» // [Электронный ресурс] / <http://www.politnauka.org/files/monson.rar>.
- Назарчук А.В. Язык в трансцендентальной прагматике К. Апеля. [Электронный ресурс] / http://i-e.ru/biblio/archive/nasarchuk_ja.
- Ознобкина Е. Начало совершилось, человек сотворен был... / Новый мир. 1997. № 5.
- После империи: исследования восточноевропейского Пограничья. Вильнюс, ENU-International, 2005.
- Рено А. Эра индивида. К истории субъективности / пер. с франц. С. Б. Рындина; под ред. Е. А. Самарской; статья Б. В. Маркова. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 70.
- Рулан Норбер. Юридическая антропология. М.: Норма, 2000. С. 50.
- Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001.
- Арендт Ханна. Истоки тоталитаризма // пер. с англ. И. Борисовой, Ю. Кимелева, А. Ковалева, Л. Седова, Ю. Мишкенене. М.: ЦентрКом, 1996.
- Черутти Симона. Скорый суд / Неприкосновенный запас. 2005. № 5.

- Шматко Н.А. «Социальное пространство» Пьера Бурдьё / Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя. 2005. С. 560.
- Шпарага О. О необходимости субъективации Пограничья // После империи: исследования восточноевропейского Пограничья / под ред. И. Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича.

Примечания

- ¹ Региональный семинар «Социальные трансформации в Пограничье (Беларусь, Украина, Молдова)» (2004-2006).
- ² Бобков, И., Терешкович П. Вместо предисловия // Перекрёстки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2004. № 1–2.
- ³ Какие бы основания для этого не избирались: славянство, православие, католицизм, общая история и т.д. Все эти основания служат лишь для построения утопической картины Восточной Европы как социального монолита, объединенного политически и идейно. Такой подход нейтрализует практически полностью проблему пограничного состояния этих обществ, т.е. действительные основания их тождественности.
- ⁴ State formation, nation building, and mass politics in Europe: The theory of Stein Rokkan / Peter Flora ed. Oxford, 1999.
- ⁵ Принципиально важно, что становление субъекта может происходить только публично. Даже если таким субъектом является отшельник, его действие имеет публичное измерение и публичный эффект. Всякое интеллектуальное и культурное свершение – публично, поскольку предполагает зрителя, разделяющего или красоту, или смысл, или страдание. Там, где не возникает такого прорыва к публичности, – жизнь замирает. В русской литературе тоску именно такой изолированной от публичного пространства жизни замечательно показал Василий Шукшин в рассказах о провинциальных социальных реформаторах, всю жизнь в чемодан писавших, об изобретателях самолетов и велосипедов, о графоманах. Все, чтобы они ни изобрели, написали или придумали, – одинаково хорошо, потому что никому не нужно, – и не потому, что эти странные люди «опередили время», а потому, что попросту в это время они и не вошли, и не входили. Они были замкнуты в собственном мире, не имевшем (не по их вине, конечно) никаких выходов в публичное пространство.
- ⁶ Рено А. Эра индивида. К истории субъективности / пер. с франц. С. Б. Рындина; под ред. Е. А. Самарской; статья Б. В. Маркова. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 70.
- ⁷ Ср.: «В результате крушения двух многонациональных государств – России и Австро-Венгрии – появились группы населения, которых новая логика истории сделала своими первыми коллективными жертвами. Это были *безгосударственные* народности и меньшинства. Они не просто потеряли какие-то социальные права, но “потеряли права, которые мыслились и даже определялись как неотчуждаемые, а именно Права Человека”. И здесь обнажился один довольно суровый факт, что идея “прав человека”, не закрепленная в конкретной национально-гражданской форме, – только декларируемая, но на самом деле пустая и безжизненная фикция. То, что утеря национальных прав означала потерю прав человека, и безгосударственные люди, и меньшинства хорошо понимали. Защитной реакцией группового сознания было требование своих прав в качестве поляков, евреев или немцев. “Все общества, образованные для защиты прав человека, все попытки добиться приня-

тия нового билля о правах поддерживались маргинальными фигурами – немногими юристами-международниками без политического опыта или профессиональными филантропами, движимыми неопределенными чувствами завзятых идеалистов”» // Арендт Х. / цит. по: Ознобкина Е. Начало совершилось, человек сотворен был... Новый мир. 1997. № 5.

⁸ См. обзор проблематики таких исследований: <http://www.ollusa.edu/border/LINKS.html>. Мы не останавливаемся подробно на разграничении предмета теории Пограничья и *border-studies* ввиду их явного различия. Однако теория Пограничья может рассматриваться как мета-теория по отношению к исследованиям приграничного и кросс-граничного взаимодействия, носящими, как правило, прикладной характер.

⁹ Ср.: «Жители приграничья постоянно гуляют от одной культуры к другой, и оказывается, что им не столь важно прибиться к той или иной культуре; именно поэтому создается особая приграничная культура с амбивалентностью идентичностей...» (Бредникова О. Интерпретируя приграничье: метафоры «окна», «зеркала» и «витрины» // После империи: исследования восточноевропейского Пограничья. Вильнюс: ENU-International, 2005. С. 20).

¹⁰ В последние десятилетия постановка структуралистами проблемы иного понимания человека дала повод для оживленных дебатов о соотношении «индивида» и «общества» или «действия» и «структуры». Раньше эти столь разные направления сосуществовали параллельно, а теперь все чаще ставится вопрос об их *взаимодействии*. В этом смысле можно сказать, пользуясь приведенными метафорами, что современная социология все в меньшей степени изучает общество как структурированный «парк» или как «зеркальную гладь моря с плывущими по ней кораблями». Картинки в значительной мере наложились одна на другую, и изучение общества все в большей мере становится изучением модели «лодки на аллеях парка». Именно так П. Монсон озаглавил свое знаменитое исследование: «Лодка на аллеях парка» // [Электронный ресурс] / <http://www.politnauka.org/files/monson.rar>.

¹¹ Weil Simone. The need for roots. Prelude to a Declaration of Duties Toward Mankind. NY, 1992.

¹² Кельзен Г. Чистое учение о праве. Т. 2. М., 1988. С. 37.

¹³ Кельзен Г. Там же. С. 38.

¹⁴ См.: Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001.

¹⁵ «...Юридическая антропология, отправляясь вместе с эволюционизмом от историко-нормативного подхода к праву в наиболее “очевидных” его проявлениях, затем благодаря функционализму и процессуальному анализу стала изучать поведение людей больше, чем кодексы. Позже, признав плюрализм, она открыла существование наряду с государственным правом множества правовых систем» (Рулан Норбер. Юридическая антропология. М.: Норма, 2000. С. 50).

¹⁶ См. концепцию внеправовых оснований права Р. Дворкина (Dworkin R. Taking Rights Seriously. Harvard University Press, 1977).

¹⁷ Чистый разум, утверждает Кант, «присутствует и остается одинаковым во всех поступках человека при всех обстоятельствах времени, но сам он не находится во времени и не приобретает, например, нового состояния, в котором он не находился раньше, он определяет состояние, но не определяется им» (Кант И. Сочинения. Т. 6. С. 541).

- ¹⁸ Все здание философии Нового времени от Декарта до Гуссерля воздвинуто на установке методологического солипсизма, на модели субъектно-объектного отношения, абстрагируясь от принадлежности субъекта к определенному социуму. В философии XX века, прежде всего в форме «лингвистического поворота», были предприняты попытки отхода от такого понимания... В теории права наблюдается параллельный процесс. Ю. Хабермас писал: «Не только познание и использование объективной природы есть явление, подлежащее объяснению, но и интересубъективность возможного понимания... Тем самым фокус исследования смещается от когнитивно-инструментальной к коммуникативной рациональности. Для него парадигматично не отношение обособленного субъекта к чему-то в объективном мире, что можно представить и чем можно манипулировать, а интересубъективная связь, которую устанавливают субъекты, обладающие языковой компетентностью и компетентностью действия, договариваясь о чем-то друг с другом» (Назарчук А.В. Язык в трансцендентальной прагматике К. Апеля. [Электронный ресурс] / http://ie.ru/biblio/archive/nasarchuk_ja).
- ¹⁹ Симона Черутти в работе о становлении современных судебных институтов пишет: «Проблема соотношения между практикой и статусом (частным случаем которой является проблема соотношения между личными правами и вещным правом) пронизывала общества... Она касалась всех социальных слоев. Перед лицом важных перемен, совершавшихся в те годы, было жизненно необходимо определить, на каких именно элементах должна основываться социальная идентификация. Статус присваивается властью (через титул, звание или должность) или вытекает из совершаемых действий? Если некто занимается торговлей, превращается ли он в коммерсанта (именно в этом основа споров по поводу *dérogeance*)? Дворянин – это тот, кто живет по-дворянски? Или только тот, кто может украсить себя присвоенным ему титулом? Гражданин – это тот, кто *проживает* в городе, или тот, кто обладает патентом на мещанство (*letterediborghesia*)? Изучаемое нами общество было погружено в альтернативные системы ценностей и системы легитимности. Нельзя сказать, что одна из версий соответствует народному, а другая элитарному взгляду. Обе удостоились ученого изложения. И к той, и к другой в разное время обращались купцы и ремесленники, юристы и адвокаты» (Черутти Симона. Скорый суд // Неприкосновенный запас. 2005. № 5).
- ²⁰ См.: После империи: исследования восточноевропейского Пограничья. Вильнюс, ENU-International, 2005.
- ²¹ Шпарага О. О необходимости субъективации Пограничья / После империи: исследования восточноевропейского Пограничья / под ред. И. Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича. Вильнюс: ЕГУ-International, 2005.
- ²² Цит. по: Шматко Н.А. «Социальное пространство» Пьера Бурдьё / Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя. 2005. С. 560.
- ²³ Мамардашвили М. «Как я понимаю философию». М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 168.
- ²⁴ Такие сообщества склонны прибегать скорее не к норме, а к табу (см.: Geertz C. Wiedza lokalna. Dalsze eseje z zakresu antropologii interpretatywnej. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2004).
- ²⁵ Арндт Ханна. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. Борисовой, Ю. Кимелева, А. Ковалева, Л. Седова, Ю. Мишкенене. М.: ЦентрКом, 1996.

- ²⁶ Цит. по: Ознобкина Е. Начало совершилось, человек сотворен был... // Новый мир. 1997. № 5.
- ²⁷ Бауман З. Индивидуализированное сообщество. М., 2005.
- ²⁸ Отсюда – ценность любого публичного пространства. Отсюда же и проблема размеров этого пространства – насколько оно широко для всех. Где-то есть рациональность, но насколько она доступна для всех.
- ²⁹ Мамардашвили М. Мысль в культуре // Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 144.
- ³⁰ «К сожалению, в нашем обыденном мышлении, в том числе и в социальном, мы всегда совершаем роковую ошибку. То, что в действительности является предельно сопрягающим поля наших усилий, мы помещаем в мир в виде искомого в нем совершенного образца и ходячего идеала. Например, мы говорим: покажите нам вполне справедливый конкретный закон, и тогда мы будем жить по закону. Но был ли когда-нибудь и где-нибудь такой конкретный закон, при применении которого всегда торжествовала бы справедливость? Покажите пример идеального или совершенного общества. И когда мы не можем это показать (а показать нельзя – этого нет), то торжествует нигилизм. Из непонимания того, как устроены мы сами, как устроена наша нравственность. Нигилизм сначала есть требование того, чтобы было “высокое”. Второй шаг – обнаружение, что истинно высокого никогда не было: ну, покажите мне истинно честного человека! У каждого можно найти какой-то недостаток, какую-то корысть. Третий шаг – утверждение, что все высокое – это сплошное при творство, лицемерие, возвышенное покрытие весьма низменных вещей. И потом знаменитое: “Все дозволено, раз Бога нет”» (Мамардашвили М. Философия – это сознание вслух // Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 61).
- ³¹ Мамардашвили М. Сознание и цивилизация // Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 111.
- ³² «Хотя человек, к сожалению, не властен над временем, расшатывающим любые порядки, однако то сознание, о котором я говорил и которое существует в особом режиме, позволяет это неминуемое расшатывание или склонение исправлять. В потоке времени мы все склоняемся. Ну, например, мы склоняемся нашими страстями и т.д. И это случается с нами вопреки сознанию. А я подчеркиваю, что наряду с этим существует и выпрямление склонения. И, более того, что оно должно происходить постоянно и в каждом месте снова и снова возобновляться, чтобы был тот мир, в котором мы могли бы жить как сознательные, чувствующие и желающие существа. Но если сознание есть выпрямление склонения, то, следовательно, в мире еще должно что-то родиться вместе со мной как возможным в этом мире. Значит, спрямление есть какой-то прямой отрезок, восстановленный из моей души, по которому я не могу не идти. И никто не имеет права заставить меня сойти с этой прямой» (Мамардашвили М. Проблема сознания и философское призвание // Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 56).
- ³³ Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / под. ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 5.

РАЗВИТИЕ УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Модерная украинская национальная историография возникла в начале XX в.¹ Ее появление было одним из результатов украинского национального и культурного возрождения. Следовательно, развитие украинской национальной историографии является частью эволюции современной украинской идентичности.

Прежде чем создать свою национальную историографию, украинским историкам следовало доказать, что у Украины есть собственная история с древнейшими корнями и что эта история – самостоятельна и непрерывна. А это означало связать украинскую историю с Киевской Русью, государством, созданным в IX в. в Центральной Украине, которое охватывало также территорию Беларуси и некоторые части России. Чтобы аргументировать историческую длительность, необходимо было показать, что украинский исторический процесс продолжался с IX до XIX в. непрерывно, несмотря на те периоды, когда части Украины входили в состав Польско-Литовского государства, Российской и Австро-Венгерской империй.

Сложность заключалась в определении того, насколько самостоятельными были украинская история и украинский исторический процесс. В начале XIX в. украинскую и русскую историю рассматривали как течения единого потока, а украинские историки считали русскую историю и культуру своей. В первой четверти XIX в. украинские историки полагали, что, исследуя историю Украины, они тем самым обогащают общерусскую историографию. Однако стремительное развитие и украинской, и русской историографии вскоре поставило вопрос о происхождении украинцев и русских, а также о различиях между ними. Как правило, украинская историография на шаг отставала от

российской имперской историографии и, соответственно, развивалась как реакция на нее. Таким образом, украинская историография должна была или приспособливаться, или бороться с русской и польской историографиями.

Отрицание самостоятельного украинского исторического прошлого: имперская российская и польская историографии

Слова Платона о том, что рассказывающим историю принадлежит власть, весьма справедливы касательно Украины. Как у безгосударственного народа, чью культуру притесняли, у украинцев было не много возможностей рассказать свою «историю». Историописание в Украине и в Российской империи представляло, главным образом, взгляды государства или приспособлялось к ним. Самой распространенной исторической схемой в России XIX в. была «традиционная схема русской истории», великий нарратив о происхождении и развитии Российской империи. Имперский «великий нарратив» соединял династическую, церковную, имперскую и русскую национальную историю с целью показать непрерывную тысячелетнюю историю «России» и «русского народа».

Хотя много элементов российского «великого нарратива» можно найти уже в претензиях царской династии на Киев в средневековых московских летописях, первые Московия и Украина были соединены через династию, религию и даже этнос в украинском историческом сочинении XVII в. «Синописис», часто называемом первой историей восточных славян (появилась в Киеве между 1670 и 1674 гг.). Его создание приписывают Иннокентию Гизелю, архимандриту Киево-Печерской Лавры². Чтобы заручиться поддержкой и протекцией московского царя, автор попытался показать связь Киева и Московии: 1) через общую династию Рюриковичей и православную веру; 2) через православный «русский» народ, населявший территорию, подвластную Рюриковичам; 3) через единую территорию под названием «Россия», которая включала Московию и Украину и была законной вотчиной Рюриковичей; 4) через московского царя – потомка Рюриковичей (то, что цари уже не принадлежали к династии Рюриковичей, было проигнорировано).

До 1836 г. «Синописис» выдержал 19 изданий. Он получил такую широкую популярность, поскольку обеспечивал набиравшей силу династической империи более широкий исторический контекст. Когда Московия превратилась в Российскую империю, «Синописис» стал трамплином для развития российской имперской историографии. Первое полное научное изложение «традиционной схемы» русской истории выполнил Николай Карамзин. Его «История государства Российского» (1816–1824) начинается в IX в. в Центральной Украине «Киевским периодом», в XIII в. перемещается во Владимиро-Суздальское княжество, в XV в. в Москву и, наконец, в XVIII в. завершается в Санкт-Петербурге. В целом русская история отождествлена с историей династий и государства или последовательной сменой государств³.

В схеме Карамзина «российская» история начинается в Украине, а затем перемещается в Россию. Но какой статус имела Украина тогда, когда она не была связана с российским государством? Или в то время Украина также принадлежала русской истории? Этот очевидный пробел в *opus magnum* Карамзина заполнил Николай Устрялов. В первом официально одобренном учебнике русской истории Устрялов доказывает, что «Россия» как политическая нация с одним языком и общей верой в самодержавие существовала уже во времена Киевской Руси. Он выступил против устоявшейся практики сосредоточиваться после 1157 г. лишь на истории Владимиро-Суздальского княжества и Московии, утверждая, что Великое княжество Литовское тоже было «русским» государством. Просто Россия была разделена вследствие монгольского нашествия и позднейшего установления польского правления в Украине и Беларуси. По мнению Устрялова, главным направлением русской истории было «собрание русских земель»⁴. Именно в контексте этого «собрания России» Устрялов дал – вероятно, впервые в историографии Российской империи – детальное изложение истории Украины XVI и XVII вв. как часть общего очерка «русской» истории.

Поскольку в соответствии с традиционной имперской схемой первое Русское государство располагалось на территории Украины, важно было объяснить существование украинцев. В 1856 г. Михаил Погодин выдвинул тезис о том, что древний Киев населяли русские, однако монгольское нашествие стало причиной массовой миграции населения на территорию России. Новые племена с Карпат заселили Украину в XIV и XV вв., создав украинский этнический субстрат⁵. Хотя теория Погодина получила определенную популярность, фактически невозможно было доказать, что эта смена населения действительно состоялась. Большинство более поздних русских историков объясняли существенные различия между русскими и украинцами в языке, обычаях и ментальности порчей исконно русского этноса в результате польского влияния. Однако отголоски теории Погодина можно заметить в трудах некоторых ведущих русских историков второй половины XIX и даже XX в⁶.

Имперский великий нарратив приобрел почти канонический статус, когда его применили в своих трудах два самых выдающихся русских историка XIX в. – С. М. Соловьев и его ученик и преемник на кафедре русской истории Московского университета В. О. Ключевский. Монументальная «История России с древнейших времен» С. Соловьева, написанная на протяжении 1850–1860-х гг., определяла Украину как «западнорусские земли», которые были ополячены и окатоличены усилиями Польши, но боролись за сохранение своей «русской идентичности», и им было предопределено объединиться с Великой Россией⁷. В. Ключевский также выводил историю русского народа из времен Киевской Руси. Его «Курс русской истории» (1904–1912) сосредоточился на национальном и социально-экономическом развитии России, особенно на территориальной экспансии и колонизации⁸.

В целом «великий нарратив» или «традиционная схема» русской истории рассматривали Киевскую Русь, возникшую в IX в. на территории Центральной Украины,

как первое Русское государство, а ее восточнославянское население – как русских. Это государство, несмотря на «монголо-татарское иго», сохранилось в юго-восточных русских землях вначале как Владимиро-Суздальское княжество, затем под властью Москвы как Великое княжество Московское и, наконец, как Российская империя со столицей в Санкт-Петербурге. Таким образом, несмотря на территориальные изменения, российское государство развивалось от Киевской Руси до Российской империи XIX в., хотя юго-западные части «России» (Украина и Беларусь) отошли к соседним государствам, вначале к Литве, а потом – к Польше. С такой позиции история Украины выглядела лишь локальным ответвлением русской национальной истории, а украинцы и белорусы – непослушными детьми русской национальной родины.

Подобно русской традиционной схеме, польский «великий нарратив» также маргинализировал украинское историческое прошлое. Для польской историографии XIX в. приоритетными вопросами были утрата Польшей государственности, несправедливость к ней соседних государств, разделивших между собой польские территории, и славное прошлое Польши как великой европейской державы. Поскольку украинские земли входили в состав Речи Посполитой, значительная часть украинского прошлого изображалась в рамках польской национальной истории. Даже период Киевской Руси с его византийской православной и церковнославянской культурой считали польским. Польские авторы раннего модерна рассматривали династические браки польских правителей с Рюриковичами и то, что некоторые Рюриковичи подчинялись польским королям, а также подчинение Киева Польше как подтверждение претензий поляков на наследие Киевской Руси⁹. Такие выдающиеся польские историки XIX в., как Лелевель и Морачевский, утверждали, что Украина-Русь, вошедшая в Речь Посполитую сначала через Великое княжество Литовское, а затем через Люблинскую унию, стала частью Польши и осталась бы в составе Речи Посполитой навсегда, если бы не казацкие восстания XVII в.¹⁰ Для польской историографии период правления Ягеллонов (1385–1572) был идеалом религиозной и национальной толерантности, когда все части Речи Посполитой, в том числе Украина, занимали свое достойное место.

Как полагали поляки, этот идеал был уничтожен в результате серии казацких восстаний, оторвавших от Речи Посполитой часть украинских земель, что ощутимо ослабило государство и в конце концов привело к разделам Польши в XVIII в. Некоторые польские историки, например Шуйский, Бобжинский и Левицкий, были готовы признать объективные причины, вследствие которых поднялось восстание (злоупотребления польской шляхты и римско-католического духовенства). Однако и они верили в «миссию» Польши и оправдывали ее присутствие в Украине целью включить украинские земли в сферу западной католической цивилизации¹¹. Консервативные польские историки – Морачевская, Врублевский, Бартошевич и Равита-Гавронский – изображали казацкие восстания как неоправданный взрыв насилия со стороны варваров, не признававших истинного христианства и культуры¹².

Эхо этих воззрений в видоизмененной форме можно найти даже у Александра Яблоновского, историка, известного своей симпатией к украинцам¹³. Таким образом, польская историография, хотя и признавала определенную самостоятельность украинцев, особенно в XIX и в начале XX в., показывала их как дикарей, которых слегка приобщили к цивилизации польская религия и культура. Мало того, настаивая на восстановлении Польши в ее «исторических» границах, польские историографы утверждали, что если не вся, то по крайней мере Правобережная Украина должна быть частью будущего Польского государства.

Традиции украинского историописания

Реагируя на российский и польский «великие нарративы», украинцы искали опоры в собственных традициях. Одна из этих традиций, которую представлял «Синописис», пыталась доказать родственность Украины с Московией/Россией через религию, династию, высокую культуру и даже этнос. Другая традиция, не возражая против этой родственности, настаивала на самостоятельности политического и социального строя Украины. Сторонниками политической и социальной самостоятельности Украины были, главным образом, представители светской политической элиты, казачьей старшины и казачьей администрации, которые *de facto* управляли автономной Украиной на основании Переяславского договора 1654 г., заключенного с русским царем. Эта элита создала новый жанр историописания: казачьи летописи. Самыми влиятельными образцами этого жанра были летописи Григория Грабянки (1710) и Самуила Величко (1720)¹⁴.

В отличие от «Синописиса», эти и другие казачьи летописи не предложили общей схемы истории Восточной Европы, не пытались оправдать вмешательство царя в украинские дела его династическими правами и даже не искали этнических или религиозных связей Украины с Россией. Авторы казачьих летописей стремились представить историю Украины с точки зрения украинского казачества. Для них период истории Киевской Руси был темным временем; главный интерес представляли казачья Украина под властью Польши, великий освободитель гетман Богдан Хмельницкий, а также украинские и казачьи права и вольности как при польских королях, так и при московских царях. Они пытались показать, что существовали две русские общности – Россия и Украина (или Малороссия, как ее называли в середине XVIII в.), и доказать, что Малороссия добровольно заключала политические соглашения сначала с польским королем, а потом и с московским царем¹⁵.

Казачьи летописи и историческая литература XVIII в. нашли корни и историческое обоснование Малороссии как автономного региона Российской империи. В последней четверти XVIII в. автономия Украины была ликвидирована, что обусловило новое направление историописания. Важнейшим сочинением начала XIX в. был анонимный антироссийский политический трактат «История Русов». Его ос-

новной тезис заключается в том, что Украина имеет природное, моральное и историческое право на собственное политическое развитие. Более того, русский (украинский) народ существовал как политический организм со времен Киевской Руси: «Ибо известно, что прежде мы были теми, кем теперь являются москвичи: правление, первенство и само название Русь перешли к ним от нас»¹⁶. Русский народ был независимым во времена правления собственных князей, до тех пор пока татары не заставили его вступить в контрактные отношения с Литвой и Польшей, «как равный с равным и вольный с вольным»¹⁷. С позиций этой же контрактной теории рассматривались и Переяславский договор с русским царем от 1654 г., и существование автономной Малороссии в Российской империи¹⁸. Следовательно, Украина никогда не была завоевана, она входила во все союзы как свободный и равный партнер.

Казацкие летописи, исторические сочинения, и особенно «История Русов», оказали колоссальное влияние на развитие украинской историографии¹⁹. Перед угрозой распространения взглядов, отрицавших самостоятельное украинское историческое прошлое, эти исторические сочинения раннемодерного времени изображали Украину как субъект исторического процесса независимо от того, входила ли она в состав Польши или России. Они писали, что Украина имеет особые «права и вольности». Мало того, «История Русов» настойчиво подчеркивала, что россияне присвоили украинскую историю и что когда-то Украина играла важную роль как европейское государство – предвещая будущий отказ Грушевского от имперского нарратива, а также развитие «государственной школы» в украинской историографии.

Поясняя разницу между русскими и украинцами существованием рабства в России и любовью украинцев к свободе, «История Русов» выдвигает аргумент, который позже будет развит в народнической историографии второй половины XIX в.

Расширение российского имперского нарратива: Бантыш-Каменский и Маркевич

Учитывая наличие этих исторических традиций, не удивительно, что украинское дворянство было недовольно «великим нарративом» Карамзина. Оно в основном разделяло идею власти русского царя, православной Церкви и всероссийской империи, поскольку для украинского дворянства Малороссия как политический организм была давно уже мертва. Осталась только ностальгия по самостоятельному прошлому и желание, чтобы Малороссия заняла достойное место в широкой общерусской исторической схеме. Однако в своей истории Карамзин даже не упоминал Малороссию. В ответ на жалобы украинского дворянства генерал-губернатор Малороссии Николай Репнин поручил одному из своих подчиненных, Дмитрию Бантыш-Каменскому (1788–1850), написать историю Украины. В итоге появилась четырехтомная «История Малой России» (1822).

Самым ценным в этой работе была ее систематичность и использование разнообразных источников. Ее дух и интерпретация исторических событий были очень лояльными к власти: второе издание своей истории автор посвятил царю Николаю I. Бантыш-Каменский наследовал Карамзину, брал материал из его сочинения и стремился писать в том же стиле. Как и работа Карамзина, «История» Бантыш-Каменского описывает лишь политические события и жизнь правителей. В интерпретации нет и следа критики царского централизма, характерной для исторических сочинений конца XVIII в. или «Истории Русов». Бантыш-Каменскому в своей работе удалось найти место для Украины в имперской схеме, сделав знание об Украине более доступным широкому читателю. Однако в целом история Бантыш-Каменского была не более чем подробной историей одной из многочисленных провинций России²⁰.

По иронии судьбы точнее всего на эти недостатки труда Бантыш-Каменского указал русский журналист и историк Николай Полевой. Протославянофил и протонародник Полевой не был в восхищении от этого «пересказа событий год за годом», в котором не было видно существенной разницы между Украиной и Россией. Прочитав книгу Бантыш-Каменского, утверждал Полевой, можно подумать, что «Малороссия» отличалась от Московской губернии не больше, чем Ярославская или Владимирская губерния. По мнению Полевого, малороссы отличались от великороссов физически, культурно и духовно: они «наши, но не мы»²¹.

Двумя десятилетиями позже Николай Маркевич (1804–1860) создал труд, в котором Украина была изображена как «наша» (т.е. часть Российской империи), но «не мы» (т.е. не русские). Друг Пушкина, Глинки и Рылеева, Маркевич был известен как поэт, музыкант, композитор, этнограф и историк. В течение долгого времени он собирал рукописи, касавшиеся украинской истории, и наконец опубликовал в 1842–1843 гг. в Москве пятитомную «Историю Малороссии».

Находясь под большим влиянием тогда еще не опубликованной «Истории Русов», Маркевич представляет историю Украины как независимый и непрерывный процесс с древнейших времен до конца XVIII в. Хотя Маркевич придерживался взглядов имперского великого нарратива в том, что касалось давнего украинско-русского единства, он отмечал, что русские были младшими братьями украинцев, но Южная Русь «отделилась от своих младших братьев (населения Севера), освободилась от татарского ярма, взяла себе имя Малороссия, присоединилась к Литве, а потом к Польше, но ею правили собственные удельные князья, потомки Рюриковичей, и воеводы, признанные Литвой и польским королем»²². Он подчеркивает отличия между украинцами и русскими и их разные государственные традиции, утверждая, что украинцы боялись русских и одновременно презирали их. Он характеризует Переяславский договор как союз «равного с равным и вольного с вольным» (фраза взята из Люблинской унии 1569 г. между Литвой и Польшей)²³. Маркевич игнорирует большинство общероссийских событий, которые подробно описывает Бантыш-Каменский. Однако он остается лояльным Российской империи

в интерпретации таких событий украинской истории XVIII в., как разделы Польши, которым он дает позитивную оценку, поскольку они сделали возможным объединение украинских земель в империи.

История Маркевича была апогеем украинской патриотической дворянской историографии. В противовес линейному развитию украинской истории у Карамзина, Маркевич подчеркивал наличие двух линий, украинской и русской, причем первая из них была более древней. Как и Карамзин, Маркевич главную роль придавал российской монархии и Российскому государству. По сути, Маркевич и другие историки начала XIX в. хотели, чтобы Украина заняла надлежащее место в истории Российской монархии и государства. История Маркевича дала фактический материал и идеи украинским романтикам, в частности другу Маркевича Тарасу Шевченко, и, таким образом, внесла свой вклад в формирование украинской современной идентичности²⁴. В развитии украинской историографии Маркевич стал мостом между дворянской историографией начала XIX в. и украинским романтическим народничеством.

Попытка преодоления великого имперского нарратива: украинское романтическое народничество

Вскоре после издания истории Маркевича в подходе к украинской истории произошли радикальные изменения. Под влиянием романтизма украинские исследователи обратились к истории и жизни простого народа. Сам термин «народничество» отсылает к «народу». Излюбленным полем исследований народников была этнография, что оказало ощутимое влияние на развитие историографии. Для историков-народников не государство, а народ был главной движущей силой исторического развития. Таким образом, народничество стало удобной теоретической позицией для критики государственной «традиционной схемы» русской истории. Оно также позволяло историкам противопоставлять (украинский) народ (российскому) абсолютистскому государству и, таким образом, опосредованно провозглашать самостоятельность украинской истории по отношению к русской. Одновременно народники были славянофилами, верили в фундаментальное единство восточных славян и поддерживали идею о федерации в составе Российской империи.

Одним из первых романтических народников был Михаил Максимович (1804–1873), человек с очень широкими научными интересами – от ботаники до истории. Приятель Пушкина, Гоголя и Шевченко, он преподавал в Московском университете, а потом в Киевском, став его первым ректором. Максимович был хорошо известен как фольклорист и издатель украинских народных песен. Он написал много исследований по украинской истории, посвященных Киевской Руси, казацко-гетманской эпохе и казацкой историографии. Максимович отстаивал мысль об органической связи между Киевской Русью и казацкой эпохой в истории Украины. В своей статье

«О мнимом запустении Украины в нашествие Баття» и открытых письмах Погодину он доказал ошибочность теории Погодина. Максимович также полемизировал с Погодиным по поводу независимого статуса украинского языка²⁵.

В свою очередь Максимович поддерживал Пантелеймона Кулиша (1819–1897) и оказал на него огромное влияние (особенно на ранних этапах творчества Кулиша). Выдающийся писатель, переводчик и организатор украинской культурной жизни, Кулиш написал свои главные синтетические исторические труды в конце жизни, когда его политическое мировоззрение радикально изменилось. «История воссоединения Руси» (3 тома, 1874–1877) была воспринята украинскими патриотами с осуждением, поскольку поддерживала имперский великий нарратив. Как украинский романтический народник Кулиш выступает в основном в ранних сочинениях. Самыми показательными в этом отношении являются его этнографические исследования 1840-х, поэма «Україна» (1843), а также исторические романы и научные статьи времен «Основы»²⁶. «Україна» – это наследование славянскому эпосу, где в духе казацких летописей изображены события 1648 г. Кулиш отождествлял казачество с украинским народом. В «Повести об украинском народе» (1846), вероятно, написанной для школьников, он стремится показать развитие «народного духа» на протяжении исторической борьбы за свободу. Эта книга доказывает непрерывность украинской истории на этническом и лингвистическом материале. «Повесть» содержит много смелых мыслей об уникальности украинского народа и его истории. Уже само появление понятия украинского «народа» или даже «нации» было огромным шагом вперед в развитии украинской исторической мысли. Кулиш утверждал, что первичная цель Хмельницкого – снова сделать Украину свободной страной, как было при русских князьях-викингах²⁷. Его отношение к гетману Ивану Мазепе довольно двусмысленно. Взгляды Кулиша на украинскую историю были главной причиной, по которой ему в тульской ссылке (1847–1850) запретили писать²⁸.

Среди прочих трудов Кулиша, существенно повлиявших на развитие украинской исторической мысли и национальной идентичности, упомянем «Записки о Южной Руси» (1856–1857) и исторические романы о казацкой эпохе. И особенно роман «Чорна рада» (1845–1857), принесший ему славу украинского Вальтера Скотта.

Однако самым знаменитым, влиятельным и образцовым представителем украинского романтического народничества был приятель и товарищ Кулиша по нелегальному Кирилло-Мефодиевскому братству Николай Костомаров (1817–1885). Он окончил Харьковский университет и на протяжении недолгого времени преподавал в Киевском (1846–1847) и Санкт-Петербургском (1859–1862) университетах, большую часть своей жизни посвятил написанию научных, литературных и публицистических работ. Костомаров начал собирать народные песни и писать художественные произведения на украинском языке еще во время обучения в Харькове. Назначенный профессором русской истории Киевского университета, он стал одним из основателей Кирилло-Мефодиевского братства, деятельность которого была направлена на достижение свободы и равенства, славянского братства и возрожде-

ния Украины. Костомаров сочинил манифест братства «Книги буття українського народу». Созданные под влиянием произведения Мицкевича «*Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego*» («Книги польского народа и польского пилигримства»), «Книги» представляют историю Украины с позиции республиканской демократии, панславизма и украинского мессианизма. Автор утверждает, что каждая нация в конце концов оказывалась под деспотическим монархическим правлением или иноземным господством. Но украинцы в свое время создали настоящее демократическое христианское общество, Войско Запорожское, идеализированное в трактовке Костомарова. В «Книзі буття» речь идет также о создании союза автономных славянских государств во главе с «воскресшей» украинской нацией.

Арестованный, заключенный в тюрьму, отправленный в ссылку и лишенный академических должностей, Костомаров, однако, не отказался от занятий историей. Свои основные взгляды он высказал в двух статьях, опубликованных в 1860-х, – «Мысли о федеративном начале в древней Руси» и «Две русские народности». В «Мыслях» он развивает тезис о том, что население Древней Руси состояло из шести народностей: украинцев, северян, россиян, белорусов, псковичей и новгородцев. Они были объединены в федерацию – натуральное политическое устройство восточных славян, но это идеальное государство было разрушено в XIII в. в результате монгольского нашествия и заменено самодержавным правлением Москвы²⁹. В статье «Две русские народности» Костомаров сделал попытку показать различия между украинцами и русскими. По его мнению, украинцы определяются индивидуализмом, а великороссы – коллективизмом, украинцы жаждали федерации, а великороссы – самодержавия и сильной монархии³⁰. Еще большее значение для формирования украинской национальной историографии имела статья Костомарова «Украина», появившаяся анонимно, минуя царскую цензуру, в лондонской газете Герцена «Колокол». Вольнолюбивый дух украинского народа здесь снова был показан как движущая сила украинской истории. Украинская государственность XVII в. пришла в упадок потому, что высшие классы украинского общества были заражены «польскими идеями», враждебными этому духу. Костомаров провозглашал, что «ни русские, ни поляки не могут называть землю, где живет наш народ, своей», и указывал, что необходимо создать украинское государство – участника славянского союза – на территории, где люди говорят по-украински³¹.

Костомаров рассматривал общерусскую историю прежде всего как борьбу двух принципов – федеративного и самодержавного. Украинская история, как правило, представляла в этой борьбе «лучшую сторону» – федерализм, в то время как история московитов была воплощением самодержавия. Костомаров посвятил свои исследования, главным образом, политической истории казацкой эпохи, создав фундаментальные монографии о временах Хмельницкого (1648–1657), Руине (1657–1687) и правлении гетмана Мазепы (1687–1709). Он также написал много работ по русской истории и стал одним из популярнейших историков Российской империи³².

Если Костомарова можно считать вершиной развития украинского романтического народничества, то Александр Лазаревский (1834–1902) представлял последний его этап. Лазаревский принадлежал к следующему поколению историков и может считаться переходной фигурой между романтическим народничеством Костомарова и позитивистским народничеством, которое только начал развивать современник Лазаревского Владимир Антонович. Юрист по образованию, Лазаревский был активным членом Исторического общества Нестора-летописца в Киеве и стал одним из основателей и сотрудников журнала «Киевская старина». Этот научный русскоязычный ежемесячник, посвященный украинским исследованиям, издавала в Киеве (1882–1906) группа патриотически настроенных украинских интеллектуалов. На протяжении почти двадцати пяти лет это было единственное печатное издание по украинистике в Российской империи, внесшее огромный вклад в формирование национальной историографии.

Большинство работ Лазаревского было опубликовано в «Киевской старине», а также (до 1880-х) в «Записках Черниговского статистического комитета». Он исследовал, прежде всего, социально-экономическую историю Левобережной Украины XVII–XVIII вв. и писал о крестьянстве, казацкой старшине, шляхте, землевладении и колонизации, а также об административной и судебной системе Гетманщины. В статье «Малороссийские посполитые крестьяне. 1648–1783» и трехтомном труде «Описание старой Малороссии» Лазаревский исследовал эксплуатацию крестьян казацкой старшиной, неприязненно оценив Гетманщину. Такой подход был характерен для украинской народнической историографии 1870–1890-х, противопоставлявшей украинский «народ» всем государственным образованиям, даже украинским. Позже Грушевский изменит этот подход, показав, что украинская казацкая старшина не была независимой силой, что российское правительство с его политикой также несет ответственность за нищенское положение крестьянства, что представители казацкой старшины временами были патриотами, действовавшими в интересах «Малороссии».

Не отбрасывая российского великого нарратива, своими исследованиями украинские романтические народники подрывали его. Они охотно соглашались, что Киевская Русь была политическим организмом, откуда вышли все восточные славяне, что Российскую империю можно считать ее наследницей. Но при этом не придавали государственным структурам большого значения. Народники полагали, что «народ» в разных частях Руси обрел особые черты, и именно они, собственно, и должны быть объектом исторического исследования, а не династии или государственные структуры. Романтические народники рассматривали украинский народ как индивидуалистический, демократический и федералистический, а русский – как общинный, самодержавный и централистический. Мало того, романтические народники приписывали украинцам уникальную, действительно мессианскую роль в истории – сохранение идей свободы и демократии.

Несмотря на акцентирование украинской самостоятельности и развенчания имперской державы, украинские романтические народники все еще оперировали понятиями метарусского мировоззрения. Большинство из них верило, что украинцы – это народность в составе большой русской нации. Эта вера была характерна для этапа развития украинской идентичности с середины до конца XIX в. Украинские интеллектуалы жаждали признания малороссийской или украинской народности внутри всероссийского государства и нации по примеру валлийцев, шотландцев и англичан в общей для всех Британской империи и нации.

Ни российская историография, ни имперское правительство, ни либеральная оппозиция не хотели принимать украинских условий принадлежности к общерусской нации. Для русских украинцы были лишь испорченными соотечественниками, которые могут и должны достичь полноценной «русскости», отказавшись от своих «малороссийских» привычек. В историографии и далее господствовал имперский нарратив. Одновременно имперское правительство развязало политику удушения украинской культуры и интеллектуальной жизни, включая запрет издания книг на украинском языке (Валуевский циркуляр 1863 г. и Эмский указ 1876 г.).

***Развенчание польского мифа и основание
украинской национальной историографии:
Владимир Антонович и документальная школа***

Неспособность романтических народников трансформировать российский великий нарратив или хотя бы внести в него существенные коррективы, а также страх преследований со стороны правительства привели к тому, что следующее поколение историков по большей части избегало общего синтеза и сосредоточивалось на узких темах и документальных исследованиях. Базу для новой документальной школы украинской историографии создало, само того не желая, имперское правительство. После польского восстания 1830–1831 гг. имперская власть жаждала на основе исторических источников доказать, что Правобережная Украина испокон веков была российской. В 1843 г. правительство создало Временную комиссию для исследования древних актов и назначило Николая Иванишева (1811–1874) главным редактором ее публикаций³³. Иванишев имел необходимую для этого подготовку, поскольку учился в Берлине, в частности, методологии собирания, редактирования и публикации документов. Под ее прикрытием имели возможность проводить исследования и публиковаться многие украинские историки, среди них Максимович и Кулиш. Кроме того, Иванишев смог профессионально подготовить и дать работу молодому историку Владимиру Антоновичу (1834–1908), который в 1864 г. сменил Иванишева на посту главного редактора Комиссии и занимал эту должность вплоть до 1880 г.

Будучи польским шляхтичем по происхождению, Антонович до 1860-х принимал активное участие в деятельности польских студенческих организаций. Однако под влиянием народнических идей он отрекся от своего класса и решил работать для «народа» (т.е. украинского крестьянства). Антонович стал горячим украинским патриотом и на протяжении полувека играл ведущую роль в украинской общественной и политической жизни. Он тридцать один год (1870–1901) занимал должность профессора русской истории Киевского университета и заложил основы современной украинской национальной историографии.

Как истинный народник, Антонович обращался к истории, основанной на прошлом народа. В своей инаугурационной лекции в Киевском университете он утверждал: «В истории государства мы видим лишь поверхностную часть [истории]; мы видим лишь актеров на сцене и не знаем, что происходит за кулисами. Следовательно, история должна изучать жизнь собственного народа, который и составляет народность»³⁴. В то же время Антонович обращается к методологии позитивизма с ее суровыми требованиями к историческим источникам и солидной документальной базе. В своих научных работах Антонович избегал обобщающих теорий и сосредоточивался на исследовании источников. Он собрал, отредактировал и написал предисловия к девяти томам «Архива Юго-Западной России», а также издал многочисленные сборники исторических документов, мемуаров, летописей, карт и исторических песен. Эти огромные по объему материалы, а также собственные работы Антоновича касались в основном политической истории Литовско-Русского государства и социально-экономической истории Правобережной Украины XVI–XVIII вв.³⁵

Под влиянием взглядов Костомарова на социальную систему Древней Руси Антонович рассматривал казачество как новую форму старого вечаго социального устройства. Эту позицию он четко изложил в предисловии к первому тому «Архива Юго-Западной России» (1863)³⁶. Однако лишь в 1890-х Антонович совершил попытку создать обзорный курс украинской истории, начиная со времен казачества. Он сделал это в форме лекций, прочитанных для узкого круга слушателей в 1895–1896 гг. и опубликованных в 1897 г. в Черновцах (в то время в составе Австро-Венгерской империи) под названием «Бесіди о часи козацькі на Україні». По мнению Антоновича, в казачьих времена «основная идея, выражавшая волю народа, была выявлена ярче всего». Центральной идеей великорусского народа было могущество государства, которое россияне ставили так высоко, что ради него отреклись от личных свобод. Великорусский абсолютизм сделал возможным создание великого государства и покорение других народов. Поляки, согласно Антоновичу, выбрали путь аристократической демократии. В противоположность этому, центральной идеей украинского народа был «принцип веча, принцип всеобщей демократии и признания равных политических прав каждого индивида в обществе»³⁷. В своих работах, особенно в статье «Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие», Антонович связывает историю Киевской Руси с дальнейшей историей украинских

земель. Чтобы подчеркнуть эту связь, Антонович первым среди украинских ученых употребил термин «Украина-Русь», который позже возник в названии *opus magnum* Грушевского³⁸.

Главным вкладом Антоновича как историка было фактическое развенчание польского мифа. Он сделал это не путем теоретических обобщений, а опубликовав документы и монографии по узким вопросам. Например, польская националистическая историография считала восстания гайдамаков доказательством тому, что украинцы были, по сути, обыкновенными разбойниками. Антонович опубликовал исторические документы о восстании гайдамаков и биографию одного из предводителей восстания Ивана Гонты. Эти публикации доказывали, что гайдамацкие восстания были следствием социального и религиозного угнетения, что у некоторых казацких лидеров были идеалистические цели³⁹. Таким образом, работы Антоновича по истории Правобережной Украины шаг за шагом развенчивали претензии поляков на Правобережье. В этом Антоновича поддержало имперское правительство, которое через Временную комиссию финансировало собирание и публикацию исторических документов. После польского восстания 1863 г. имперская власть еще упорнее, нежели в 1840-х, пыталась доказать, что Правобережье было не польским, а русским. Однако Антонович показал, что Правобережье принадлежало украинскому историческому процессу.

Возможно, наибольшим достижением Антоновича была организация исторической научной деятельности. Он тесно сотрудничал с четырьмя ведущими центрами украинских исторических исследований: Киевским университетом, Киевской археографической комиссией, Историческим обществом Нестора-летописца и кружком, издававшим журнал «Киевская старина». И, что важнее всего, Антонович был учителем следующего поколения украинских историков, его студентами в Киевском университете были Д. Багалея, И. Линниченко, М. Довнар-Запольский, Н. Дашкевич, П. Голубовский, В. Ляскоронский, М. Грушевский, А. Грушевский, В. Данилевич, А. Андрияшев, П. Иванов, Н. Молчановский и др.⁴⁰

Отказ от российского имперского нарратива и формирование украинского взгляда на историю: Михайло Грушевский

На протяжении последнего десятилетия XIX в. третье поколение профессиональных историков, в основном ученики Антоновича, преподавали в университетах по всей Украине. Большинство периодов истории Украины и ее регионов было охвачено в научных статьях и монографиях. Отсюда возникла потребность в новом синтезе. Двумя поколениями раньше романтические народники подвергли сомнению официальный российский великий нарратив, следовательно, он не мог много дать украинским историкам начала XX в. Однако созданию нового синтеза мешали препоны политического и интеллектуального характера. Открытый разрыв

с «традиционной схемой» русской истории был опасным для профессионального историка, занимавшего официальную должность в российской Украине (это могло привести, по меньшей мере, к потере должности). Украинская историческая мысль далеко продвинулась в деконструировании отдельных аспектов имперской схемы, однако никто не отважился принять интеллектуальный вызов и не только создать «национальную» историю, но и произвести новую интерпретацию всей истории восточных славян.

Эту цель поставил перед собой историк Михайло Грушевский, который родился и получил образование в Российской империи, но занял кафедру истории Львовского университета. Рискнув навлечь на себя царские репрессии и цензуру, он разработал первую полную теоретическую схему истории украинского народа. Самый крупный ученик Владимира Антоновича Михайло Грушевский (1866–1934) окончил Киевский университет в 1890 г. Будучи профессором Львовского университета в 1894–1913 гг., Грушевский стал выдающимся организатором украинской научной жизни и в Галичине, и в российской Украине. В 1917 г. он возглавил Центральную Раду, став во главе независимого украинского государства. После краха украинской независимости Грушевский был вынужден эмигрировать. В 1924 г. он вернулся в Украину, был избран членом Украинской, а заодно Всесоюзной академий наук и до конца своих дней считался центральной фигурой украинской исторической науки.

Хотя Грушевский опубликовал около двух тысяч научных работ (книг, статей, рецензий и научных сборников), среди которых монументальная «Історія України-Руси» (10 томов, 1898–1937), выразительнее и точнее всего новый синтез был изложен в его краткой украиноязычной статье, напечатанной в первом томе «Сборника статей по славяноведению». Статья называлась «Звичайна схема “руської” історії і справа раціонального укладу історії східного слов’янства». Суть концептуальной революции Грушевского заключалась в деконструировании «традиционной схемы» русской истории, обособлении украинской истории от русской и новой периодизации украинской и восточноевропейской истории. Грушевский писал: «Киевский период перешел не во Владимирско-Московский, а в Галицко-Волынский XIII в., потом Литовско-Польский XIV–XVI вв. Владимирско-Московское государство не было ни наследником, ни преемником Киевского, оно выросло из своего корня, и отношение к нему Киевского можно было бы скорее сравнить, например, с отношением Римского государства к его галльским провинциям, а не с преемственностью двух периодов в политической и культурной жизни Франции. Киевское правительство пересадило в великорусские земли формы общественно-политического устройства, право, культуру, выработанные исторической жизнью Киева. Но на этом основании нельзя включать Киевское государство в историю великорусской народности. Этнографическая и историческая близость народности украинской к великорусской не должна служить причиной для их смешения – они жили собственной жизнью помимо своих исторических столкновений и встреч»⁴¹.

Грушевский заметил, что, поскольку Киевский период традиционно причисляли к русской истории, истинное начало истории русского народа остается неопределенным. Грушевский также выступал против включения Великого княжества Литовского в историю «России». По его мнению, двумя славянскими народностями в Великом княжестве Литовском были украинско-русская и белорусская. В целом он критиковал то, что в «русской истории» (на самом деле, истории восточных славян) чрезмерно акцентировалась роль государства, и призывал обратиться к истории народа и общества. Его народническое понимание русской истории четко представлено в выводе: «В итоге “общерусской” истории и не может быть, как нет “общерусской” народности. Может быть история всех “русских народностей”, кому охота их так называть, или история восточного славянства. Она и должна занять место нынешней “русской истории”... Самым рациональным мне кажется представление истории каждой народности в отдельности, в ее генетической преемственности от начала вплоть до сегодняшнего дня»⁴².

Это были основные принципы подхода Грушевского к истории украинского народа. Первый том его монументальной «Історії України-Руси», опубликованный во Львове в 1898 г., охватывал историю Украины с доисторических времен до начала XI в. Десятый том, охватывавший казацкий период до 1658 г., был опубликован уже после смерти Грушевского в Киеве в 1937 г. Таким образом, Грушевский не смог довести свой *opus magnum* до современности, но напечатал несколько однотомных очерков украинской истории. Первый – «Очерк истории украинского народа» (1904), написан на русском языке, поскольку в то время издавать научные книги на украинском языке в Российской империи было запрещено⁴³. Эта книга, основанная на результатах предыдущих исследований Грушевского, представляет украинскую историю как непрерывный процесс с древнейших времен до конца XVIII в. Позже Грушевский имел возможность опубликовать украиноязычный очерк, написанный популярно, с сотнями иллюстраций, охватывавший события до начала XX в., – «Ілюстровану історію України» (1911)⁴⁴. В 1914 г. Грушевский издал также «Историю украинского народа», в которой развитие Украины было теснейшим образом связано с явлениями европейской истории, такими как Реформация или международная торговля зерном⁴⁵.

Хотя очень мало кто из русских историков согласился с исторической схемой Грушевского, большинство украинских историков незамедлительно ее приняли, причем даже те, кто не разделял его народнических взглядов. Такую популярность следует объяснить тем, что Грушевский смог решить фундаментальную проблему, связанную со становлением украинской национальной историографии. В своих научно-критических исследованиях он отрицал господствовавшую имперскую методологию и создал новую историческую структуру. Грушевский заменил парадигму, в которой украинцы не играли практически никакой исторической роли, даже на собственной территории, новой, где у них было древнее прошлое. Он обеспечил

инструментарий для окончательного обособления украинской историографии от русской.

Бунт против народничества: украинская государственная школа

Незадолго до Первой мировой войны, когда некоторые украинские мыслители только начали обращаться к вопросу о будущей независимой Украине, в украинской историографии возникла новая, государственная, школа. Историки-государственники обвиняли своих предшественников-народников в том, что они слишком много внимания уделяли «народу» и игнорировали государство, особенно украинские государственные структуры. Импульс для этой второй революции в украинской исторической мысли пришел из-за пределов традиционной украинской историографии – от Вячеслава Липинского (1882–1931), польского шляхтича с Правобережной Украины, получившего социологическое образование в Кракове и Женеве.

Как представитель польской шляхты, жившей в Украине, Липинский столкнулся с той же проблемой, что и Антонович за три десятилетия до него, – определения отношений между немногочисленным высшим классом польских землевладельцев и украинскими крестьянскими массами. Антонович решил эту социологическую и – для него – моральную проблему, отрекшись от своего класса и, по крайней мере символически, отождествив себя с украинскими крестьянами. Липинский решил иначе. Он не отказался от своего социального положения, но стремился склонить своих товарищей-шляхтичей к проукраинской позиции. Он представлял украинцев в будущем такой нацией, которая включала бы в себя лиц разного этнического происхождения, вероисповедания и социального статуса. Следовательно, польская шляхта может оставаться в Украине элитой, но это должна быть элита украинской нации, а не польской или русской. По мнению Липинского, такая нация может сформироваться только в Украинском государстве. Развитие территориального патриотизма, соединяющего все социальные слои, было лишь первым шагом к созданию нации, но только идея украинской государственности способна сформировать полноценную украинскую нацию.

Липинский применил свои политические идеи в исторических оценках, сосредоточившись на эпохе Хмельницкого. В 1912 г. он опубликовал большой труд «Z dzieyw Ukrainy» («Из истории Украины»), а в 1920-м – монографию «Україна на переломі. 1657–1659»⁴⁶. Эти работы полностью противоречили народническим взглядам. Там, где народники видели лишь народное восстание, прежде всего против социального угнетения, Липинский отмечал творение украинского государства и даже нации. Для него Хмельницкий был не просто предводителем народных масс, а государственным деятелем. Липинский доказывал, что мелкая православная (и даже католическая) шляхта принимала активное участие в создании украинских

государственных структур во времена Хмельницкого. Его особенно интересовал процесс постепенного превращения военной (если не полукочевой) организации казачества в административную территориальную структуру. Большое внимание Липинский уделял монархической тенденции в Казацкой державе, созданной Хмельницким.

Липинский рассматривал Переяславский договор как военный союз Украины с Москвией. По его мнению, он был не последствием неблагоприятных обстоятельств, а частью плана Хмельницкого установить в Украине «независимую и суверенную государственность»⁴⁷. Как Липинский показал в своем блестящем исследовании об одном из полковников Хмельницкого, Михайле Кричевском, украинская шляхта во времена Хмельницкого играла определяющую роль, особенно в сфере дипломатии и администрации. Однако после смерти гетмана шляхта не смогла сохранить Украинское государство и отдала предпочтение собственным интересам, а не общему благу.

Исторические исследования Липинского ограничились эпохой Хмельницкого. Он не создал общего очерка украинской истории. Вообще, Липинский был скорее политическим теоретиком и социологом, нежели историком. Однако он положил начало революции в украинской историографии, учредив или, точнее, восстановив в украинской истории территориальную концепцию государственных институций и элит. Народников интересовала в первую очередь этничность, украинский «народ». Липинский, наоборот, актуализировал украинские (и неукраинские) элиты, которых народники презирали.

Как и Грушевский, Липинский принимал активное участие в украинской общественной и политической жизни. Он был дипломатом на службе монархического правительства гетмана Скоропадского (1918) и даже остался представителем Директории Украинской Народной Республики, когда в 1919 г. она свергла гетманское правительство. До самой смерти Липинский был весьма активным публицистом и главным идеологом украинского монархического консерватизма.

В то самое время, когда Липинский начал свои исследования по истории эпохи Хмельницкого, способнейший ученик Грушевского в Львовском университете Степан Томашивский высказывает недовольство народничеством своего учителя. В своих статьях об эпохе Мазепы и в книге «Причинки до історії Мазепинщини» (1910) Томашивский стремился показать гетмана Мазепу как государственного лидера, а казацкий политикум как Украинское государство. В 1919 г. в первом томе труда «Українська історія: Старинні і середні віки» Томашивский в полной мере применил государственный подход в изображении Киевской Руси. В этой своей работе он назвал Галицко-Волынское княжество (наследника Киевской Руси) первым Украинским государством⁴⁸.

В начале 1920-х государственная школа охватила несколько периодов украинской истории – Киевскую Русь, Галицко-Волынское княжество и Казацкую державу, но не создала систематической истории Украины. Попытку написать полный

общий обзор истории Украины с позиций украинских элит, государственности и национальной идеи предпринял Дмитро Дорошенко, потомок казацкого гетманского рода. Подобно другим историкам-государственникам, Дорошенко принимал активное участие в политике. Он сыграл важную роль в украинской революции, став министром иностранных дел в консервативном правительстве гетмана Скоропадского в 1918 г. Лишь после краха украинской государственности, в эмиграции, Дорошенко смог обратиться к научным занятиям и преподаванию.

Дорошенко оставил огромное научное и литературное наследие (около тысячи работ по историографии, Казацкой эпохе, Украинской революции 1917–1921 гг. и по церковной истории Украины). Его двухтомный учебник, опубликованный в Варшаве в 1932–1933 гг., стал наиболее авторитетным и общепринятым изложением истории Украины за пределами Советского Союза⁴⁹. В этой работе Дорошенко занимает умеренную государственную позицию. Он представляет Киевскую Русь, Галицко-Волынское княжество и даже Литовскую Русь как непрерывный ряд протукраинских государств. Одновременно он уделяет большое внимание этнографии, экономике, культуре, литературе, просвещению и религии – этот подход был заимствован у Грушевского. Таким образом, Дорошенко заполнил пустоту между XIV в. и созданием Казацкой державы в XVII в. Как и народникам, Дорошенко и другим государственникам требовался «народ» для того, чтобы показать непрерывность украинского исторического процесса с IX до XX в. Однако Дорошенко в отличие от народников рассматривал народ не как монолитный крестьянский класс, а как социально разнородное общество. Как истинный государственник, Дорошенко верил в творческую силу элиты и в отдельных эпизодах истории видел деструктивное влияние народных масс. Особенно хорошо он относился к казацкой старшине, потомком которой был сам и которая, по его мнению, обеспечивала Украину элитой с XVII до конца XVIII в.⁵⁰

Государственная школа оказала значительное влияние на украинскую историческую мысль с 1920-х до установления советского политического контроля над научной жизнью в начале 1930-х. Она и в дальнейшем существовала в Западной Украине (под властью Польши) и в украинской диаспоре. Многие из идей этой школы были взяты на вооружение посткоммунистическими историками в современной Украине.

Итоги и выводы

В начале XX в. модерная украинская наука сформировала собственную историографию с общепринятой исторической схемой. Это было блестящим достижением, если иметь в виду, что две историографические традиции, доминировавшие в Украине, – российская имперская и польская, – игнорировали Украину как отдельный субъект истории. Российский великий нарратив рассматривал украинцев как этнических русских, а украинскую историю как историю российской провинции.

Большинство польских историков видело в украинцах обычных взбунтовавшихся крестьян и выдвигало претензии на Правобережную Украину на основании исторической легитимности.

Формирование национальной историографии происходило параллельно и было частью процесса развития современной украинской идентичности. Вначале украинские историки-дворяне стремились лишь немного изменить великий имперский нарратив, определить внутри традиционной русской схемы достойное место для Украины и украинской истории. Романтическое народничество 1860-х выступило против российского великого нарратива более открыто, отрицая роль имперской державы и показывая самостоятельное развитие и идентичность украинского народа. В это же время украинским историкам удалось постепенно развенчать польский миф.

Несмотря на то что украинскую самостоятельность подчеркивали все чаще, украинские историки и интеллектуалы не могли полностью разорвать связи с Россией. Они видели своей целью развивать самостоятельную украинскую нацию и историографию внутри всероссийской нации и государства. Лишь в конце XIX в. некоторые украинские интеллектуалы начали высказывать мысль, что Украина во всем отличается от России: в языке, литературе, культуре, истории и политике.

Историописание играло решающую роль в этой революции украинской национальной идентичности. Труды Михайлы Грушевского ознакомили полный разрыв с великим российским нарративом, формирование альтернативной схемы восточноевропейской истории и фактически создание украинской национальной историографии. Вслед за Грушевским вскоре возникла государственная школа, обратившаяся к примерам украинской государственности в прошлом, в результате чего украинская историография еще больше отошла от каких-либо всероссийских концепций.

В первой четверти XX в. украинская национальная историография, соединившая научные подходы Грушевского и государственной школы, стала господствующей в Западной Украине (под властью Польши), в украинской диаспоре и в Советской Украине. Но в 1930-х в Советской Украине национальная историография была задушена и заменена на официальную советскую историографию, которая наследовала видоизмененный российский великий нарратив. Официальная советская историография утверждала об общем происхождении украинцев и русских, несчастливом разделении двух народов в результате монгольского нашествия, литовской и польской «агрессии» и долгожданное «воссоединение» в Российском государстве. Однако советская историография допускала, по крайней мере теоретически, существование и даже расцвет украинской нации и культуры. С распадом Советского Союза в Украине возродилась украинская национальная историография. В то же время российский великий нарратив, модифицированный в едва ли не первичной его форме XIX в., господствует в России до сих пор.

Перевод с украинского Франца Корзуна

Примечания

- ¹ Наиболее доступны очерки украинской историографии: Дорошенко Дмитро. Огляд української історіографії. 1996; Ohloblyn Olexander. Ukrainian Historiography. 1917–1956 // *Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States*. New York, 1957. Vol. 6/7; Stephen Velychenko. *National History as Cultural Process: A Survey of Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian, and Ukrainian Historical Writing from the Earliest Times to 1914*. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 1992.
- ² Обзор научной литературы о «Синописе» см. в предисловии к изданию: *Sinopsis*. Kiev 1681: Facsimile mit einer Einleitung / Einleitung von Hans Rothe. Cologne: Bohlau, 1983. Особенно следует выделить следующие работы: Маслов С.И. К истории изданий киевского Синописа // *Статьи по славянской филологии и русской словесности: Собрание статей в честь академика А.И.Соболевского*. Лг., 1928. С. 341–348; Еремин И.П. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. // *ТОДРЛ*. Лг., 1954. Т. 10. С. 212–222; Пештич С.Л. «Синопис» как историческое произведение // *ТОДРЛ*. Лг., 1958. Т. 15. С. 284–298. Интересна также недавняя статья Джанфранко Джираудо «“Русское” настоящее и прошедшее в творчестве Иннокентия Гизеля» (*Medievalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей*. К., 1992. Т. 1. С. 92–103).
- ³ Карамзин Н.М. *История государства российского: В 12 т. / 5-е изд.* СПб., 1842–1843. О Карамзине см.: Black J.L. *Nicholas Karamzin and Russian Society the Nineteenth Century: A Study in Russian Political and Historical Thought*. Toronto: University of Toronto Press, 1975.
- ⁴ Устрялов Н.Г. *Русская история*. СПб., 1839. С. 16.
- ⁵ О концепции Погодина см. том 7 его труда «Исследования, замечания и лекции и русской истории» (М., 1856), особенно с. 425–428.
- ⁶ См.: Lubomyr R. Wynar. Mykhailo Hrushevsky: *Ukrainian-Russian Confrontation in Historiography*. New York: Ukrainian Historical Association, 1988. P. 14.
- ⁷ Соловьев С.М. *История России с древнейших времен: В 15 т.* М., 1959–1966. О взглядах Соловьева на историю нерусских народностей империи см.: Carl W. Reddel. S.M.Solov'ev and Multi-National History // *Russian History / Histoire Russe*. 1986. Vol. 13. № 4. P. 355–366.
- ⁸ Ключевский В.О. *Сочинения: В 8 т.* М.: Госполитиздат, 1956–1959. Очень ценным исследованием взглядов Ключевского является публ.: Byrnes Robert. *Kliuchevskii on the Multi-National Russian State* // *Russian History / Histoire Russe*. 1986. Vol. 13. № 4. P. 313–330.
- ⁹ Фундаментальное исследование о трактовке одиннадцати вопросов истории Украины в польской историографии см.: Velychenko Stephen. *National History as Cultural Process*. P. 4–75.
- ¹⁰ Lelewel Joachim. *Polska: Dzieje i rzeczy jej: W 20 t.* Poznań, 1858–1868 (см., напр.: Т. 3. S. 255, 364–369); Moraczewski Jędrzej. *Dzieje Rzeczypospolitej Polskiej: W 9 t.* Poznań, 1843–1848.
- ¹¹ Bobrzyński Michał. *Dzieje Polski w zarysie / Wyd. 2-e.* Warszawa, 1880–1881; Lewicki Anatol. *Zarys historii Polski i krajów ruskich z nią połączonych / Wyd. 2-e.* Kraków, 1887; Szujski Józef. *Dzieje Polski // Dzieła. Seria 2.* Kraków, 1885–1896 (особенно т. 1–3).
- ¹² Moraczewska Bibiana. *Co się działo w Polsce... do pierwszego rozbioru kraju.* Poznań, 1852; Bartoszewicz Julian. *Szkice dziejów kościoła ruskiego w Polsce.* Kraków, 1880;

- Rawita-Gawroński Franciszek. Historia ruchów hajdamackich: W 2 t. Lwów, 1899; Koronowicz W. [Walerian Wróblewski]. Słowo dziejów polskich: W 2 t. Lipsk, 1858.
- ¹³ Jablonowski A. Piśma: W 7 t. Warszawa, 1910–1911. Прежде всего см. «Kresy Ukrainne» (Т. 2. С. 102–104).
- ¹⁴ Труд Грабянки был опубликован под названием «Действия презелной и от начала поляков небувалої брани Богдана Хмельницкого... Року 1710» (К., 1854); труд Величко – «Летопись событий в Юго-Западной России в XVIII веке: составил Самоил Величко бывший канцелярист Войска Запорожского, 1720» (К., 1848–1885. Т. 1–4). Я пользовался факсимильным изданием летописи Грабянки и летописью Величко в переводе Валерия Шевчука: Hrabianka Hryhorii. The Great War of Bohdan Xmel'nickyj. Harvard Ukrainian Research Institute, 1990 (The Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Vol. 9); Величко Самійло. Літопис: У 2 т. К., 1991.
- ¹⁵ Согласно Величко, в 1654 г. русские послы в Переяславе от царского имени присягнули, что все украинские права будут сохранены навечно. См.: Величко Самійло. Літопис. Т. 1. С. 137. На самом деле царские послы отказались давать такую присягу.
- ¹⁶ История Русов или Малой России. М., 1846. С. 204. В «Истории Русов» сказано, что ее автором является архиепископ Георгий Конисский. Исследователи доказали, что он не писал этого сочинения.
- ¹⁷ Там же. С. 6–7, 209.
- ¹⁸ Там же. С. 209, 229.
- ¹⁹ См.: Sysyn Frank. Concepts of Nationhood in Ukrainian History Writing. 1620–1990 // HUS. Vol. 10. № 3/4 (December). P. 393–423; Sysyn Frank. The Cossack Chronicles and the Development of Modern Ukrainian Culture and National Identity // HUS. 1990. Vol. 14. № 3/4 (December). P. 593–607.
- ²⁰ Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетьманства: В 3 т. / 4-е изд. СПб., 1903. До сих пор нет специальной монографии о взглядах Бантыш-Каменского. О нем см.: Кравченко В.В. Бантыш-Каменський Д.М. // УІЖ. 1990. № 4. С. 88–94; № 5. С. 72–80; Кравченко В.В. Нариси з української історіографії епохи національного відродження. Х., 1996. С. 158–191.
- ²¹ Цит. по: Saunders David B. The Ukrainian Impact on Russian Culture. 1750–1850. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 1985. P. 186–187.
- ²² Маркевич Н. История Малороссии. М., 1842. Т. 1. С. 4.
- ²³ Там же. С. 227–228, 256–259. См. также: Velychenko Stephen. National History as Cultural Process. P. 166.
- ²⁴ О влиянии Маркевича на Шевченко: Косачевская Е.М. Н.А.Маркевич. 1804–1860. Лг., 1987. С. 166. В этой книге русской советской исследовательницы развитию украинского национального движения уделено мало внимания.
- ²⁵ Большинство научных работ Максимовича было написано в форме писем, рецензий и отзывов. Они опубликованы в его трехтомном «Собрании сочинений» (К., 1876–1880).
- ²⁶ Украинский ежемесячник «Основа» выходил в Санкт-Петербурге в 1861–1862 гг.
- ²⁷ Кулиш П. Повесть об украинском народе. СПб., 1846. С. 13, 27, 33, 51.
- ²⁸ См.: Luckyj G.S.N. Kulish Panteleimon // Encyclopedia of Ukraine. Toronto: University of Toronto Press, 1988. Vol. 2. P. 709. Однако в Туле Кулиш написал много работ (см.:

- Luckyj George S.N. Panteleimon Kulish: A Sketch of His Life and Times. Boulder: East European Monographs, 1983. P. 45–72.
- ²⁹ Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале в древней Руси // Основа. 1861. № 1. С. 12–58.
- ³⁰ Костомаров Н.И. Две русские народности // Основа. 1861. № 3. С. 33–80.
- ³¹ Эта статья впервые была опубликована как анонимное письмо издателем под названием «Украина» (Колокол. 1861. № 61). Публикацию на украинском языке см.: Костомаров М. Письмо до видавців «Колокола». З передмовою М. Драгоманова. Л., 1902.
- ³² Две недавних монографии о Костомарове: Пинчук Ю.А. Микола Іванович Костомаров. 1817–1885. К., 1992; Prymak Thomas M. Mykola Kostomarov: A Biography. Toronto: University of Toronto Press, 1996.
- ³³ См.: Журба О.І. Київська археографічна комісія. 1843–1921: Нарис історії і діяльності. К., 1993.
- ³⁴ Киян Олександр. Кафедральне «вірую» Володимира Антоновича: З неопублікованої спадщини // Київська старовина. 1992. № 3. С. 68.
- ³⁵ См.: Ричка В.М., Смолій В.А. В.Б.Антонович як історик українського козацтва // УІЖ. 1990. № 9. С. 109–115. Самый полный однотомный сборник статей исследователя: В.Б.Антонович. Моя сповідь: Вибрані історичні та публіцистичні твори. К., 1996.
- ³⁶ Антонович В. Содержание актов о козаках (1500–1648) // Архив Юго-Западной России. Серия 3. К., 1863. Т. 1. С. СХХ.
- ³⁷ Антонович В. Бесіди про часи козацькі на Україні. Чернівці, 1897. С. 6–7.
- ³⁸ Киян О.І. Життєвий і творчий шлях В.Б. Антоновича // УІЖ. 1991. № 2. С. 74–75.
- ³⁹ См.: Антонович В.Б. Исследование о гайдамачестве по актам 1700–1768 гг. К., 1876; Антонович В.Б. Уманский сотник Иван Гонта // Антонович В.Б. Моя сповідь. С. 197–218.
- ⁴⁰ Wupań Lubomyr R. Mykhailo Hrushevsky. P. 6–7. О научной деятельности Антоновича и его учеников см.: Дорошенко Дмитро. Огляд української історіографії.
- ⁴¹ Грушевський М. Звичайна схема «руської» історії і справа раціонального укладу історії східного слов'янства // Винар Любомир. Найвидатніший історик Михайло Грушевський (1866–1934). Б.м., 1985. С. 102–103.
- ⁴² Там же. С. 41–42.
- ⁴³ Грушевський М. Очерк истории украинского народа. СПб., 1904.
- ⁴⁴ Грушевський М. Ілюстрована історія України. К., 1911.
- ⁴⁵ Грушевський М. История украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем / под ред. Ф.К. Волкова, М.С. Грушевского, М.М. Ковалевского, Ф.Е. Корша, А.Е. Крымского, М.И. Туган-Барановского, А.А. Шахматова. СПб., 1914. Т. 1.
- ⁴⁶ Z dzień Ukrainy / Red. W. Lipiński. Kraków, 1912; В. Липинський. Україна на переломі. 1657–1659. Відень, 1920.
- ⁴⁷ Lipiński W. Stanisław Michał Kryczewski // Z dzień Ukrainy. S. 394, 546.
- ⁴⁸ Томашівський Степан. Причинки до історії Мазепинщини. Л., 1910; Томашівський Степан. Українська історія. Мюнхен, 1948. Т. 1: Старинні і середні віки. К сожалению, не существует исследований о том, влияли ли Липинский и Томашивский друг на друга.
- ⁴⁹ Дорошенко Д. Нарис історії України: У 2 т. Варшава, 1932–1933.
- ⁵⁰ Gerus Oleh W. Dmytro Doroshenko (1882–1951): A Biographical Sketch // D. Doroshenko. A Survey of Ukrainian Historiography. Winnipeg: Humeniuk Publication Foundation, 1975. P. 11–12b.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО КЛАССА И ПАТТЕРНЫ ПОГРАНИЧНОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Распад советской империи положил начало формированию национализирующихся сообществ и выдвинул на авансцену политики местные номенклатурные группы. Смена власти на волне антиимперской мобилизации в Республике Молдова (как и в других республиках бывшего СССР) сделала возможным для пребывающей на вторых ролях местной партократии резкое повышение ее социально-политического статуса. Поэтому достаточно быстро выяснилось, что по большому счету общество получило политэлиту той же «совковой» фактуры, не имеющую практических навыков для радикального обновления и не способную избежать пост-колониального синдрома с характерными колебаниями между Востоком и Западом. В данной статье будут рассмотрены основные характеристики внешней политики Республики Молдова как проявление идентичности и социокультурной формации молдавского политического класса.

Существует мнение, что термин *политическая элита*, под которым подразумевают группу политиков, принимающих важные политические решения, мало применим по отношению к пост-тоталитарным обществам¹. При этом утверждается, что для обозначения функций правящей группы на пост-советском пространстве целесообразнее использовать понятия *правящий класс* или *политический класс*, более адекватно отражающие специфику властных отношений. Тем не менее использование термина «политическая элита» не является ошибочным, если его рассматривать с позиции эволюции элиты от момента ее зарождения – процесса, свидетелями которого мы являемся, – до окончательного оформления в ближайшем или отдаленном будущем. В этом контексте, анализируя и сравнивая политиче-

скую ситуацию в новых независимых государствах и позицию их политических элит, находящихся в процессе формирования, исследователи выделили комплекс общих характеристик, свойственных как для всего постсоветского пространства² в целом, так и для Республики Молдова в частности, а именно:

- Несмотря на распад коммунистической империи, бывшая номенклатурная власть если не полностью, то в значительной степени осталась в политической жизни новых государств. Это свойственно как пограничным государствам – Молдове, Украине и Белоруссии, – так и всем другим странам постсоветского пространства. Более того, в Молдове часть политического класса и сегодня продолжает исповедовать коммунистические принципы, унаследовав идентичность последователей «идей великого Ленина». В других независимых государствах правящий класс хотя избавился от старых убеждений, но обеспечил себя властью, привилегиями и статусом, не изменяя природы своего мировоззрения. Отдельные властные группы, имевшие определенные преимущества в советское время, сохранили их и в новых условиях, используя общественные ресурсы в собственных интересах.
- Властные структуры во всех странах СНГ были сформированы из так называемых национальных кадров, т.е. из национальных или этнических элит. Создателями национальных движений и идеологии национализма были группы интеллектуалов³, которые принадлежали к этническим элитам. Они сыграли заметную роль в процессе развития национальных движений на территории бывшего Советского Союза, а затем и в новых независимых государствах.
- Государства, образованные в результате распада Советского Союза, оказались в непростой ситуации. Как правило, в этот период элиты еще разрознены. В отличие от сплоченной консенсусной элиты, которая придерживается общих правил политической игры, разрозненные элиты в условиях дефицита коллективной идентичности не способны предложить убедительных моделей коллективной мобилизации⁴, хотя судьба демократических преобразований зависит именно от их решительного и согласованного действия.
- Гражданское общество в силу своей недооформленности еще неспособно выполнять эффективный контроль как над властными структурами, так и над политическим классом. Исчезновение тоталитарных «руководящих» органов и идеологических ориентиров не повлекло за собой автоматического утверждения демократических и гражданских ценностей в коллективном сознании как политической элиты, так и всего населения. В демократическом государстве гражданское общество, посредством публичных дебатов и дискуссий, принимает активное участие в политических процессах, внося свой вклад в определение внешней политики страны. В Молдове же монополия руководства на внешнюю политику, почти как в средневековых монархиях, воспринимается само собой разумеющейся⁵.

Отмечая, что политическая элита Молдовы находится в начальной стадии своего формирования (в стадии «своего детства»⁶), исследователи выделили в ней две основные категории. Прежде всего это руководители с коммунистическим прошлым, которые входили в советскую номенклатуру и действовали в интересах коммунистического режима. Поэтому самая большая проблема Молдовы видится в том, что политический класс страны родился, вырос и получил воспитание в Советском Союзе⁷. В другую категорию входят руководители, которые начали свою карьеру в пост-советский период и поэтому еще не накопили достаточного опыта и легитимности в общественном сознании для эффективного руководства⁸.

Процесс формирования политической элиты в Молдове прошел несколько этапов⁹. Первый этап (1989–1991 гг.) – период этнической мобилизации, когда самыми активными политическими акторами были интеллектуалы. Однако результатами тех трансформаций воспользовались не столько политики, рожденные самим демократическим процессом, сколько представители старой политической элиты. Каждое из этих политических течений имело собственные взгляды на независимость и государственность. Фрагментация политической элиты продолжалась и после приобретения независимости (второй этап: 1991–1994; 1994–2001), а также в период правления коммунистов (третий этап: 2001–2006). Как видим, и в начале XXI в. политическая элита Молдовы остается разрозненной, не приемлет компромиссов и предпочитает исключение из процесса принятия решений оппозиционных сил¹⁰. Возможно, поэтому за все пятнадцать лет независимости у Молдовы не появилось своего Бразаускаса или Валенсы. Впрочем, и в ближайшее время маловероятно появление на политическом небосклоне политических сил, способных радикально изменить политическую конъюнктуру, хотя сфера интересов (и публичной риторики) некоторых представителей политического истеблишмента уже связана с новыми геополитическими представлениями. Однако надежда услышать в недалеком будущем что-либо концептуально внятное относительно геополитической стратегии пока крайне невысока.

Вопрос, имела и имеет ли Молдова свою внешнюю политику, отнюдь не риторичен и вовсе не тождественен вопросу о наличии государственного суверенитета, национальной армии, министерства иностранных дел и членства в международных организациях. Внешнеполитическая стратегия – это, прежде всего, проекция «коллективной души» политического класса. У народов, не имеющих сильной элиты, отсутствует также и сколь-нибудь внятная внешняя политика. (Становление, рост и укрепление политической элиты требуют времени, усилий и твердой воли, но только от их наличия зависит и успех, и имидж государства на международной арене.)

У постсоветской Молдовы никогда не было собственной стратегии международной политики – была только ситуативно складывающаяся комбинация внешнеполитических предпочтений. И причина тому в ставке национальной элиты на самодостаточное и субъектное позиционирование Республики Молдова. Этот факт

подтверждается и отсутствием на протяжении первых трех лет независимости *концепции* внешней политики.

Но и утвержденная парламентом лишь в 1995 г. *Концепция внешней политики Республики Молдова* имела расплывчатые и неконкретные приоритеты: «Республика Молдова поддерживает и будет развивать добрососедские и дружественные отношения с сопредельными государствами – Румынией и Украиной, очень важными являются развитие и углубление отношений с Российской Федерацией, Республикой Беларусь, другими странами СНГ, с наиболее развитыми индустриальными государствами. Руководствуясь интересами национальной безопасности, Республика Молдова развивает связи с государствами всего мира на уровне, определяемом требованиями проводимых социально-экономических реформ нашего общества. Интеграция в европейские структуры предоставляет Республике Молдова реальную возможность упрочить национальную безопасность и обеспечить территориальную целостность, способствуя таким образом установлению политической стабильности в регионе. Реализация этих приоритетов, составляющих суть внешней политики Республики Молдова, обеспечит, в соответствии с высшими национальными интересами, становление нашего государства в качестве независимого, единого, неделимого, поддерживающего взаимовыгодные отношения со всеми странами мира».

Как видно из данного фрагмента Концепции, основной расчет делался на стратегических противоречиях между Россией и Западом (это была изначально проигрышная позиция, которая прикрывалась эвфемизмом «многовекторности»). В Кишиневе считали, что антагонизм между США и Россией, Европой и Россией продлится вечно. В геополитическом отношении это, конечно, справедливо. Но оперативная стратегия должна быть гораздо гибче – поэтому последовавшие радикальные сдвиги в международном балансе сил оказались не в пользу Молдовы.

Кишиневская администрация, хотя и высказалась в пользу развития двустороннего и многостороннего сотрудничества, не смогла четко сформулировать место и роль Молдовы в международной системе внешнеполитических отношений, которые позволили бы стране быстро и эффективно преодолеть транзитный период и создать благоприятные внешние условия для успешного реформирования.

Если провести сравнительный анализ приоритетов внешней политики Молдовы и Прибалтийских государств (или стран Центральной Европы), то можно констатировать, что их политическая элита после обретения независимости сразу же сформулировала четкие цели внешней политики: присоединение к НАТО и вступление в Европейский союз. Таким образом, политическая элита этих государств дала четкие сигналы западным партнерам о своих намерениях и тем самым обеспечила себя как политической, так и экономической поддержкой. Это позволило создать совместимые с западными странами политические, экономические и юридические системы. Включившись в процесс интеграции в европейские структуры, эти государства (а значит, и их политические элиты) получили дополнительную мотивацию для осу-

ществления внутренних реформ, базирующихся на европейских демократических ценностях и стандартах.

Анализируя опыт этих стран и результаты, которые они достигли как во внутренней политике, так и на международной арене, можно констатировать, что выбранный политической элитой путь оправдал себя полностью.

Республика Молдова и постсоветское пространство. Треугольник Молдова – Россия – СНГ

*СССР умер, но его пространство живет*¹¹. Речь идет о постсоветском пространстве, для государств которого характерны схожие черты социально-политического и экономического развития. Все они связаны с процессом перехода от одной системы к другой и к попыткам региональной интеграции, выраженной в форме Содружества Независимых Государств (СНГ)¹². Республика Молдова в этом плане ничем не отличается от других бывших советских республик. Несмотря на то что документ *Основные направления внешней политики Республики Молдова* предусматривал отделение от бывшего центра, молдавские власти стремились к сближению с Москвой и в результате произошло присоединение к СНГ. Де-факто Молдова становится членом новой организации в декабре 1991 г., когда было подписано Соглашение о создании СНГ. Однако де-юре о молдавском членстве в СНГ можно говорить только с 1994 г. – после ратификации указанного документа аграрно-демократическим большинством парламента. Власти объясняли важность участия Молдовы в этой организации экономическими причинами. Они подчеркивали, что неудачи первой половины 90-х гг. были связаны с неправильной экономической политикой, и рекламировали преимущества российского рынка. В тот период правящему классу казалось, что выход из кризисной ситуации, в которой находилась Молдова, возможен лишь путем сохранения и углубления отношений с восточными партнерами, и в первую очередь с Россией. Поэтому *Концепция внешней политики Молдовы* предусматривала, что «Республика Молдова выступает за эффективное экономическое сотрудничество в целях разрешения кризисной ситуации в экономике, развития экономических и торговых связей со странами СНГ на основе равенства и взаимной выгоды».

С начала вхождения в СНГ, согласно решениям молдавского руководства, основное значение придавалось экономическому сотрудничеству. Очевидно, что властные структуры Кишинева пытались извлечь выгоду от сотрудничества с самыми различными государствами, но в первую очередь от приоритетных взаимоотношений с Россией, а также от участия в совместных проектах в рамках СНГ¹³.

Как экономическое, так и политическое сотрудничество со странами СНГ, в частности с Россией, Украиной и Беларусью, оставалось на протяжении 90-х гг. главным приоритетом во внешней политике Молдовы. Эту политику продолжают осу-

ществлять и представители коммунистической элиты, пришедшие к власти в 2001 г. в результате парламентских выборов. Тогда президент Молдовы провел кампанию по сближению с Россией и провозгласил интеграцию республики в российско-белорусский союз, что должно было, по его мнению, способствовать разрешению приднестровского конфликта и увеличению экономического роста. Участие Молдовы в СНГ поддерживали и другие политические лидеры. Все они заявляли, что Республика Молдова заинтересована в восстановлении традиционных связей с бывшими советскими республиками, в сохранении рынка сбыта на постсоветском пространстве и в улучшении экономического сотрудничества со всеми государствами-членами СНГ, в первую очередь с Россией¹⁴. Однако в скором времени характер отношений между Кишиневом и Москвой ухудшился, что приостановило политику сближения между этими государствами. Одновременно снизился интерес Кишинева и к СНГ. На Ялтинском саммите в сентябре 2003 г. президент Владимир Воронин заявил, что не исключает возможность выхода Молдовы из этой организации¹⁵. Причиной тому было отклонение в 2003 г. молдавскими властями российского плана (Меморандум Козака) разрешения приднестровского конфликта и неэффективность деятельности самого СНГ. Именно с 2003 г. политическое руководство Молдовы начало более открыто и уверенно поддерживать идею европейской интеграции, и, соответственно, проевропейская риторика становится доминирующей. А ведь до 2003 г. все было наоборот – главными, если не единственными, перспективными партнерами Молдовы представлялись Россия и СНГ.

Сегодня Молдова еще сохраняет статус члена СНГ, но молдавские власти признают, что эта организация является бесперспективной, и классифицируют ее всего лишь как клуб государств бывшего Советского Союза¹⁶. Однако сохранение членства в этой организации портит имидж Молдовы на Западе, потому что там считают СНГ пространством теневой экономики. Влияет членство Молдовы в СНГ и на экономические взаимоотношения с западными партнерами. Многие эксперты убеждены, что европейская интеграция, к которой сегодня стремится Молдова, в последнее время затрудняется «членством в СНГ и зависимостью от России – основного экономического партнера»¹⁷. Одним словом, статус членства в СНГ не обеспечивает и минимального комфорта для страны. Молдова вошла в СНГ молодым, неопытным государством, чья политическая элита была верна Москве. Но причины столь долгих и тесных отношений с СНГ и Россией необходимо искать, среди всего прочего, и в неспособности руководства Кишинева самостоятельно управлять государством, в отсутствии опыта и политической воли молдавских властей. Благодаря лояльности Кишинева по отношению к Москве последняя на протяжении многих лет удерживает Молдову в сфере своего влияния и позволяет себе вмешиваться в ее внутренние дела¹⁸.

Москва была прямо вовлечена в развязывание приднестровского конфликта, поскольку Приднестровье представляет для России важное геополитическое значение. Но в первую очередь Москва стремится сохранить молдавское государство

зависимым от своей воли и поэтому поддерживает Тираспольские власти. Российский военный контингент продолжает оставаться на территории непризнанной Приднестровской республики, несмотря на то что на Стамбульском саммите ОБСЕ 1999 г. Российская Федерация обязалась вывести свою армию с Приднестровья до декабря 2002 г. Под предлогом урегулирования приднестровской проблемы в ноябре 2003 г. руководство России предложило Молдове и Приднестровью *Меморандум об основных принципах государственного устройства объединенного государства*. Согласно этому документу, предлагалось присоединение Приднестровья к Молдове и преобразование молдавского государства в федеративную республику на невыгодных для Кишинева условиях. Молдавские власти не согласились подписать меморандум, но Россия не отказалась от своих планов в регионе. Она продолжает оставаться главным союзником сепаратистского Приднестровья, ставя под угрозу территориальную целостность Молдовы.

Несмотря на противоречия, существующие между Молдовой и Россией, Кишинев не желает серьезного ухудшения в отношениях с Москвой, потому что его зависимость от российского рынка и поставок энергоносителей слишком велика¹⁹. Доминирующим фактором социально-политического и экономического взаимодействия между Молдовой и Россией следует считать торгово-экономическое сотрудничество. Но важнейшим из экономических рычагов влияния, которыми располагает российское правительство для укрепления своих интересов в западном регионе бывшего Советского Союза²⁰, является энергетический сектор. Россия с ее обширной территорией, экономическим и военным потенциалом остается региональным лидером, который оказывает влияние на все государства СНГ. Будучи зависимой в экономическом плане от России и имея неразрешенную приднестровскую проблему, где Россия является одним из ведущих государств-посредников, Молдова рискует оставаться в сфере ее влияния как не вполне самостоятельное государство. Поэтому, чтобы избежать экономического и политического давления со стороны России, Молдове следует стремиться к уменьшению своей зависимости от восточных рынков и, возможно, выйти из СНГ – организации, которой предназначено оставаться в сфере влияния России²¹.

Молдова и ГУАМ

О том, что СНГ является нежизнеспособным сообществом, говорит и образование в 1997 г. субрегиональной организации ГУАМ. В состав новообразованной структуры вошли государства (Молдова, Украина, Узбекистан, Грузия и Азербайджан), которые хотя и сохраняют свое членство в СНГ, но стремятся к «общему европейскому будущему»²².

Образование ГУАМ было реакцией на неспособность СНГ разрешить те проблемы, с которыми сталкивались многие страны постсоветского пространства. К

тому же будущие члены ГУАМ не были довольны тем, что основной принцип функционирования СНГ основан на взаимоотношениях между центром и периферией, то есть между Россией и новыми независимыми государствами. Поэтому с целью уменьшения влияния России и обеспечения региональной интеграции четыре страны СНГ решили создать новую организацию, в которой нет центра, а есть складывающаяся система равных партнеров, объединенных общими интересами.

В основу формирования ГУАМ были заложены следующие цели:

- *экономическая кооперация* на основе воссоздания «Великого шелкового пути»²³. Безусловно, важнейшим компонентом партнерства в рамках ГУАМ является экономическое сотрудничество. Эти государства намерены совместными усилиями подготовить условия для своего экономического развития и, в первую очередь, создать инфраструктуру для транспортировки нефти из Каспийского региона в Европу (Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia) в обход российской территории с целью уменьшения энергетической зависимости Украины, Молдовы и Грузии от российского газа²⁴;
- *политическая и экономическая интеграция в Европу*. Как отмечалось выше, главной целью внешней политики всех государств ГУАМ является интеграция в Европейский союз. Исходя из этого и принимая во внимание, что Евросоюз приблизился к границам Украины, а с 2007 г. граничит и с Молдовой, перед членами ГУАМ встает вопрос о четком выборе своего будущего – европейское или азиатское. Следовательно, задача присоединения к Европе должна стать основным содержанием политики ГУАМ и все проекты в рамках данной организации обязаны быть подчинены интеграционным процессам;
- *обеспечение национальной и региональной безопасности*. Главные задачи в сфере безопасности для государств ГУАМ сводятся к ликвидации в ближайшей перспективе военного российского присутствия на их территории и вступлению в НАТО, к которому прежде всего стремятся Украина и Грузия.

Молдова считает, что, сохраняя статус активного члена ГУАМ, она с помощью остальных стран-участниц организации имеет больше шансов:

- преодолеть сепаратизм, территориальный раскол и разрешить приднестровский конфликт;
- уменьшить российское влияние и вмешательство России в свои внутренние дела;
- обеспечить национальную безопасность;
- способствовать развитию экономики;
- привлечь к себе внимание Европы и интегрироваться в Евросоюз.

Молдова, как член ГУАМ, поддерживает общую политику организации и активно участвует в реализации ее проектов. Однако до 2004 г. Молдова считалась, скорее всего, лишь номинальным членом. В 2001 г. президент Воронин не исключал возможность выхода своего государства из состава организации под предлогом, что последняя носит антироссийский характер. С 2004 г., в результате осложнения рос-

сийско-молдавских отношений, Молдова изменила свое отношение к ГУАМ и ратифицировала в 2005 г. три основных документа организации, а именно: Ялтинскую карту, Договор об образовании свободной коммерческой зоны и Договор об образовании Информационного агентства ГУАМ²⁵. А 22 апреля того же года в Кишиневе проходил очередной саммит организации²⁶.

Летом 2005 г. Президент Республики Молдова Владимир Воронин совершил визит в Брюссель. Целью визита были переговоры с генеральным секретарем НАТО Япом де Хооп Схеффером по проблематике приднестровского урегулирования и углубления сотрудничества Республика Молдова – НАТО в рамках Партнерства ради Мира. В декабре 2005 г. страны ГУАМ выступили единым фронтом на заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Любляне (Словения). Накануне форума ОБСЕ председательство в ГУАМ перешло к Молдове и она (более других заинтересованная в том, чтобы Россия выполнила «Стамбульские соглашения», – о выводе войск из Грузии и Приднестровья) выступила на заседании ОБСЕ от лица ГУАМ. В ответ Россия применила против Молдовы ряд экономических санкций, запретив ввоз в свою страну молдавского вина и растениеводческой продукции. С начала 2006 г. для Молдовы была повышена цена на российский газ до европейского уровня – 150–160 дол. за 1 тыс. куб. м. В Молдове эти действия воспринялись как экономическое давление с целью заставить молдавское руководство отказаться от идеи евроинтеграции и решать приднестровскую проблему в соответствии с российскими интересами. В июле правительство страны утвердило *Индивидуальный план действий Партнерства (IPAP) Республика Молдова – НАТО*. Но в то же время парламент отклоняет предложение оппозиционных партий о выходе из СНГ, Молдова отказывается поддержать Грузию в конфликте с Россией, а Владимир Воронин настойчиво добивается встречи с Владимиром Путиным. На встрече в Москве в августе 2006 г. президенты договорились о возобновлении работы российско-молдавской правительственной комиссии, которая займется вопросами торгово-экономического сотрудничества двух государств. После их встречи 28 ноября 2006 г. Россия объявила о снятии запрета на ввоз молдавских вин. В ответ на заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Брюсселе Молдова воздержалась от открытых нападок на Российскую Федерацию (sic!).

Как видим, роль Республики Молдова в ГУАМ определяется политическими взглядами правящей элиты. Но какими бы эти взгляды ни были, всегда следует помнить, что в перспективе ГУАМ может стать значимой субрегиональной организацией на постсоветском пространстве. Республика Молдова в качестве ее равноправного члена должна проявлять себя более активно, чтобы достигнуть своих целей, главными из которых являются сохранение территориальной целостности и интеграция в Европейский союз. Выполнение этих важнейших задач зависит от уровня политического мышления и готовности к изменению своих взглядов властных элит Молдовы.

Республика Молдова и Европейский союз

Европейский вектор присутствовал во внешней политике Республики Молдова с 1991 г. (с первого года своей независимости). Это подтверждают политические шаги, предпринятые новым государством в 90-е гг., а именно:

- в 1991 г. Молдова устанавливает контакты с Евросоюзом и получает значительную техническую помощь в сумме 1,1 млн дол.;
- в 1992 г. Молдова вступает в ОБСЕ (и в ООН), становится полноправным членом Европейского банка развития и всех структур Всемирного банка;
- в 1994 г. между Молдовой и ЕС было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, вступающее в действие в 1998 г.;
- в 1995 г. Молдова вступает в Совет Европы;
- в 1999 г. Молдова разрабатывает *Стратегию для вступления в Европейский союз* и т.д.

Все вышеуказанные события впечатляют, и их можно включить в список достигнутых Молдовой успехов. Однако проблема состояла в том, что Молдова ограничивалась лишь подписанием договоров и получала статус члена различных организаций, не прилагая никаких усилий для реализации взятых на себя обязательств. Но даже когда кишиневское правительство пыталось реализовать некоторые проекты, как, например, административно-территориальную реформу или реформу юридической системы, Брюссель и все остальные западные партнеры оценили их результаты отрицательно. Одним словом, отношения между Молдовой и Евросоюзом в 90-е гг. прошлого столетия (и даже в первые годы нынешнего) сводились к тому, что Молдова довольствовалась проевропейской риторикой, а Евросоюз, в ответ на безразличие к интеграции, предпочитал не предпринимать никаких конкретных действий. В результате не были разработаны планы совместных проектов и реальные перспективные стратегии. Впрочем, стороны даже почти не общались между собой.

С приходом к власти в феврале 2001 г. коммунистов президент Владимир Воронин регулярно афишировал свою привязанность к идее вступления Молдовы в ЕС. Но все его намерения продолжали оставаться на декларативном уровне. Однако под давлением общественности и западных посольств в Кишиневе коммунистическая власть оказалась вынужденной предпринимать некоторые конкретные шаги по сближению с Европейским союзом²⁷ в соответствии со своими официальными декларациями. Так, в 2001 г. Молдова присоединилась к Пакту стабильности для Юго-Восточной Европы, а в ноябре 2002 г. была создана национальная Комиссия по европейской интеграции. Начиная с 2003 г. кишиневские власти объявляют европейскую интеграцию приоритетной национальной стратегией²⁸ и утверждают, что Молдова находится на пути в Европейский союз. В 2003 г. был создан Департамент по европейской интеграции при Министерстве иностранных дел. Тогда же была разработана *Концепция европейской интеграции Молдовы* с целью закрепле-

ния приоритетов во внешней политике государства. А в 2005 г. был утвержден *План действий Република Молдова – Европейский союз*, рассчитанный на три года и призванный изменить в лучшую сторону отношения между двумя партнерами.

Принимая во внимание все меры, предпринятые Кишиневом в последнее время, складывается мнение, что молдавская политика начала носить выраженный проевропейский характер. Участие государства в процессах европейской интеграции отнесено к разряду первоочередных²⁹, и, возможно, это свидетельство тому, что правящая элита страны убедилась в необходимости более тесного сотрудничества с Западом.

Путь Молдовы в Европу, которая находится в зоне конфликта интересов Запада и России, по объективным причинам пролегает через Румынию. Однако отношения между двумя румынскими государствами не были в достаточной мере дружественными на протяжении всего периода независимости Републики Молдова. В основе дипломатического конфликта между ними лежит враждебная политика властей Кишинева по отношению к Бухаресту, поскольку руководство Молдовы интерпретировало всякую помощь со стороны Румынии как экспансионизм и вмешательство во внутренние дела страны. Но период с февраля 2005 по июль 2006 г. был отмечен восстановлением конструктивного и многообещающего диалога между двумя берегами Прута – последнее позитивно отразилось и на отношениях Молдовы со странами Запада. Достигнутые Румынией успехи, а именно эффективные социальные реформы, создание функциональной экономики, демократизация общества, вступление в НАТО и близкая перспектива членства в Европейском союзе, позволили стране представлять себя «адвокатом Републики Молдовы» в европейских столицах. По обоюдному согласию сторон будущее отношений Молдовы с Румынией должно решиться, когда они обе окажутся в составе объединенной Европы. Следовательно, Републике Молдова необходимо как можно быстрее вступить в Европейский союз и, что более важно, найти себя в этом сообществе. К сожалению, в последнее время политическая элита Кишинева вновь вступила на тропу конфронтации с Румынией.

Сегодня отношения Молдовы с Евросоюзом регламентируются посредством политики добрососедства. **Европейская политика добрососедства** (или инициатива *Новые соседи*, как она называлась изначально) была объявлена в 2003 г. Эта политика касается не только реальных соседей Евросоюза, но и будущих, то есть тех, кто ими станет после следующего расширения. Политика добрососедства поможет Молдове «укрепить отношения с Евросоюзом на основе долгосрочного подхода, продвигающего реформы, устойчивое развитие и торговлю...». Евросоюз обязуется помочь Молдове в разрешении ее проблем³⁰, а именно участвовать в регламентации приднестровского вопроса, в пост-конфликтной реконструкции страны и обеспечении национальной безопасности. Ведь главной целью политики добрососедства

является продвижение стабильности и процветание как внутри, так и за пределами Европейского союза³¹.

В связи с тем что границы Европейского союза достигли р. Прут, возникает вопрос: будет ли эта граница линией раздела пространства, к которому Молдова принадлежит традиционно, или линией посредничества?³² В этом контексте следует отметить, что политика добрососедства не предусматривает вступление новых соседей в Евросоюз (хотя и не исключает эту возможность), а лишь углубление взаимоотношений через *план совместных действий* (в данном случае – между Евросоюзом и Молдовой). Перспективы этих отношений зависят, в первую очередь, от успехов экономических реформ, проведенных в Молдове. Стабильность экономического роста, урегулирование приднестровского вопроса, демократизация общества и компетентность кишиневских властей являются ключевыми условиями для будущего членства Молдовы в Европейском союзе³³.

Но прежде всего важно то, что Молдова определилась в приоритетности отношений, и сегодня можно говорить о стабильной направленности политического мышления в сторону европейского сотрудничества³⁴. Европейская интеграция составляет, по крайней мере декларативно, главную стратегическую задачу Молдовы³⁵.

Европейский вектор внешней политики Молдовы поддерживает и население республики, для которой евроинтеграция представляется как доступ к более высокому уровню жизни, благополучию и уверенности в будущем. В таких условиях, когда взгляды и убеждения политической власти совпадают со взглядами и убеждениями общества, нет сомнений, что движение Молдовы к европейской интеграции и возможно, и необходимо. Следует только решиться на конкретные действия, чтобы изменить политический облик власти и одновременно имидж страны. Молдове во внешней политике необходимо раз и навсегда избавиться от образа Януса Бифронса – символа нерешительности, двойного лица, направленного в прошлое и в будущее, на Запад и на Восток одновременно. С ним часто ассоциировали Молдову, и он действительно был свойственен Пруто-Днестровскому пространству почти во все времена.

В 2005 г. с помощью проевропейской риторики и подписания *Плана действий Европейский союз – Молдова* молдавский политический класс решил для себя конъюнктурную задачу – удержать власть. Но реализация этого *Плана* на деле может подорвать господствующую политическую элиту, а потому вызывает сомнения искренность предложенных ею внешнеполитических проектов.

Заклучение

В современном мире экономическая и информационная глобализация ведет к кардинальному изменению всех без исключения привычных институтов социального существования, прежде всего – к переосмыслению функций, роли и статуса государства и национальных политических элит. Сегодня внешняя политика соотносится не с количеством Вооруженных сил или с процентом роста ВВП, а с моральными и волевыми качествами политической элиты.

В период существования независимой Молдовы мы были свидетелями как успехов, так и неудач во внешней политике. Принимая во внимание, что внешняя политика Молдовы (как и современная внешняя политика вообще) осуществляется элитой, можно констатировать, что ее успехи зависят именно от компетентности и уровня политического сознания господствующей элиты. В соответствии со своей идентичностью и политическим опытом молдавская политэлита не смогла или не захотела сформулировать себе четкие цели и задачи, предпочитая балансировать между Западом и Востоком (спрятавшись за эвфемизмом «многовекторности»). Данное обстоятельство привело к тому, что «большие» игроки мировой политики постепенно утратили интерес к Молдове. В этом контексте можно ожидать, что стратегия западных стран по отношению к Молдове и дальше будет сводиться к максимуму влияния при минимуме поддержки.

Из этой предпосылки следует и дилемма реальных политических и экономических стратегий западных держав: стоит ли вкладывать в Молдову огромные ресурсы и финансы в обмен на стратегическую лояльность и возможность использовать в антироссийских геополитических комбинациях или отказаться от не оправдывающих себя инвестиций, смирившись с ослаблением своего влияния в регионе и даже с возможным усилением здесь позиций России.

Примечания

- ¹ Teoria elitelor // Dunleavy Partick, O'Leary Drendan. Teoriile statului. Politica democrației liberale, Chișinău, 2002. P. 130; Коновалов И. Политология для юристов. М., 1999. С. 253–255; Dobek-Ostrowska Bogusława. Elity politiczne // Studia z teorii polityki. T. II. Wrocław, 1998. P. 135.
- ² В данной статье к постсоветскому пространству относятся государства-члены СНГ.
- ³ Исследователи называют их этнической «символьной элитой» (Мухаметшина Н. Этническая «символьная элита»: некоторые подходы к исследованию // <http://www.auditorium.ru/books/212/index.html>).
- ⁴ Burton Michael, Gunther Richard, Higley Jhon. Transformarea elitelor și regimurilor democratice // Polis. № 4. 1995.
- ⁵ Мынзэрарь Думитру. СНГ – живые и мертвые // <http://www.azi.md/investigation?ID=42366>
- ⁶ Varzari P. Introducere în elitologie. Chișinău, 2003. P. 136–137.

- 7 Moldova pe calea democrației și stabilității. Din spațiul post-sovietic în lumea valorilor democratice. Chișinău, 2005. P. 246.
- 8 Margarint Ana. Vasile Cujbă, Tendințele de dezvoltare a elitei politice di Republica Moldova și creșterea capacității ei de funcționare // *Moldoscopie*. Chișinău, 2004. № 1 (XXV). P. 50–62.
- 9 Margarint Ana. Etapele evoluției politice post-totalitare din Republica Moldova // *Moldoscopie*. Chișinău, 2004. № 1 (XXV). P. 41–49; Solomon Constantin. Aspecte ale vieții politice în Republica Moldova (1989–2002). Chișinău, 2002. P. 213–227.
- 10 Cojocaru Gheorghe. Tranzacție între elite: remodelarea conduitei politice // *Arena Politicii*. An. II. № 6 (18). 1998. P. 16.
- 11 Фурман Д. О будущем постсоветского пространства // *Свободная мысль*. 1996. № 6. С. 47.
- 12 Бурдельный Е., Шубина С. Постсоветское пространство во внешней политике Республики Молдова: реалии и перспективы // *Moldoscopie*. № 2 (XXVI). Chișinău, 2004. С. 163.
- 13 Chirtoacă Nicolae. Moldova-CSI: posibilități ratate și așteptări nejustificate // *Moldova între Est și Vest: identitatea națională și orientarea europeană*. Chișinău, 2001. P. 37.
- 14 Рынки стран СНГ для Молдовы остаются стратегическими // *Независимая Молдова*. 2003. 22 января.
- 15 В новый год без СНГ? // *Экономическое обозрение*. 30 декабря. 2004 г. С. 8.
- 16 Voronin VI. Integrarea în structurile europene nu necesită din CSI // *Moldova Suverană*. 16 septembrie. 2004.
- 17 Скворцова А. Республика Молдова и Европейский Союз – возможна ли взаимность? // *Moldova între Est și Vest: identitatea națională și orientarea europeană*. Chișinău, 2001. P. 190.
- 18 Cojocaru Gh. Politica externă a Republicii Moldova. Chișinău, 2001. P. 56, 79.
- 19 Бурдельный Е., Шубина С. Постсоветское пространство во внешней политике Республики Молдова: реалии и перспективы // *Moldoscopie*. № 2 (XXVI). Chișinău, 2004. P. 167.
- 20 Гужон А. Новые соседи Европейского союза. Политические и идентифицирующие стратегии в Украине, Беларуси и Молдове // *Перекрестки*. №1-2. 2005. С. 215.
- 21 Воџан Igor. Perspectivele dezvoltării CSI // *Democrația*. 22 octombrie 2002.
- 22 В 2005 г. Узбекистан вышел из ГУАМ.
- 23 Republica Moldova și-a definit vectorii politicii externe // *Moldova Suverană*. 18 mai. 2005.
- 24 <http://www.contrafort.md/2002/87-89/27/html>
- 25 <http://www.e-democracy.md/comments/politica/2005.04.19>
- 26 *Moldova Suverană*. 23 aprilie. 2005.
- 27 Gorda Ș. Diplomația Republicii Moldova între conjunctură și interesulnațional // *Democrația*. 17 decembrie. 2002.
- 28 Discursul D-lui Voronin, președintele Republicii Moldova la Conferința de la Atena // *Moldova Suverană*. 18 aprilie 2003.
- 29 Гудым А. Республика Молдова и Европейский Союз как партнеры. Кишинев, 2002. С. 20.
- 30 Verheugen Gunter. Europa Lărgită – Inițiativa cu privire la Vecinătatea Europeană: o oportunitate de cooperare de-a lungul hotarelor Uniunii, 5 decembrie, 2003 // *Democrația*. 9 decembrie. 2003.

- ³¹ Communication from the Commission to the Council and the European Parliament: Wider Europe-Neighborhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbors. Brussels. 11 March. 2003. COM (2003) 104 final. http://www.europa.eu.int/comm/external-relations/we/doc/com03_104_en.pdf
- ³² Moldova a multi-layered Europe. Kiev, 2003. P. 7–8.
- ³³ Ермолович А., Бурдельный Е. Расширенная Европа – Соседство: разные страны, общие интересы (Сравнительный анализ Европейского вектора внешней политики Республики Беларусь и Республики Молдова) // *Moldoscopie*. Chişinău, 2004. XXIV. С. 138–150.
- ³⁴ Стеркул Н. К вопросу становления нового политического мышления в Республике Молдова // *Moldoscopie*. Chişinău, 2004. С. 156–162.
- ³⁵ Moldova in a multi-layered Europe. P. 5.

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ НА ПОГРАНИЧЬЕ (Львов как центр формирования украинской национальной историографии)

Феномен Восточной Галиции как многонационального пограничья давно стал излюбленной темой ряда европейских историографий, прежде всего польской и украинской. Ученые исследовали специфику формирования этнической структуры региона, культурное взаимовлияние населяющих его народностей, особенности социального и политического развития, проследили генезис многочисленных конфликтных ситуаций и попыток их урегулирования. В центре внимания традиционно доминирует длительное польско-украинское противостояние в регионе, которое охватило все сферы жизни на протяжении XIX – первой половины XX в. Но в последнее время все более популярной выявляется проблема «третьей» этнической составляющей региона, а именно еврейской общины, которая становилась активным игроком на общественно-политическом поле Восточной Галиции в обозначенный нами период. Эти проблемы практически маргинализировали другие исследовательские сюжеты, на один из которых мы хотим обратить внимание в настоящей публикации. По нашему убеждению, достаточно интересно взглянуть на такой феномен Галиции с точки зрения функционирования профессиональных интеллектуальных сообществ, в частности исторического. Для нас представляется важным проследить, каким образом факторы пограничья как пространства особого цивилизационного, политического, экономического и культурного взаимодействия влияли на направления и интенсивность модернизационных изменений в украинской исторической идеологии и науке конца XIX – начала XX в. Ведь именно земли Восточной Галиции в это время становятся центром развития украинской гуманитарной науки. Для большей корректности нашего историографического ана-

лиза будем постоянно держать в поле внимания состояние исторической науки в приднепровской Украине, представители которой заложили серьезный фундамент для институционального и концептуального формирования украинской истории в течение всего XIX в. (в первую очередь, это М. Максимович, М. Костомаров, В. Антонович). Предложенный аспект научного поиска позволит также существенно дополнить традиционные для современных исследователей проблемы изучения восточно-галицкой проблематики. Например, популярные исследования польского и украинского национальных движений в Галиции во второй половине XIX – начале XX в. обычно акцентированы на идеологической и политологической составляющих. Избранный нами ракурс позволяет не только реконструировать историко-концептуальные основания идеологических моделей украинского и польского национального движения, но и, что не менее интересно, проследить роль историков в процессах активного нациостроительства. Так, обратив внимание на полученное образование и профессиональную заинтересованность галицких политиков второй половины XIX – начала XX в., как польских, так и украинских, мы выявили, что большинство из них были профессиональными историками. За исходный пункт нашего историографического анализа мы избрали процессы структурирования украинского научного сообщества в Восточной Галиции конца XIX – начала XX в.

Сначала очертим событийный контекст нашей проблемы. Восточная Галиция во второй половине XIX в. представляла собой экономически отсталую автономную провинцию Австро-Венгерской империи, в которой малочисленные представители украинской интеллигенции (преимущественно греко-католическое духовенство) вели перманентную борьбу с польским доминированием, поддерживаемым из Вены. Постоянная вражда поляков и украинцев в крае вредила нормальному развитию обоих народов, мешая реализовывать актуальные национальные задания. Это ставило на повестку дня необходимость польско-украинского примирения, несколько неудачных попыток которого были проведены в течение второй половины XIX в. Переломное значение для развития галицкого украинства и украинско-польских отношений в Галиции в конце XIX в. имели события «новой эры». В условиях обострения международных отношений между Австро-Венгрией и Россией в 80-х гг. XIX в. Вена всячески содействовала укреплению народнического крыла украинского политикума в Галиции, которое стояло на антироссийских позициях. По инициативе киевских общественных деятелей в 1885–1890 гг. была достигнута договоренность с польскими консерваторами о начале «новой эры» в украинско-польских отношениях, согласно которой поляки соглашались дать определенное пространство для культурного развития украинцев Галиции, расширения их участия в политической жизни (с целью противодействия симпатизирующих России москвофилам)¹. Следствием соглашения, планы которого разрабатывались в Киеве, а не во Львове, была стремительная активизация украинской культурной и политической жизни, повлекшая формирование кадров современной украинской интеллигенции, которая поставила вопрос о равноправии украинцев и поляков в Галиции. Чрезвычайно

важными были последствия «новой эры» и для развития украинской исторической науки. Основанная во Львовском университете кафедра украинской истории (официально называлась кафедрой всемирной истории с обзором истории восточного славянства) с украинским языком преподавания, вывела украинскую историю из любительской сферы в академическую. Это придало украиноведческим исследованиям дисциплинарный статус. А организационный и научный талант занявшего эту кафедру М. Грушевского способствовал превращению Львова в украинский Пьемонт. Заметим, что роль М. Грушевского в интеллектуальной истории Галицкой Украины исследуемого периода была знаковой. М. Грушевский, известный в первую очередь своими научными достижениями (и сторонний относительно галицких политических конфликтов), оказался той фигурой, вокруг которой смогли объединиться все украинские интеллектуалы в реализации национального проекта. Исследователи единодушны в признании украинской национальной жизни в Галиции конца XIX – начала XX в. как «эпохи Грушевского».

В начале 90-х гг. XIX в. распространенный в российской Украине образ Галиции как национального лидера был в значительной мере преувеличен. Украинцы на галицких землях оказались расколотыми политически – на лагерь пророссийски ориентированных москвофилов и народников, которым близки были лозунги украинского национального возрождения. Наиболее заметная галицкая научная институция – Научное общество имени Шевченко (далее – НОШ) – оказалась чрезвычайно слабой организационно и научно; к тому же в нее, из-за господства народников, был закрыт доступ приверженцам других политических ориентаций. Именно на реорганизацию этой «твердыни народничества» обратили первоочередное внимание украинские интеллектуалы во второй половине 90-х гг. XIX в. Заметим, что обсуждая модель перестройки НОШ, большинство украинских деятелей апеллировало к близкому польскому опыту, который был реализован в другом культурном центре Галиции – Кракове, где путем реорганизации организационных структур Краковского научного общества была образована Академия знаний (на языке оригинала – *Akademia Umiejętności*). Адаптация этого готового образца облегчалась тем, что многие украинские ученые были членами или членами-корреспондентами польской Академии и принимали активное участие в ее работе – назовем хотя бы Антония Петрушевича, Исидора Шараневича и Михайла Грушевского². Как и польские коллеги, украинские ученые начали реорганизационную деятельность с изменения устава НОШ, приближая его к академическим образцам. Согласно новому уставу, деятельность НОШ сосредоточивалась в трех секциях: филологической, историко-философской и математически-естественнонаучно-медицинской. Следующей была проблема деидеологизации. Именно она вызвала больше всего дискуссий среди украинских интеллектуалов Галиции и привела к серьезному кризису в НОШ, в результате чего у руля институции в 1897 г. оказался М. Грушевский. Он и провозгласил основным критерием НОШ проведение плодотворного и качественного научно-исследовательского поиска. Наиболее ярко эти установки проявились в случае

с привлечением к работе Ивана Франко. Последний, без сомнения самый выдающийся в то время украинский гуманитарий, длительное время оставался вне сферы деятельности этой институции лишь потому, что принадлежал к иному политическому крылу галицкого политикума. Время доказало, что выбор М. Грушевского на пост председателя НОШ вполне оправдал себя. Невзирая на давление со стороны различных политических сил, курс на приоритет науки ученый будет неуклонно проводить на протяжении всех семнадцати лет своего председательства.

Возглавив НОШ, М. Грушевский в первую очередь взялся за организацию научной работы «в реформированном, но совсем еще не выведенном на научную дорожку Научном обществе им. Шевченко»³. Его видение идей и целей деятельности находим в статьях и выступлениях на собраниях НОШ. В первую очередь, это была идея украинской национально-культурной самостоятельности, воплощенная в науке и литературе на украинском языке. Вторая – идея соборности украинских земель и признания того, что Украина, разделенная между двумя империями, есть, по существу, единой, как единым есть украинский народ, а между Киевом и Львовом лежит не национально-этническая, а лишь территориально-географическая граница. Одной из форм объединения украинцев должна была стать национальная история, осмыслить и переосмыслить которую стремился и сам М. Грушевский⁴. Исходя из этого, он стремился добиваться «как можно более тесных связей между Украиной австрийской и российской в интересах успешного развития украинской культурной жизни силами всех частей украинской земли...»⁵. Наконец, третья идея, которую закладывал ученый в основу НОШ – это идея украинского демократического просвещения через возрождение и развитие науки и культуры как главной предпосылки национального освобождения. По глубокому убеждению ученого, основная задача заключалась в осознании того, что «научная работа лежит в основе культурного продвижения и без сильной культурной основы невозможны никакие прочные политические или национальные достижения, никакое основательное и поступательное продвижение народа вперед».

М. Грушевский поставил себе целью, опираясь на широкие круги общественности Галиции и приднепровской Украины, добиться постепенного превращения НОШ в Украинскую академию наук, что, в свою очередь, утвердило бы культурное равноправие украинцев с другими европейскими народами. Начиная с 60-х гг. XIX в. различные славянские народы, которые не имели государственности, учреждают свои национальные академии. Так, в 1866 г. утверждается Югославянская академия наук и искусств. В 1871 г. было преобразовано в Академию наук Краковское научное общество. В 1886 г. на основании Сербского научного общества создается Сербская академия наук, а в 1889 г. Чешское научное общество реорганизуется в Чешскую академию наук и искусств. Эти примеры славянских народов Австро-Венгерской империи вдохновляли М. Грушевского и других деятелей украинского национального движения. Сам факт существования такой Академии, по справедливому убеждению М. Грушевского, «дал бы окончательное право украинскому языку, как языку

культурному, способному к научному употреблению»⁶. Задача превращения НОШ в Украинскую академию наук стала объединительной идеей для разрозненных украинских научных сил, символом борьбы за освобождение украинцев от векового порабощения. Через много лет, будучи академиком Украинской академии наук, М. Грушевский вспоминал: «План реорганизации Общества был создан по образцу академии, а инициаторы этой реформы считали, что через несколько лет научно-исследовательской и научно-издательской деятельности этого реформированного Общества, австрийское правительство не откажет ему в титуле Академии Наук. Эти надежды скоро развеялись, но идея украинской академии наук укоренилась в национально-культурных научных кругах и нашла множество адептов, свободных от всякого политиканства – она сделалась настоящим национальным постулатом»⁷.

Задачи НОШ в направлении переориентации его работы на академические коны ученым изложил в записке к общему собранию этой институции в 1898 г. В ней, в частности, говорилось, что НОШ должно стать «центром научной работы на родном языке... собрать вокруг себя широкий круг научных работников, верных народным интересам, организовать научную работу и через нее воспитывать новых работников, новые научные кадры»⁸. Чтобы реализовать эти задачи, на общем собрании в феврале 1898 г. был принят новый Устав, утвержденный Галицким наместничеством в апреле того же года. Оценивая реформу в отчете о деятельности НОШ, М. Грушевский обратил особенное внимание на то, что «ее главной чертой было углубление научного характера деятельности... через изменение всей организации общества»⁹. М. Грушевский инициировал введение с 1899 г. института выборных действительных членов как элитной научной структуры. О большом международном авторитете НОШ свидетельствует участие его членов в разнообразных международных форумах, обмен изданиями с многочисленными научными учреждениями и издательствами мира. Широкие связи НОШ с международным научным сообществом подтверждал состав его иностранных членов, в числе которых были А. Эйнштейн, М. Планк, Д. Гильберт, А. Иоффе, Т. Масарик, А. Шахматов и многие другие известные ученые.

С приездом во Львов М. Грушевский особенное внимание обратил на научные издания, в первую очередь на «Записки НОШ», редактирование которых полностью переходит к нему в 1895 г. Здесь интересно отметить влияние польской научной периодики Львова на формирование структуры украинских исторических изданий. Так, в одном из писем М. Грушевского к И. Крипьякевичу читаем: «Редакция решила, кроме отдела критики и ежегодных отчетов, давать библиографический реестр – подобно как в “Kwartalniku Historycznym” – книг, статей и рецензий из следующих отраслей: археологии, истории материальной культуры, искусства»¹⁰. В течение короткого времени М. Грушевский реформировал журнал из ежегодника в ежеквартальник, а впоследствии – в двухмесячник. Были увеличены также объем и тираж издания. С 1897 г. «Записки» становятся печатным органом не всех трех секций НОШ, а лишь историко-философской и филологической. М. Грушевский из-

меняет также (согласно классическим европейским образцам) структуру «Записок», которая включала научные статьи, miscellanea (мелкие источниковедческие публикации), документальные материалы и рецензионный отдел. Вскоре «Записки» превращаются в самый авторитетный украиноведческий орган, где сам М. Грушевский был наиболее активным автором и одновременно талантливым редактором. Среди авторов реформированного издания встречаем Ивана Франко, Владимира Гнатюка, Александра Кониского, Кирилла Студинского, Василия Щурата, Александра Колессу, Вячеслава Липинского, Владимира Шухевича, Федора Вовка и других выдающихся украинских гуманитариев. К середине 1913 г. под редакцией М. Грушевского вышло свыше 100 томов «Записок».

Важной задачей, стоявшей перед украинской исторической наукой в конце XIX в., было создание жизнеспособного национального исторического гранд-нарратива, который можно было бы противопоставить историческим концепциям польских и российских ученых. Последние в своих работах разрабатывали модели «большой российской» или «большой польской» нации, «растворяя» историю украинцев в собственных синтезах. Это задачу можно было осуществить лишь при условии перевода научных занятий на профессиональную основу и превращения украиноведения из любительского поиска в организованный коллективный процесс. Поэтому со всей остротой встала проблема формирования национальной исторической школы. М. Грушевский тоже взялся за решение этой неотложной задачи. Его надежды в этом плане на Львовский университет оказались напрасными – препятствовала шовинистическая часть польской профессуры. Университетская власть, принадлежавшая полякам, контролировала лекции М. Грушевского, чтобы он на своих занятиях не занимался политической агитацией молодежи. Так, еще в 1895 г. декан исторического факультета К. Войцеховски, посетив семинары М. Грушевского, назвал его научные аргументы о ключевых моментах украинской истории «политическими»¹¹. М. Грушевскому, который принципиально выступал на заседаниях факультета на украинском языке (в университете формально равноправными были два так называемых краевых языка – украинский и польский), иногда даже запрещали говорить «по-мужицки». Он в таких случаях оставлял заседания со скандалом, как это случилось, например, в 1901 г.¹² Учитывая эти обстоятельства, основная работа по воспитанию новых кадров была перенесена на заседания Историко-философской секции НОШ¹³.

До М. Грушевского в Галиции никто специально не занимался подготовкой научных кадров среди национальных историков. Он первым обратил внимание на эту важную проблему, создав собственную научную школу, деятельность которой охватывала следующие направления: образовательное (подготовка историков-профессионалов), научно-исследовательское (разработка широкого круга проблем истории Украины), археографическое (проведение экспедиций, поиск новых источников) и издательское (распространение научных достижений через периодические и специальные печатные издания). Профессорская должность позволяла

М. Грушевскому подбирать себе учеников из наиболее способных к научной работе студентов, что было одним из необходимых условий создания исторической школы. Они (Ем. Терлецкий, Д. Коренец, М. Кордуба, С. Томашевский, С. Рудницкий, О. Целевич, В. Герасимчук, И. Джиджора, И. Кривецкий, И. Крипьякевич и др.) и составили ядро его школы¹⁴. Общее количество представителей Львовской исторической школы М. Грушевского, по подсчетам И. Крипьякевича, достигало сотни человек¹⁵. В отборе творческой и талантливой молодежи и создании необходимых условий ее быстрого научного становления сказалась характерная черта М. Грушевского как выдающегося организатора науки¹⁶. В целом можно утверждать, что благодаря разнообразным направлениям деятельности исторической школы М. Грушевского в национально-культурной полифонии Львова в конце XIX – начала XX вв. ощутимым был голос украинцев.

Быстрое научное становление представителей Львовской школы М. Грушевского, высокий профессиональный уровень их работ создали целостный синтез украинского прошлого, который теперь можно было противопоставить историческому экспансионизму польских и российских ученых. Направляя научный поиск своих учеников таким образом, чтобы их исследования представляли монографическую обработку малоизученных ключевых моментов украинского прошлого, М. Грушевский концентрировал все усилия на создании национального гранд-нарратива. Как отмечал ученый в своей «Автобиографии»: «Написание целостной истории Украины еще в киевские времена стало моей задушевной мечтой, в известной степени вопросом чести своей и своего поколения, невзирая на то, что и самые видные репрезентанты украинской историографии старшей генерации тогда еще считали это идеей, для которой не наступило время, – не хватает материала, остаются огромные пробелы и т.д.»¹⁷. Важным подготовительным этапом был курс лекций, прочитанный им в 1890-х годах во Львове. Сначала Грушевский намеревался издать сравнительно небольшое трехтомное исследование. Но в процессе проработки материала его труд разрастался и в конечном результате представил собой незаконченный десяти томник (автор хотел довести изложение до конца XVIII ст., но успел подготовить материалы лишь до 1658 г.).

Работа над первым томом продолжалась два года – он вышел из печати в конце 1898 г. Выход первого тома совпал с грандиозным празднованием столетия украинского национального возрождения, которое исчислялось от публикации «Энеиды» Ивана Котляревского, ставшей, как писал в предисловии к книге М. Грушевский, для него своеобразным личным приветом¹⁸. В конце XIX – начале XX в. увидели свет и следующие тома этого издания. Некоторая задержка отдельных книг была вызвана разного рода обстоятельствами – политическими событиями, чтением лекций, отъездом за границу и т.д. М. Грушевский продолжал работать над «Историей» и по возвращении из эмиграции на Украину. В 1928 и 1931 гг. в Киеве появились две части девятого тома книги. Десятый том был напечатан в 1936 г. уже после смерти ученого. Отдельные тома «Истории Украины-Руси» неоднократно переиздавались при жизни

автора (первый том – трижды, второй, третий, четвертый и восьмой – дважды). С целью популяризации основных идей своей историографической концепции в европейских научных кругах, М. Грушевский в 1906 г. опубликовал немецкоязычное издание первого тома, а начиная с 1911 г. несколько томов «Истории» появились в русском переводе.

Наиболее важным моментом концепции М. Грушевского была идея о непрерывном становлении украинской нации. Многие российские историки того времени традиционно считали, что татарское нашествие привело к опустошению Приднепровья и к эмиграции его коренного населения на северо-восток. Предшественники М. Грушевского (киевские историки М. Максимович, В. Антонович и М. Владимирский-Буданов) своими исследованиями доказали, что запустение не было тотальным – большая часть населения осталась, продолжая развивать древнерусские культурные и общественно-политические традиции. М. Грушевский, присоединяясь к этому взгляду, подчеркивал, что главная роль в заселении Приднепровья и возобновлении политических традиций принадлежала «не пришлому, а местному населению, которое никогда не исчезало»¹⁹.

Другим не менее важным моментом исторической модели М. Грушевского была соборность, утверждение целостности географического ареала проживания украинского этноса. В связи с этим ученый много места уделяет освещению истории тех украинских территорий, которые находились в стороне от главных, в историческом и этническом понимании, земель.

Необходимость оппонировать польскому и российскому видению украинского прошлого привела к тому, что М. Грушевский значительное место в «Истории Украины-Руси» отвел анализу польско-украинских и российско-украинских отношений, исследованиям межнационального противостояния на украинских землях, размышлениям над генезисом этнических конфликтов и путях их преодоления. Особенно остро он полемизировал с польскими коллегами. Привлекая значительное количество нового документального материала, М. Грушевский показывает широкую картину постепенного экономического закабаления автохтонного населения украинских земель польской шляхтой, разрушения традиционных культурных и религиозных основ народной жизни под прессом ассимиляционной политики с середины XIII в. и до начала «хмельниччины». Авторское видение проблемы польско-украинских отношений вызывало острые полемические замечания со стороны польских исследователей, особенно относительно тех историографических конструкций, которые были сформулированы с позиции украинской национальной идеологии. Однако наибольшим недостатком «Истории Украины-Руси» для критиков М. Грушевского была попытка заострения украинско-польского противостояния во всех возможных измерениях общественной жизни. Для глубокого национального конфликта, убеждали они, тогда не было никаких весомых оснований. А поэтому выводы украинского ученого не только безосновательны, но и излишне политизированы, вызваны напряжением в отношениях двух народов в начале

XX в. Именно эти обстоятельства, как отмечал, например, Л. Колянковский, привели к тому, что «неимоверно трудолюбивый, просто неутомимый исследователь, в своей работе, которая имеет все черты научного произведения, дает отступления и целые разделы, которые подобают лишь публицисту. К этой категории следует отнести постоянно задеваемые им струны польско-украинской ненависти, так что даже временами складывается впечатление, будто она и есть целью автора»²⁰. Однако общее впечатление от труда М. Грушевского и оценка его профессионального мастерства были чрезвычайно высокими. «Труд г. Грушевского, – отмечал О.Брикнер, – является славным свидетельством учености и универсальности автора. Он вполне овладел огромной литературой предмета – археологической, исторической, филологической, в первую очередь, российской, перед этим для Европы семью печатями закрытой; просто удивляет нас начитанностью, знанием наиболее специальных, мелких, нередко забытых трудов российских и немецких ученых. С этой сказочной начитанностью идет в паре скорость мысли, самобытность суждений, совершенный метод – все это мерой вполне необычной»²¹. Поэтому теперь наиболее принципиальные дискуссии всех национальных школ Украины происходили вокруг тех проблемных линий, по которым М. Грушевский начал отделение украинской истории от «обычных схем» соседей, творя национальный гранд-нарратив.

В наиболее концентрированном виде концепция М. Грушевского была изложена в широко известной статье «Обычная схема “русской” истории и задача рационального изложения истории Восточного Славянства» (1904), которую он подготовил в связи с намерениями Академии наук в Петербурге издать энциклопедию славяноведения²². Основная идея статьи сфокусирована в тезисе о том, что украинский, российский и белорусский народы имеют свою отдельную историю, которая разворачивалась на их собственных территориях. Распространенной в науке «москвоцентричной» схеме он противопоставил «украинско-белорусско-российскую» схему. «Общерусской» истории – утверждал М. Грушевский, – нет и быть не может, как нет «общерусской» народности. Может быть только история «русских народностей», если кому-то хочется ее так называть, или история Восточного Славянства. Она и должна стать на место “русской истории”».

С историографической ценностью концепции М. Грушевского тесно связано ее политическое значение, ведь историк считал главным жизненным заданием не только написать историю Украины, но и исторически доказать право украинского народа на самостоятельное культурное и политическое развитие. Труд М. Грушевского предоставлял серьезные теоретические обоснования для украинского национального движения и легитимизации его требований²³.

Активизация культурной и общественной жизни естественно повлекла за собой модернизацию идеологических основ украинского политического движения. Примечательно, что в авангарде политической жизни также были ученые-гуманитарии, в первую очередь историки. Но теперь традиционному расколу на москвофилов и народников был противопоставлен политический проект, который призывал дис-

танцироваться от польских политических кругов и дрейфа в фарватере польской политики. К украинским деятелям пришло понимание того факта, что политика «новой эры» является ущербной, поскольку требует сдачи базовых национальных позиций в обмен на мелкие уступки польской стороны в экономической или культурной сферах. Это понимание повлекло критику польско-украинского соглашения и привело к переформатированию украинского политического ландшафта в Галиции. Осознав изъяны народнической политики, галицкие общественные деятели – М. Грушевский, И. Франко, Ю. Романчук, Е. Левицкий, В. Охримович – начали реформировать народничество, следствием чего явилось создание в 1899 г. Национально-демократической партии (НДП)²⁴. Примечательно, что программа новой партии отображала качественно иной уровень исторической идеологии и национальных ожиданий, которые были сформулированы в многочисленных научных и публицистических выступлениях М. Грушевского и И. Франко. В ней, в частности, отмечалось: «Мы, Галицкие Русины, часть украинско-русского народа, который когда-то имел свою государственность, веками боролся за государственно-политические права... заявляем, что окончательной нашей целью является культурная, экономическая и политическую самостоятельность объединенного в одно целое национального организма...»²⁵. В программе НДП ближайшим стратегическим заданием в национальной сфере рассматривалось получение территориями Буковины и Галиции, населенными украинцами, статуса автономии. Партия также заявила о поддержке украинцев Приднепровья в их борьбе за конституционное и федеративное переустройство Российской империи. В программу также были включены демократические требования – введение прямого общего и тайного голосования на выборах, установление пропорциональной системы репрезентации национальных меньшинств в органах государственной власти, отмена избирательных округов. «Наш национализм должен быть насквозь демократическим» – утверждала программа, а идеалом провозглашалась Украина-Русь «без мужика и господина»²⁶. Отметим, что НДП, исповедуя названные выше идеологические принципы, сохранила лидерство в украинской политической жизни Галиции вплоть до провозглашения Западно-Украинской Народной Республики.

Реализация программы НДП требовала большого напряжения национальных усилий и значительно заострила и без того непростые польско-украинские взаимоотношения. Например, М. Грушевский отмечал, что в условиях конституционного государства, которым являлась Австро-Венгрия, «Галиция стала пробным камнем для польско-украинских отношений». Система управления Галицией, сложившаяся в XIX в., полностью противоречила национальным интересам украинского населения. Завоевав доверие австрийского правительства, польские правящие круги получили эти земли в свое полное и бесконтрольное управление. На изменение этой ситуации и была направлена украинская политика конца XIX в.

Проиллюстрируем остроту этого противостояния на примере борьбы за украинский университет в Галиции, во главе которой стали НОШ и его председатель.

Примечательно, что украинцы Галиции сначала выдвинули лишь требование увеличения во Львовском университете количества украинских кафедр и расширения в нем прав украинского языка. Однако упрямое сопротивление поляков, их желание видеть Львовский университет исключительно польским заведением, вызывали активное противодействие украинцев, которое вылилось в движения за создание отдельного украинского университета во Львове. Один из главных идеологов этого движения М. Грушевский писал: «Во Львове, столице Галицкой Руси, в центре национальной культурной жизни не только австрийской, а всей Украины-Руси... в первую очередь должна быть удовлетворена потребность украинско-русского народа. Львовский университет принадлежит русинам!»²⁷. «Разумеется, – писал в другом месте М. Грушевский, – пока этого отдельного университета нет, нам необходимо добиваться увеличения количества русских кафедр в Львовском университете»²⁸.

М. Грушевский знакомил украинское общество с аргументами поляков относительно невозможности и ненужности открытия украинского университета и публично выражал свое мнение по этому вопросу. На основе фактического материала он доказывал необоснованность польских аргументов, акцентируя внимание на двух основных моментах: во-первых, Львов является «центром национальной жизни украинского народа Галиции», во-вторых, «число студентов-русинов Львовского университета служит наглядным свидетельством качественного и количественного роста интеллигенции». Университетский вопрос, по определению ученого, стал индикатором польско-украинских отношений в Галиции и «приобрел значение национального вопроса».

К движению за создание своего высшего учебного заведения присоединились украинские студенты всей империи. В июле 1899 г. во Львове было проведено студенческое вече, в котором приняли участие представители украинского студенчества из всех австрийских университетов. С тех пор такие студенческие вечера стали традиционными и происходили ежегодно. М. Грушевский по поводу студенческого вечера 8 октября 1901 г. отмечал, что хотя студенты требовали создания полностью украинского университета, они пока готовы были согласиться с преподаванием предметов на украинском языке на медицинском, юридическом и философском факультетах. Говоря о необходимости введения украинского языка как языка обучения во Львовском университете, М. Грушевский писал: «Пока язык не нашел места в высшей школе, пока он не служит органом преподавания в университетах и других учебных заведениях, пока он не стал орудием научной работы в преподавании и литературе, до тех пор общество, народность, которая разговаривает на этом языке, будет чувствовать себя в положении более “низкой”, культурно неравноправной нации». Ученый справедливо считал, что проблема языка становится вопросом жизни и смерти: “быть или не быть” национальному существованию». Но правительственные круги Галиции не обратили внимания на требования украинских студентов и профессоров. Тогда студенты организовали (1901–1902) акцию, которая известна под названием «сецессия». Львовские студенты-украинцы перешли учиться в другие

университеты. Польское руководство университета видело в М. Грушевском едва ли не самого главного идеолога и организатора этих акций²⁹. Противостояние между поляками и украинцами в стенах Львовского университета настолько заострилось, что, как пишет сам М. Грушевский в дневнике, он определенное время «преподавал с револьвером в кармане»³⁰.

Активно борясь за украинскую высшую школу, члены НОШ подготовили мемориал по учреждению украинского университета во Львове, который специальная делегация представила австрийскому правительству в 1902 г. Однако в силу доминирующего польского влияния все эти меры не имели успеха и были реализованы лишь после Первой мировой войны в виде Украинского тайного университета во Львове³¹. Отсутствие своего университета галицкие интеллектуалы пытались компенсировать путем организации во Львове всеукраинских летних курсов. Так, в 1903 г. по инициативе НОШ были организованы научные лекции по археологии, а в 1904 г. проведены курсы по вопросам украиноведения для молодежи из приднепровской Украины и Галиции. Цель этих курсов была вполне конкретная: «...Дать возможность прослушать лекции на украинско-русском языке по самым важным общественным дисциплинам; провести занятия по предметам, которые не представлены в программах здешних высших школ, но которые очень важны для нашего национального состояния; помочь в подготовке курсов в тех отраслях украиноведения, где их еще нет; создать поле новым научным силам для будущей академической деятельности»³². На этих курсах изучались история украинской литературы и культурного движения в Галиции, история Западной Европы (в связи с Украиной), языкознание, естественные науки, антропология, этнография, этнология. Занятия проводили ведущие украинские гуманитары – Михаил Грушевский, Иван Франко, Владимир Гнатюк, Николай Ганкевич и др.

Наряду с высшей школой не меньше внимания обращалось и на перестройку украинского среднего образования в Восточной Галиции. Украинских интеллектуалов чрезвычайно волновало то убогое состояние, в котором оказалась украинская школа, – в прессе того времени находим яркие описания бесправия украинцев в сфере образования и критику школьных порядков³³. Так, на 1903/04 учебный год в Восточной Галиции было 25 польских школ, четыре украинские и две немецкие. В 1910/11 учебном году во Львовском воеводстве среди 420 государственных школ лишь три были с украинским языком обучения (Львовская, Перемышльская, Коломыйская). Одна польская средняя школа приходилась приблизительно на 30 тыс. польского населения, одна украинская – на 820 тыс. украинского. Следовательно, коренное украинское большинство Восточной Галиции, которое количественно превышало поляков в 4 раза, средних школ с украинским языком имело в 6 раз меньше. Причина, из-за которой поляки оказывали сопротивление образованию украинцев, была понятна: распространение украинской средней школы послужило бы мощным средством культурного подъема.

В этих условиях было решено организовывать частные учебные заведения, к которым польская школьная администрация не имела б доступа. Первым в Галиции об этом заговорил председатель НОШ³⁴. Он бросил клич: «Сами основываем свои собственные частные школы»³⁵. Показывая пример, в 1904 г. М. Грушевский создал на свои средства украинскую учительскую семинарию в Коломые, а впоследствии помогал строительству гимназии в Рогатине. М. Грушевский был убежден, что только таким путем можно создать школу, свободную от галицких школьных властей, привлечь к преподаванию лучших украинских педагогов, обеспечить новое направление воспитания. «Открывая свои частные школы, – писал он, – мы ставим действительно нерукотворный памятник, укрепляем себя как народ, воспитываем собственную интеллигенцию...»³⁶.

Эти идеи выдающегося ученого-историка получили не только широкий резонанс, но и приобрели практическое воплощение. В 1908–1914 гг. в Галиции общими усилиями прогрессивной украинской интеллигенции при активной поддержке общественности была осуществлена широкомасштабная кампания организации полноценных частных учебных заведений различных типов: гимназий, учительских семинарий, начальных школ, что имело большое значение для национального строительства.

Подводя итоги, можно сказать, что поликультурный характер галицкой интеллектуальной среды стимулировал модернизационные процессы во многих сферах духовной и общественно-политической жизни украинцев. Наличие либеральной австрийской конституции, необходимость идентифицировать себя в многонациональной конкурентной среде и противостоять экспансионистским устремлениям польских интеллектуалов – все это способствовало становлению национального организма и вынуждало продуцировать новые формы сопротивления, при этом нередко копируя их у оппонентов. Именно эти факторы, по нашему убеждению, привели к тому, что в конце XIX – начале XX в. центром украинской национальной жизни стала Восточная Галиция.

Безусловно, рассмотренный нами в статье аспект лишь очерчивает задекларированную в заглавии тему, которую смело можно рассматривать как перспективное направление в современной интеллектуальной истории, расширив ее до формулировки «Интеллектуалы на пограничье». Следующим шагом на этом пути, по нашему мнению, должно стать компаративное исследование всех национальных историографий, которые развивались в регионе, учитывая индивидуальные стратегии их развития и необходимость сосуществования в территориально локализованной конкурентной среде. Здесь, прежде всего, следует обратить внимание на польский и еврейский историографический контексты. При этом отметим, что современная разработка проблематики пограничья Восточной Галиции позволяет поставить задачу значительно шире, обратив внимание, например, на армянскую и белорусскую интеллектуальные составляющие в поликультурном многоголосье этого региона.

Все это поможет реконструировать цивилизационный образ Восточной Галиции во всей полноте его культурных и этнических составляющих.

Примечания

- ¹ См. дет.: Чорновол І. Польсько-українська угода 1890-1894 рр. Львів, 2000. С. 28–32.
- ² См. дет.: Telwak W. Organizacja i działalność Lwowskiego Grona Komisji Historycznej Akademii Umiejętności // Rocznik Biblioteki Naukowej PAU i PAN w Krakowie. Rok L. Kraków, 2005. S. 13–25.
- ³ Грушевський М.С. Автобіографія, 1906 // Великий Українець: Матеріали з життя та діяльності М.С.Грушевського / Упоряд. та підгот. текстів та фотоматеріалів / комент. та приміт. А.П. Демиденка. К.: Веселка, 1992. С. 201.
- ⁴ Жулинський М. Концепція національної культури Михайла Грушевського // Київська старовина. 1992. № 6. С. 12.
- ⁵ Хроніка НТШ. 1909. Ч. 31. С.2.
- ⁶ Грушевський М. Три академії // Вісник Академії Наук України. 1991. № 11. С. 89–100.
- ⁷ Грушевський М. З нагоди 150-ої книги “Записок” // Записки НТШ. Т. 150. 1929. С. 1.
- ⁸ Грушевський М. Наукова діяльність Товариства ім. Шевченка в 1896 і 1897 рр. Записка до загального збору 1898. // Записки НТШ. 1898. Т. 21. С.10.
- ⁹ Записки НТШ. 1899. Т. 26. С.4.
- ¹⁰ Крип’якевич Р. Михайло Грушевський та іван Крип’якевич (За матеріалами неопублікованого листування та мемуарів) // Іван Крип’якевич у родинній традиції, науці, суспільстві / Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Збірник наукових праць, 8. Львів, 2001. С. 346.
- ¹¹ Расевич В. Еволюція поглядів Михайла Грушевського в перший рік після прибуття до Львова // Михайло Грушевський і Львівська історична школа. Матеріали конференції. Нью-Йорк-Львів, 1995. С. 112.
- ¹² Лист проф. Грушевського до декана Твардовського зараз по інциденті з дня 11 сього місяця // Діло. 1901. Ч. 260–261. 3 грудня.
- ¹³ См. дет.: Крип’якевич І. Історично-філософічна секція НТШ під керівництвом Михайла Грушевського у 1894–1913 роках // Записки НТШ. Праці Історико-філософської секції. Львів, 1991. Том ССХХІІ. С. 392–411.
- ¹⁴ Педич В. Історична школа Михайла Грушевського у Львові. Івано-Франківськ, 1997. С. 54–97.
- ¹⁵ Крип’якевич І. Михайло Грушевський. Життя і діяльність // Великий Українець: Матеріали з життя та діяльності М.С.Грушевського / Упоряд. та підгот. текстів та фотоматеріалів / комент. та приміт. А.П. Демиденка. – К.: Веселка, 1992. С. 460.
- ¹⁶ Дашкевич Я. Михайло Грушевський і початки організації української науки // Вісник АН УРСР. 1991. № 9. С. 52–60.
- ¹⁷ Грушевський М.С. Автобіографія, 1906 // Великий Українець: Матеріали з життя та діяльності М.С.Грушевського / упоряд. та підгот. текстів та фотоматеріалів, комент. та приміт. А.П. Демиденка. К.: Веселка, 1992. С. 206.

- ¹⁸ Грушевський М. Історія України-Руси: В 11 т. 12 кн. (Редкол. : П.С.Сохань (голова) та ін.). К.: Наукова думка, 1991. Т. 1. Передмова до першого видання.
- ¹⁹ Там же. С. 147.
- ²⁰ Kolankowski L., Hruszewski M. Istorija Ukrainy-Rusi. T. IV, V, VI // Kwartalnik Historyczny. Lwów, 1913. S. 357.
- ²¹ Wrückner A. Dogmat normański // Kwartalnik Historyczny. Lwów, 1906. S. 665.
- ²² Грушевський М. Звичайна схема “руської” історії й справа раціонального укладу історії східного Слов’янства // Статті по славяноведенью. Спб., 1904. Вып. 1. С. 298–304.
- ²³ См. дет.: Ісаєвич Я. Праця Михайла Грушевського “Про дві схеми східноєвропейської історії” – історіографічний і політичний контекст // Михайло Грушевський і Західна Україна. Доповіді й повідомлення наукової конференції. Львів: Видавництво “Світ”, 1995. С. 83–90.
- ²⁴ Кухар В. М. Грушевський і створення Національно-демократичної партії // Михайло Грушевський і Західна Україна. Доповіді й повідомлення наукової конференції. Львів: Видавництво “Світ”, 1995. С. 277–280.
- ²⁵ Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців 1848-1914 на підставі споминів. Львів, 1926. С. 327.
- ²⁶ Діло. 1900. 5 січня.
- ²⁷ Грушевський М. Добиваймося свого університету! // Діло. 1897. Ч. 147.
- ²⁸ Грушевський М. Справа українського університету у Львові // Літературно-Науковий Вісник. 1899. Т. 8. С. 84.
- ²⁹ Цит. по: Расаєвич В. Еволюція поглядів Михайла Грушевського в перший рік після прибуття до Львова. С. 113.
- ³⁰ Щоденники М.С.Грушевського (1904-1910 рр.) // Київська старовина. 1995. № 1. С. 21.
- ³¹ Качмар В., Марискевич Т. М. Грушевський і змагання за український університет у Львові // Михайло Грушевський і Західна Україна. Доповіді й повідомлення наукової конференції. Львів, 1995. С. 25–27.
- ³² Грушевський М. Українсько-руські наукові курси // Літературно-Науковий Вісник. 1904. Т. 27. С. 102–113.
- ³³ См. напр.: Грушевський М. Про українську мову і українську школу. К., 1912.
- ³⁴ Грушевський М. Що ж далі? (В справі руських гімназій) // Літературно-Науковий Вісник. 1905. Т. 29. С. 1–5.
- ³⁵ Цит. по: Винар Л. Михайло Грушевський і НТШ. Мюнхен, 1970. С. 8.
- ³⁶ Грушевський М. Українські приватні школи // Календар “Просвіти” на 1911 р. Львів, 1910. С. 195–207.

ОТ MITTELEUROPA ДО ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ: ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ИДЕИ

Центральная Европа как продукт мысли

Mittleuropa, Zwischeneuropa, Zentraleuropa, Europa Środkowa, Europa Centralna, Střední Evropa, Central Europe – это термины, которые на разных языках и в разных исторических контекстах могли иметь абсолютно различные «предметные отношения». Поскольку эти понятия принадлежат к «мыслительной реальности», то их форма зависит от текущих политических интересов тех групп, которые определяют общественное представление в зависимости от спонтанно формирующихся политических дискурсов. Поэтому нет ничего удивительного, что в эти термины, связанные с различными концепциями, возникающими на протяжении многих десятилетий, зачастую вкладываются взаимоисключающие значения. Полисемичные и мультивокальные, они служат символами, вызывающими отличные одна от одной ассоциации в различных группах интереса. Представлением многообразных содержаний, приписываемых набору понятий, связываемых с *Центральной Европой*, и дискурсов, в которые они вписаны, мы стараемся указать на имагологический, как сказала бы Мария Тодорова¹, характер действительности, именуемой центральноевропейской. История ряда идей, касавшихся региона (в наши дни чаще всего называемого Центральной Европой) – превосходный пример, иллюстрирующий общие механизмы умозрительного построения действительности, которая в обыденных представлениях проявляется как субстанциональная, данная раз и навсегда.

Центральная Европа всегда принимала очертания, зависевшие от целей и дискурсов, которых хотели достигнуть ее апологеты и к которым они обращались. Этот имагологический характер понятия отмечали многие исследователи. Французский

германист Жак Ле Ридер в своем историческом эссе «*Mitteleuropa – Auf den Spuren eines Begriffs*» («Центральная Европа – по следам одного понятия»), опубликованном в 1994 г., утверждает, «что контуры Центральной Европы зависят от того, какая именно политическая фигура пользуется этим понятием. Каждое идейное течение в центре Европы по-своему определяет географическую территорию этого потенциального *субконтинента*... который является настолько же выдуманным, насколько и реальным, расширяясь или сужаясь в зависимости от царящей в определенный момент политической атмосферы»².

Те, кто занимается сегодня проблемами Центральной Европы, практически всегда обращаются к работе географа Карла Зинхубера, который в 1954 г. сопоставил двенадцать французских, британских и немецких карт. Все они дают представление о Центральной Европе, однако единственным повторяющимся фрагментом выступает большая часть Чехии и Словакии, немного южной Польши, северо-восточный сегмент Австрии и окраина северной Венгрии (из территории Германии сюда «проскальзывает» только городок Зиттау на границе с Чехией и Польшей)³. В «общем знаменателе» из больших городов в Центральной Европе находятся Вена, Братислава, Краков, временами – Прага. За пределом обозначенного таким образом пространства оказывается даже Будапешт, всегда ассоциируемый с *Mitteleurop*'ой⁴. На той же самой карте можно найти четыре разных геометрически «точно» определенных центра Европы, а пятый, указанный автором статьи, практически совпадает с варшавской Прагой. Если задуматься над картами, созданными позднее и упомянутыми в работах Ежи Клочовского и Петра Эберхальдта, то как бы объективный географический аргумент становится еще более размытым. Тимоти Гартон Эш прокомментировал эту ситуацию достаточно саркастически: «Такое отсутствие единодушия не представляет ничего нового. (...) Карл Зинхубер проанализировал шестнадцать определений Центральной Европы. Единственная часть, не упоминаемая ни в одном из них, – это Пиренейский полуостров. Лишь три территории повторяются всегда – Австрия, Чехия и Моравия. Скажи мне, какова твоя Центральная Европа, и я скажу тебе, кто ты»⁵.

Кроме границ, которые невозможно определить однозначно, имманентной чертой Центральной Европы является бытие «между» (*in-between*). Это определение становится заметным уже в самом начале начала дискуссии об обоснованности использования таких терминов, как *Запад*, *Центральная Европа* и *Восток*, а также о их присутствии в массовом сознании. Достаточно заглянуть в газеты, чтобы убедиться, которые из этих определений употребляются настолько часто, чтобы быть маркерами «реальности».

Хотя понятие «*Запад*» наиболее часто становится предметом споров, но существование однородной, так называемой западной, цивилизации по-прежнему принимается за аксиому. Для большинства людей сегодня, как и некогда для канцлера Меттерниха, «Азия начинается на Ландштрассе» [дороге, ведущей из Вены на восток]⁶. Но, может, уже время дерзнуть на масштабную деконструкцию понятия «Запад», ко-

торое является всего только наследием имперского прошлого англичан, французов и немцев. Иначе Европа и дальше будет отождествляться исключительно со своей западной частью, а история государств, принадлежащих к ней, толковаться как история целого континента⁷. И мы по-прежнему будем жить в уверенности, что Запад во всех отношениях лучший из миров и всем в него следует стремиться. Не удивляет поэтому комментарий на первой странице «New York Times» в августе 1991 г., который появился в статье о неудавшемся путче в Советском Союзе, где авторитетно отмечалось: «...Россияне готовы к огромной задаче цивилизации своей страны»⁸. Понятие «Запад» казалось в меру ясным только в контексте риторики холодной войны и то лишь потому, что тот, кто был вынужден жить в «Восточном блоке», относился к нему как к своего рода азимуту, символу, синониму свободы. Всю условность подобных понятий (которые со временем застывают в нашем сознании настолько, что кажутся порождениями древности) легко подтвердить, скажем, тем фактом, что в античные времена Запад отождествлялся с греческой цивилизацией, а до эпохи просвещения Европу делили скорее на Север и Юг, чем на Восток и Запад.

На другом полюсе располагается понятие «Восток», которое после издания в 1978 г. нашумевшей книги Эдварда Саида «Ориентализм» стало решительно *de-modé*. Саид снял с категории «Восток» маску восемнадцатого века, которая прятала гегемонию англичан и французов в Азии, а окончательную фазу ориентализма связал с послевоенной «арабофобией» в Соединенных Штатах⁹. По мнению Саида, ориентализм был не заговором, а «технологией распространения определенного геополитического сознания». Далее он отмечает: «Представления о том, что является восточным, были основаны исключительно на безапелляционных заключениях западного образа мышления. Непокколебимый европоцентризм отстранил Восток от Европы, во-первых, через самые общие критерии восточности и, во-вторых, через особую логику, основанную не на эмпирических данных, а на цепочке желаний, сдерживаний, блокад и проекций»¹⁰.

Восток, воспринимаемый как неперспективный вариант западной культуры, был загадочным местом, вызывающим страх, смешанный с восторгом; он был миром, в котором роились существа, ведущие себя иррационально и руководствующиеся прежде всего эмоциями. Теперь, правда, уже не говорят о странах востока – «Восток», а употребляют более нейтральные категории типа «Близкий» или «Далекый Восток». (Но разве не зазвучит в них прежний европоцентризм, если задать вопрос, относительно кого «Восток» «дальше» или «ближе»?)

Между крепко укорененным в сознании *Западом* и утасающим в официальном дискурсе *Востоком* находится эфемерная *Центральная Европа*, о которой можно сказать, что она все время «появляется и исчезает». Но в понятии «Центральная Европа» прежде всего удивляет то, что с каждым новым возникновением оно появляется в несколько ином месте. Для одних Центральная Европа представляется географической действительностью, для других – феноменом из мира идей, но есть и такие, кто на вопрос, заданный британским историком Тимоти Г. Эшем: «Does Cen-

tral Europe exist?» (Существует ли Центральная Европа?), – отвечают отрицательно. Скромной попыткой проследить образ формирования идеи Центральной Европы и ее, так сказать, пребывания в коллективном сознании некоторых европейских интеллектуальных дискурсов и является данная статья.

Но когда мы говорим о «центральноевропейском дискурсе», то нельзя забывать о том, что каждый дискурс имеет свои общественные детерминанты, определяющие его наличие, а также то, что он существует лишь благодаря обычным гражданам, погруженным в мир своих повседневных представлений. И только так возможна «дискурсивная действительность». При этом мы надеемся, что наши рассуждения об определенном роде дискурса прольют дополнительный свет и на более широкую проблему «дискурса о дискурсе». Поскольку мы занимаемся именно дискурсами и имагологией, то в этой работе много цитат и реляций, количество которых, кстати, с каждым годом быстро увеличивается (все новые публикации в журналах, газетах и других СМИ)¹¹. Их упоминание является неизбежным, ибо именно они и являются предметом наших размышлений. Поэтому первый раздел статьи представляет собой попытку упорядочения хаотично рассеянных по всей европейской литературе смыслов, которые и легли в основание современной дискуссии о Центральной Европе. При этом мы до минимума ограничили интерпретационные линии (такие заманчивые), в особенности инспирированные близкой нам действительностью.

Mitteleuropa – Zwischeneuropa – Zentraleuropa

Начало идеи *Mitteleuropa* (дословно: Центральная Европа) относится к XIX в. Жерар Деланти утверждает: «*Mitteleuropa* как политическая конструкция возникла в противопоставление наполеоновской Европе и представляла своего рода анти-Европу. Значительно увеличенная после Венского конгресса Пруссия должна была стать контрреволюционным бастионом между Францией и Россией»¹². По мнению Йозефа Крутвора, идею Европы, разделенную на Западную, Восточную и Центральную, разработал канцлер Меттерних – австрийская монархия должна была «заботиться» о проблемном центральноевропейском «клине», чтобы уберечь Европу от масштабных расколов¹³. В свою очередь Йорг Брехтефельд добавляет, что Венский конгресс 1815 г. запретил державам использовать силу для изменения границ. «Поэтому защитники идеи *Mitteleuropa* прежде всего развивали экономические и культурные концепции»¹⁴. Вот почему многие теоретическое обоснование идеи Центральной Европы связывают с экономической концепцией Фридриха Листа, встроенной в 1841 г. в общий протекционистский проект¹⁵. Самой экстремальной задачей этого экономического замысла была «возможность эмиграции немцев на юго-восток Европы и на Ближний Восток, поскольку расходы на такое переселение составили бы всего лишь одну пятую расходов от переезда в Соединенные Штаты»¹⁶.

Но на самом деле «перед созданием Второго германского союза идея *Mitteleuropa* прежде всего актуализировалась из-за напряженных отношений между Австрией и Пруссией»¹⁷. Как культурная концепция она связана с берлинским и венским *fin de siècle*, а также с понятием *Gründerjahre*. Главной интригой, которая делала значимой эту идею, был вопрос объединения Европы под немецким или габсбургским началом. Если говорить о центральноевропейском аспекте политической интриги, то немцы проявили здесь значительно большую активность. Поэтому в то время все основные версии идеи Центральной Европы имели немецкое происхождение. Уже во время Национального собрания 1848 г. была выдвинута программа создания единого центральноевропейского политического образования, охватывающего все земли, на которых проживало немецкоязычное население. Наилучшим образом эту программу выражает революционная песня Эрнста Морица Арндта, провозглашающая, что «Германия должна быть всюду, где слышен немецкий язык». Идея *grossdeutsch* подразумевала федерацию с габсбургской Австрией, но та вовсе не желала подчиняться господству набирающей силу Пруссии, тем более что в 1867 г. она превратилась в дуалистическую монархию – Австро-Венгрию. Поэтому создававший прусскую державу Бисмарк принял вариант так называемого *kleindeutsch*, в котором, однако, идея *Mitteleuropa* оставалась одним из основных факторов построения немецкой нации¹⁸. В контексте стремления к формированию однородного национального сознания *Kulturkampf* становится логичным проявлением прусской политики.

Не подлежит сомнению, что габсбургская активность в развитии идеи *Mitteleuropa* была намного скромнее. Хотя и среди австрийцев эта идея пользовалась немалой популярностью. В модифицированной форме она прекрасно обосновывала концепцию общей родины австрийцев и венгров, власть Габсбургов в этой части континента и на Балканах, а также выражала тоску по дореволюционной Европе и близящемуся к упадку империальному миру. Но возможности развития этой идеи в государстве Габсбургов ограничивались Пруссией, которая практически совсем оттеснила Вену от решения немецких вопросов. Когда в 1918 г. Австро-Венгерская монархия рухнула, Германия избавилась от единственного конкурента в «битве за *Mitteleuropa*».

Литературным выражением мечты о *grossdeutsch* был изданный в 1855 г. роман Густава Фрейтага под названием *Soll und Haben* («Приход и расход»), который определял не только место немцев в центре европейской «культуры», но также и место Германии в «сердце» Европы. В свое время книга была очень популярна, и можно предположить, что она оказала существенное влияние на образ мышления ее многочисленных читателей. Жак Ле Ридер считает эту книгу «основным текстом первой реальной конъюнктуры идеи Центральной Европы»¹⁹. Книга имела антиславянский и, в некоторой степени, антисемитский характер. Кризис мещанской революции середины XIX в., развитие национальной риторики и немецкая идеология «послания восточным землям» способствовали мечтам о территориальной целостности,

которая должна была включать в себя и земли на восток от Лабы, находящиеся якобы уже с XII в. (появление Тевтонского ордена) под германским влиянием. Кроме того, в книге говорилось о присоединении огромной территории, оставшейся под властью Габсбургов. Густав Фрейтаг был не одинок в подобных устремлениях, поэт Вильгельм Йордан в своем выступлении перед Национальным собранием во Франкфурте, в частности, заявил: «Превосходство немецкой расы над большинством славянских рас... есть фактом... Перед лицом истории и природы политические декреты не помогут... Само существование не дает людям права политической независимости: это только возможность объявить себя государством»²⁰. Несколько позже ему вторил откровенный антисемит Поль де Лагард, который уже в начале второй половины XIX в. хотел выслать немецких и польских евреев в Палестину²¹. К тому же он считал, что «войны, которая должна создать "*Mitteleuropa*", не удастся избежать»²². Разве взгляды Гитлера отличались от высказанных де Лагардом?

В результате объединения Германии после войны Пруссии и Франции в 1871 г. центр Европы фактически начал соотноситься с немецким государством. Идея *Mitteleuropapolitik* получила окончательное оформление во время властвования Вильгельма II, целью которого было сделать Германию не только колониальным государством, но и ведущей державой Европейского континента. Он поставил задачу создания регионального политического образования, которое смогло бы противостоять Франции, Англии и России. Направление немецкой экспансии в Европе определяли ставшие хорошо известными в более поздние времена выражения *Drang nach Osten* и *Lebensraum*. Хотя эти планы тогда и не реализовались, но оказались вписанными в канон немецкой *Ostpolitik* на многие последующие годы. Короче говоря, первый *центральноевропейский проект* должен был служить созданию могущественной немецкой империи. И гегемонистические тенденции предусматривали разнообразие репрессивные меры.

Упомянутая выше книга немецкого географа Йозефа Партша под непретенциозным названием *Mitteleuropa* является продуктом стремления к созданию основанной на немецком присутствии обширной политической и экономической зоны. Йозеф Партш нарисовал картину великой Германии, протянувшейся от Остенда (через Женеву) до Черного моря²³. В ее состав входили следующие государственные образования: Германия, Австро-Венгрия, Бельгия, Нидерланды, Швейцария, Черногория, Сербия, Румыния и Болгария²⁴. Смеем утверждать, что хоть географические и экономические аргументы составляют большую часть работы, все они подчинены мировоззренческим представлениям автора. Идея великой Германии склоняла его к укладыванию якобы объективных фактов в предложения, реализация которых должна была привести Пруссию к управлению Центральной Европой. Цивилизационное превосходство и демографическое преимущество, по мнению автора, давало ей на это право. В границах этого образования немцы должны были составить 51,1% от всего населения²⁵. Языком общения на всей территории (за исключением «отсталых регионов Сербии и Черногории»), конечно же, предполагалось использовать

немецкой. Более того, «вся остальная Центральная Европа, хотела она этого или нет, должна была принадлежат к немецкой цивилизационной сфере»²⁶. В свою очередь Эгон Шварц дополнил географические аргументы Йозефа Партша культурными²⁷.

Но основной работой по популяризации идеи Центральной Европы считается изданная в 1915 г., т.е. во время Первой мировой войны, книга под тем самым, что и у Йозефа Партша, названием «*Mittleuropa*», автором которой был Фридрих Науман. Описанное в ней видение послевоенного устройства Европы до сегодняшнего дня вызывает споры. Что это: идиллическая утопия или мечта империалиста? Книга начинается словами: «В тот час, когда я сочиняю эти строки, битвы вершатся на востоке и на западе. Сознательно пишу в ходе войны, ибо только во время войны разум готов к принятию великих идей, преобразующих мир. После войны тотчас же снова начинает господствовать обыденный дух, а с обыденным духом не удастся создать Центральной Европы»²⁸.

Проект Фридриха Наумана, подобно как и в случае Йозефа Партша (вместе с его политическими предшественниками), предполагал создание центральноевропейского пространства под эгидой Германии и в тесной федерации с Австро-Венгрией. Однако в это образование должны были войти не только прусская Германия и Австро-Венгрия, но и Черногория, Албания, Румыния, Болгария. «Мы обязаны вернуться с войны центральноевропейцами»²⁹. Очевидно, что Фридрих Науман преследовал аналогичные, относительно своих политических предшественников, цели: «Сегодня или никогда возродится единство между Востоком и Западом, и Европа Центра встанет между Россией и Западными державами»³⁰. Фридрих Науман тщательно анализирует исторические, религиозные, национальные, экономические, таможенные и конституционные вопросы потенциального политического образования. В его основе, как и у Йозефа Партша, лежит объединение Австро-Венгрии и Германии. Но согласно Фридриху Науману этот союз должен иметь более федеративный характер, чем предлагалось в период империального расцвета Пруссии в 1871–1914 гг. Фридрих Науман хорошо понимал, что существует множество преград на пути создания такого союза. К примеру, он пишет: «Прусские поляки – это действительно большая проблема для государства, но их не так много и не нужно слишком серьезно к ним относиться – всего лишь как к партнерам в правительстве»³¹. Как видно из этих слов, все трудности преодолимы. Проект Фридриха Наумана даже попробовали воплотить в жизнь в Кройцнахе, когда 18 мая 1917 г. подписывался договор о будущем сотрудничестве в регионе³².

Сердцевиной *Mittleuropa* должна была стать территория между Балтийским морем и Альпами – с одной стороны, а с другой – между Адриатическим морем и южной границей Задунайской равнины. «Возьми карту и посмотри, что лежит между Вислой и Вогезами и что простирается между Галицией и Боденским озером! Ты должен думать об этой территории как о единой, как о великом братстве, как о военном альянсе, как о совместном экономическом пространстве!»³³. На севере, естественно, должна была быть Пруссия с Кенигсбергом включительно, а восточной

границей становилась Висла. Таким образом понимаемая *Mitteleuropa* – это политическое и экономическое целое, без границ и обособленных образований. Несмотря на федеративные тенденции, в этом проекте неясной оставалась роль Германии: объединяющей силы или гегемона? Вот как писал о будущей земле обетованной сам Фридрих Науман: «У Центральной Европы будет немецкая сердцевина и добровольно употребляемый немецкий язык, который знают во всем свете и который уже сегодня является повседневным языком Центральной Европы – но с самого начала должна проявиться толерантность и гибкость по отношению к соседним языкам, связанным с немецким»³⁴. Так же, немного экзальтированно, Фридрих Науман писал, в «мессианском откровении» (определение Матиаса Рюба), о том, что «вокруг и в продолжение немецкого духа вырастет центральноевропейская культура»; родится новый тип центральноевропейского человека, который «сформируется через образование и будет носителем развивающейся вокруг Германии сильной и богатой культуры. Новый человек займет свое почетное место среди французов, итальянцев, турков, русских, скандинавов и англичан. Так давайте попробуем найти центральноевропейцев!»³⁵. Задача вовсе не простая – потому что по своему характеру «это пограничная земля», но, как замечает автор, выполнимая.

Стоит привести еще одну цитату из работы Фридриха Наумана, которая, по мнению Эгона Шварца, представляет собой превосходный пример псевдопоэтической риторики, камуфлирующей призывы к экспансии и господству; в англосаксонской традиции этот вид прозы называется *purple prose*³⁶. «Соберитесь, путники, в Карпаты, возьмите с собой мандолину, позвольте цыганам играть песни для вас в горных селеньях! Взбирайтесь, горные туристы, не только в Тироле и Долomiteх, но и дальше на востоке, в Стирии и Карсте, купайтесь в огромном и солнечном озере Балатон! А вы, любители искусства, отправляйтесь к прекрасным, таинственным уголкам, замкам и храмам, посетите Прагу с ее достопримечательностями, Краков с его древними памятниками, город Грац – такой красивый и гордый! Есть там здания готические и барокковые и множество прекрасных современных домов»³⁷. Такие краеведческие путешествия будут иметь также и политическую ценность, поскольку немцы смогут убедиться, что там «люди искреннее, чем в других, более посещаемых странах»³⁸. Не было сомнения в отношении устремлений Фридриха Наумана и у тех, кто во время войны сражались по другую сторону баррикад и для которых термин *Mitteleuropa* однозначно ассоциировался с агрессивной концепцией «оси Берлин – Багдад», но прежде всего с немецкой идеей «движения на восток» и пангерманизмом.

В настоящее время идеи Фридриха Наумана встречают и более приветливую интерпретацию. Немецкий историк, славист и публицист Карл Шлэгель, профессор Европейского университета Виадрины во Франкфурте-на-Одере, в книге, изданной в 1986 г. и названной *Die Mitte liegt ostwärts*³⁹ (*Центр находится на востоке*), выдвинул тезис, что концепция Фридриха Наумана была попыткой придания смысла Первой мировой войне. Его утопия, провозглашающая наступление «бла-

женного царства вечного покоя»⁴⁰, имела освободительный характер. Рюб склонен воспринимать Наумана – в отличие от Ле Ридера – скорее как «либерала», нежели поборника великодержавного империализма. Он пишет, что «Науман не пропагандирует завоевания, но ищет пути выхода из непростой ситуации соперничающих между собой великих держав...»⁴¹. Стронников возникновения *Mittleeuropa* можно было также найти и среди австрийских марксистов. Карл Реннер представлял ее в виде мегаэкономического блока, в состав которого обязаны были входить также Балканы, Турция и Персия. Экономические интересы (что было естественно для последователя Маркса) должны были объединить людей несмотря на этническое разделение и создать условия для гармоничного развития⁴². Следовательно, для левых идея *Mittleeuropa* была связана с надеждой на создание многонациональной системы экономически объединенных центральноевропейских государств⁴³.

Концепция Фридриха Наумана, без сомнения, чаще всего цитируемая из всех тех, что покровительствовали идее *Mittleeuropa*, внесла серьезный вклад в популяризацию связанного с ней понятия. Однако, в пике попыткам мало-мальски благожелательных интерпретаций, ее трактуют как образцовый пример немецкого экспансионизма. В межвоенный период эта идея была подвержена псевдонаучной обработке, когда немецкие геополитики обогатили ее элементом расовой теории, делая *Mittleeuropa* политическим лозунгом, который служил контролю над всем европейским континентом. Поэтому Деланти, анализируя планы Гитлера, назвал их патологической версией *Mittleeuropa*⁴⁴. «Прежняя *lingua franca* целого региона превратилась в крик самозваной нации хозяев»⁴⁵.

Между прочим, существовала еще одна, практически идентичная концепция, хотя и менее известная. Само ее название *Zwischeneuropa* относилось к территории, расположенной между Россией и Германией, то есть к балтийским республикам, Польше, бывшей Чехословакии, Югославии, Болгарии и Румынии. Идею выдвинул Гизелер Вирзинг, который в 1932 г. написал книгу «Межевая Европа и немецкое будущее»⁴⁶. Он утверждал, что Центрально-Европейские государства не имеют национальных черт, следовательно, их нужно включить в великую Германию. Это был прямой путь к идеям *Grossraum* и *Lebensraum*. Что становится понятным уже в тот момент, когда мы задумываемся над значением слова *Zwischeneuropa*, или Межевая Европа, которое представляет очередной вариант того же самого *in-between* – а следовательно, образования без собственной идентичности. Это только пространство бытия между «Европами», между цивилизацией и варварством. Определение *Mittleeuropa* звучит куда более нейтрально и, может быть, благодаря этому оно приобрело большую популярность.

Проект *Mittleeuropa*, создаваемый с немецкой перспективы, можно прокомментировать следующими словами: *это была картина, которая у одних вызывала надежду, а других ужасала*.

После Второй мировой войны вокруг скомпрометированной идеи, к тому же «запачканной кровью», на долгое время воцарилось молчание. В побежденной Гер-

мании канцлер Конрад Аденауэр избрал политику *Westbindung* (лояльных отношений с Западом). А вот член ХДС Якоб Кайзер, находясь в Восточной Германии (в советской оккупационной зоне) требовал восстановления единой Германии, которая была бы связующим звеном между Востоком и Западом, но вскоре и эта идея по геополитическим соображениям умерла естественной смертью. И только Курт Шумахер настаивал на создании нейтрального центральноевропейского блока вместе с объединенной Германией⁴⁷. Позже, однако, в немецкоязычных странах, если кто и касался центральноевропейской тематики, то использовал нейтральный термин *Zentraleuropa*. Случалось это, правда, редко, потому что Европа того времени поверглась фактически манихейскому делению; не было центра, а только Восток и Запад, хорошее и плохое (в зависимости от пропаганды той или иной стороны). Позже воцарилась мода на идею Европы отечеств и регионов, которую популяризировали Роберт Шуман, Шарль де Голль и Дени де Ружмон⁴⁸. Правда, идея Центральной Европы иногда все-таки возвращалась в политические проекты. Здесь стоит упомянуть о планах создания демилитаризованной зоны именно в этом регионе, в которых участвовала также и Польша с так называемым «планом Рапацкого» (1957 г.)⁴⁹.

Ostmitteleuropa вернулась в словарь общественного дискурса лишь вместе с инициированной Вилли Брандтом *Ostpolitik* в 60–70-х гг. прошедшего столетия.

В интеллектуальной плоскости одним из немногих «хранилищ» идеи были конференции, которые организовывал «Istituto per gli incontri culturali mitteleuropei» с 1966 г. Им были характерны интеллектуальное взаимопонимание, космополитизм, желание уничтожить националистические пережитки. Даже самая маленькая группа, определенная как центральноевропейская, могла рассчитывать на проявление к себе интереса. В 1982 г. одна из конференций была полностью посвящена евреям. А еще раньше на этих конференциях актуализировались проблемы словенцев, словаков, хорватов, сербов, австрийцев, итальянцев. Но, по мнению Эгона Шварца, слишком часто здесь говорилось: «мы должны», «мы обязаны», «следует». Все это свидетельствовало, «насколько гипотетическими являются основы, на которых строятся эти убеждения и постулаты»⁵⁰. Темы конференций преимущественно формировались по дуалистическому принципу, например: «Миф и Центральная Европа» или «Евреи и Центральная Европа». Еще одним упреком, выдвинутым Эгоном Шварцем, был недостаток центральноевропейской проблематики в диспутах. Поэтому сборники, издаваемые после конференций, отражали тревожное отсутствие баланса – обычно подавляющее большинство сообщений касалось первой части названия. Эгон Шварц задумывался и над тем, является ли это следствием уверенности в *консенсусе* на тему Центральной Европы или отсутствием знаний о ней? В конце концов Эгон Шварц посчитал эти конференции продолжением идеалистического послания Фридриха Наумана о взаимопонимании, превосходящем политические, экономические и национальные границы.

Střední Evropa и Межморье

Если говорить о формировании центральноевропейского проекта, то в первой половине XIX в. главная роль здесь принадлежала Германии. Лишь в межвоенное двадцатилетие появились две концепции, которые должны были представить собой антитезу идее *Mittleuropa*. Однако они не стали такими популярными и обсуждаемыми, как последняя. Инициатором первой из них был не кто иной, как сам Томас Масарик – автор идеи Чехословакии и впоследствии ее президент. Уже в ходе Первой мировой войны он решительно отрицал концепцию Фридриха Наумана, усмотрев в ней гегемонистические притязания. Вместе с Р. В. Сетон-Уотсоном, британским публицистом, Томас Масарик учредил журнал *The New Europe*, который декларировал: «Освобождение народов Центральной и Юго-Восточной Европы от немецкой и венгерской зависимости – таким должен быть наш ответ на пангерманские проекты “Центральной Европы” и “Берлин–Багдад”»⁵¹.

Střední Evropa виделась «территорией малых народов, протянувшейся от Северного мыса до мыса Матапан». Принадлежать к ней должны были лапландцы, шведы, норвежцы, датчане, финны, эстонцы, латыши, литовцы, поляки, лужичане, чехи, словаки, венгры, сербо-хорваты⁵², а также словенцы, румыны, албанцы, турки и греки. Заметим, что в этом огромном пространстве с множеством народов не нашлось места немцам и австрийцам. Не подлежит сомнению, что идея Томаса Масарика была попыткой порвать с германской гегемонией в регионе между Россией и Германией. Одновременно Томас Масарик предполагал сформировать его как независимое, имеющее свой собственный политический и культурный характер пространство, которое не есть только *in-between*, но представляет собой целостность, обладающую своей идентичностью.

Такой же освободительный характер имела зародившаяся в Польше концепция Межморья, которая должна была охватить земли от Балтийского до Черного моря. В ней одни варианты принимали во внимание Венгрию и Чехословакию, а другие ограничивались лишь территорией Первой Речи Посполитой (плюс земли исторического княжества Молдова)⁵³. Целью этого проекта было региональное сотрудничество для создания противовеса униженных Германией и СССР стран. Как мы теперь знаем, Польское государство, которое должно было стать сердцевинной этого геополитического образования, не смогло обрести необходимое политическое значение, позволяющее реализовать эту идею, и она так и осталась всего лишь мечтой политиков.

Центральная Европа – Central Europe

Однако после нескольких лет отсутствия идея Центральной Европы снова вернулась как актуальная проблема. Правда, теперь это был прежде всего политический

конструкт, хотя базировался он на общности геополитической судьбы и культурных сходствах. Принципиальная разница между проектами *Mitteleuropa* и *Центральная Европа* заключалась в том, что первый должен был служить, с точки зрения не-немецких народов, порабощению, а целью второго было освобождение. В период, когда Европа оказалась разделенной на коммунистический «Восток» и капиталистический «Запад», поиск «Центра» был чем-то большим, чем забавой заскучавшего картографа. Он представлялся сродни строительству моста, ведущего из мира «советской неволи» в свет демократии и свободы. Идея Центральной Европы была призвана к жизни интеллектуалами, жившими в странах, которые принадлежали к так называемому восточному блоку. Это было заявление о желании независимости и вместе с тем способ подчеркнуть свое отличие.

Расцвет центральноевропейского дискурса пришелся на середину 80-х гг. минувшего столетия, но идея, по крайней мере в Польше, уже обозначилась в 70-х гг. Как пишет Чеслав Роботыцки: «... после 1976 года независимый от цензуры выпуск изданий привел в польскую культуру многих эмиграционных и иностранных авторов, которые не могли высказывать свои взгляды в Польше. Эмиграционные журналы «Культура» ('Kultura'), а с 1983 года «Литературные тетради» ('Zeszyty Literackie'), «Пульс» ('Puls'), «Приложение» ('Aneks') и подпольная «Рес Публика» ('Res Publica') пропагандировали идею Центральной Европы. (...) «Литературные тетради» имели с первого номера постоянную рубрику «Центральная Европа», где печатали эмиграционных авторов Польши, Чехии, Литвы, России, Венгрии и т.д. Благодаря этому их творчество стало известным и модным до такой степени, что, несмотря на запрет цензуры, в 1985 г. в Катовице в Силезском университете был организован симпозиум, посвященный Милану Кундере⁵⁴.

В Польше 80-х гг. говорили не только о Центральной Европе, там возродилась идея, продолжающая довоенную концепцию Межморья. Вокруг таких журналов, как «Лагерь» («Obyz»), «А.В.С. – Адриатическое, Балтийское и Черное моря» ('A.V.C.-Adriatyk, Bałtyk, Morze Czarne'), «Новая коалиция» ('Nowa Koalicja') и «Межморье» ('Międzymorze'), возникли политические группировки. Их целью было отделение стран Центрально-Восточной Европы⁵⁵ от советской империи, а в дальнейшей перспективе создание федерации центральноевропейских демократических государств. «Территориальные границы Межморья определялись по-разному. Согласно концепции, представленной Лукашовым и охватывающей наибольшую территорию, Межморье образовывали государства, расположенные между Советской Россией и Германией, а также между Балтийским и Черным морями (включая Грецию). В других работах территория Межморья обычно ограничивалась Польшей и ее ближайшими соседями»⁵⁶.

26 апреля 1984 г. оказалось для концепции Центральной Европы тем же, что и ноябрь 1915 г. (время выхода книги Наумана), для концепции *Mitteleuropa*. В этот день был опубликован в «New York Review of Books» переведенный с французского языка текст «The Tragedy of Central Europe»⁵⁷. Автором эссе был находившийся в эмиг-

рации чешский писатель Милан Кундера. По его мнению, Центральная Европа была «похищенным Западом». До тех пор пока Центральная Европа не «попала в неволю» Востока в 1945 г., она участвовала во всех важных европейских идейных течениях и культурных движениях: от западного христианства, ренессанса и просвещения до экспрессионизма и кубизма. *Центральная Европа* – это народы, которые всегда воспринимались как часть Европы, но которые после того, как российская граница передвинулась на несколько сот километров на Запад, с удивлением обнаружили, что находятся на Востоке. Центральная Европа – это восточная граница Запада; ее образуют нации, которые получили независимость после 1918 г., а теперь вынуждены жить под советским ярмом. В эссе был высказан упрек в сторону Европы, которая забыла о народах, переставших верить в свои силы. Коммунизм, утверждал Милан Кундера, – это болезнь, которой заразились от России страны, принадлежавшие совершенно иной цивилизации. «Россия является не только еще одной европейской державой, но и особой цивилизацией, *иной* цивилизацией». В качестве существенного элемента центральноевропейской культуры он рассматривал еврейскую культуру и считал, что вместе с Аушвицем Центральная Европа потеряла свою душу. Евреи придавали ей космополитический характер, были ее интеллектуальным звеном. В судьбе евреев участь Центральной Европы находит свой символический образ. С исторической карты Центральной Европы исчезли также немцы. Судьбы этих двух народов символизируют судьбу региона, захваченного Востоком. Значение эссе Милана Кундера бесспорно: идея вышла за пределы клубно-«подпольных» бесед и заняла заметное место в сознании международного сообщества. Одним словом, после эссе Милана Кундера мир узнал о существовании Центральной Европы.

Поскольку текст был достаточно провокационным, он вызвал среди интеллектуалов «региона» ряд дискуссий и полемик. Часто его упрекали в излишке упрощений. Эгон Шварц утверждал, что Милан Кундера позволил себе увлечься мифом о единстве прежней Центральной Европы, в то время как в прошлом она была полна противоречий. Более того, он склонялся к мнению, что между «этими малыми народами» никогда не было настоящей общности, а учитывая распоясавшийся национализм, их невозможно было объединить даже в экономическое сообщество. По мнению Эгона Шварца, Милан Кундера забыл о неприглядных чертах прошлого, о том, что антисемитизм (возникший задолго до национал-социализма) был таким же неотделимым элементом центральноевропейской культуры, как и существование самих евреев. Милан Кундера также обходит вниманием и то, что в Чехии к национальным меньшинствам относились не самым лучшим образом, а Польша и Венгрия в 1938 и 1939 гг. присоединились к «могильщикам, делившим падаль», то есть Чехословакию. Кроме того, Аушвиц – это продукт национал-социализма, квинтэссенцией которого была центральноевропейская идеология, а Гитлер – в высшей степени центральноевропейская личность (разве только по месту рождения? – *авт.*), и это его пакт со Сталиным привел к тому, что Россия так далеко вторглась на Запад. Последние аргументы Эгона Шварца достаточно сомнительны,

поскольку они выходят за круг проблем, сформулированных Миланом Кундерой. К тому же, на наш взгляд, тут смешано то, что не следует смешивать: две совсем разные идеи – *Mitteleuropa* и *Центральной Европы*.

Еще одним спорным моментом эссе, который вызывал разногласия, было исключение России из европейской традиции, даже понимаемой весьма широко. Заметим сразу, что активнее всех полемизировал с таким взглядом Иосиф Бродский. Нежелание причислять Россию к числу стран Центральной Европы, обходя конкретные доводы исторического, политического и культурного характера⁵⁸, происходило из стремления отделиться от угнетателя, освободиться от советских оков. Россия стала синонимом Восточной Европы, из которой большинство стран хотело убежать. К кругу интеллектуалов, исключаящих Россию из европейского клуба, тогда принадлежали, кроме Милана Кундеры, Милан Шимечка и Георг Шепфлин. Но вряд ли уместно оценивать Россию по европейским стандартам. Такие ценности, как демократия, плюрализм, толерантность, вместе с высшей ценностью, каковой является свобода, понимаемая как личная свобода, ограниченная только правами других, не могли развиваться в этой стране. Поэтому Милан Шимечка вопрошает: может, усилия, направленные на подчеркивание ее европейскости, связаны с боязнью раздражить зверя? Под конец он констатирует: «Если мы думаем, что правда вредна, то лучше промолчать»⁵⁹.

Но даже при самой критической оценке эссе Милана Кундеры трудно отрицать, что оно сделало доброе дело. Не следует упускать из виду и политический контекст, в который была вплетена его работа. К тому же «Tragedy of Central Europe» – это манифест, а не научная диссертация. Сам автор последнее прекрасно осознавал и поэтому не позволил поместить эссе в сборнике «In search of Central Europe», который компилировался на исходе 80-х гг. Правда, тогда он обосновал отказ достаточно загадочно, сказав только, что не соглашается «по личному поводу» (*for reasons of his own*). Больше света на причины отказа проливает Ивер Нойман, ссылаясь на постскрипtum к версии эссе на чешском языке, где Милан Кундера подчеркивает, что текст «подпадает под ту часть его творчества, которую он не признает, поскольку она была приготовлена на употребление Западом»⁶⁰. Поэтому можно предположить, что он писал свое самое знаменитое эссе прежде всего для того, чтобы расшевелить западное общественное мнение.

В 80-х – начале 90-х гг. об идее Центральной Европы размышляли многие авторы: Дьёрдь Конрад, Чеслав Милош, Вацлав Гавел, Енё Сюч, Тимоти Гартон Эш, Йозеф Крутвор (псевдоним Йозеф К.), уже упомянутый Эгон Шварц и др.⁶¹ Большинство из них пытались обнаружить отличительные черты *Центральной Европы*. Но мы не станем их анализировать, чтобы сконцентрироваться на значении, которое эти размышления имели не только для дебатов о центральноевропейской действительности, но и для формирования самой действительности.

Словосочетание «*Центральная Европа*» тогда было синонимом слова *свобода*, а «*Восточная Европа*» означала *принуждение, советскую оккупацию*. Благодаря

текстам, которые писали Конрад, Михник, Гавел, неоспоримым стал факт, что такие коммунистические страны, как Венгрия, Польша или Чехословакия, стремятся к изменению своего геополитического положения и своей политической системы. Это было важное заявление, обращенное к западным демократиям, а его основное послание звучало следующим образом: «самое лучшее, что вы можете сделать, – это поддержать сопротивление в Восточной Европе, чтобы Центральная Европа могла возродиться». Тимоти Г. Эш заметил, что каждый раз, когда Гавел или Конрад употребляли формулировку «Центральная Европа», это имело позитивное звучание, зато определение «Восточная Европа» всегда характеризовала негативная (в лучшем случае – нейтральная) тональность. В работах этой «тройки» можно найти и общие политические императивы. Первым из них был постулат «жизни в правде», поскольку, лишь обманывая себя, общество позволяет существовать тоталитарной системе, фундаментом которой является ложь. Еще один постулат – это создание гражданского общества, которое должно возникнуть мирным путем («зло побеждай добром»), главным образом благодаря самоорганизации⁶².

Идея Центральной Европы также должна была положить начало диалогу между народами региона в сфере культуры, чтобы выявить общую идентичность. По мнению Адама Михника, государства, расположенные между Россией и Германией, должны сотрудничать, быть может, им даже следует образовать конфедерацию. В «Анатомии сопротивления» Вацлав Гавел говорит об особом центральноевропейском скептицизме, который имеет мало общего хотя бы с английским скептицизмом. В принципе, он достаточно странный, слегка загадочный, немного ностальгичный, зачастую трагичный, но бывает даже, что и героичный⁶³. Дальше, в том самом эссе, Вацлав Гавел определяет центральноевропейскую идею как «скептическую», «здравую», «антиутопичную» и «недооцененную» (*understated*). Тимоти Г. Эш комментирует это определение саркастически: «Короче говоря, все то, что мы принимаем за истинно английское (*quintessentially English*)»⁶⁴.

В «Антиполитике» Дьёрдь Конрад упоминал о «центральноевропейском сознании», «новой центральноевропейской идентичности» и отмечал, что бедой Центрально-Восточной Европы была невозможность сформироваться после периода турецко-татарского и немецко-австрийского господства в качестве независимой политической формации, что определило и последующую оккупацию советским Востоком. Иными словами, Центрально-Восточная Европа была не в состоянии добиться независимости и поэтому снова оказалась под восточным господством, в этот раз советского образца. Последнее делает невозможным для нашего региона полноценное участие в культуре Запада, которую мы выбрали для себя много столетий назад. На этом пространстве «гомогенное национальное государство является исключением. А *Mittleuropa* означает наличие различных идей – идентичность разнородности»⁶⁵. В формировании идеи центральноевропейского сообщества участвовал также Чеслав Милош. Он писал: «Я предполагаю, что существует что-то вроде Центральной Европы, даже если многие люди опровергают ее существование,

начиная от политиков и журналистов, которые настаивают на названии Восточная Европа, и кончая моим другом Иосифом Бродским, который предпочитает называть ее Западной Азией»⁶⁶.

Милош считал, что можно выделить особенности культуры интересующего нас пространства. Он отмечал, что термин «Центральная Европа» дает возможность защититься от ошибочных аналогий. И хотя здесь можно отыскать «якобы западные» идеи, но все они выступают в трансформированном виде – возьмем, к примеру, гуситское движение в позднем средневековье, польскую парламентскую систему в период ренессанса, «рай еретиков» (*paradisum hereticorum*) в Польше и Трансильвании. В работах, написанных на чешском, польском, венгерском, эстонском, литовском, сербо-хорватском языках, он находил тон и чувствительность, не существующие «в западноевропейской, американской и российской словесности»⁶⁷. Чеслав Милош говорит о горькой привилегии центральноевропейца: он определяет границы между правдой и ложью, добром и злом исходя непосредственно из своего опыта⁶⁸. На историю региона тенью легли долгие годы чужого господства – турецкого, австрийского, немецкого и советского. Последнее было особо унижительным, поскольку достигло апогея в период, когда колониальные страны, которые находились во владении французов и англичан, добивались независимости. Можно было бы сказать: «Прежний колониализм умер, да здравствует новый колониализм – советский!»

Идея Центральной Европы обсуждалась также и интеллектуалами, которые не принадлежали к этому региону. Одним из них был уже неоднократно здесь цитированный британский историк и публицист Тимоти Г. Эш. Однако и он не дал однозначного ответа на вопрос, содержащийся в названии эссе, написанного в 1986 году, – «Does Central Europe exist?». На его взгляд, новая Центральная Европа реально тогда еще не существовала и была исключительно идеей. (В 2000 г. Тимоти Г. Эш был уже иного мнения, а его новейшую интерпретацию центральноевропейской действительности мы представим позднее.) Но идеей необычайно ценной, которая способствовала разрушению возникшей в европейском сознании «Берлинской стены», этого символа постялтинской дихотомии Восток – Запад. По мнению автора, она была также «вызовом для других понятий, приоритетов и ценностей, общепринятых на Западе. Более того, ей было что предложить им на замену»⁶⁹. Выдвигая этот тезис, он имел в виду, в частности, приведенные ранее постулаты о жизни в правде и общественной солидарности, конструктивную борьбу без использования насилия, моральное возрождение политиков, соблюдения принципа, который признает, что «слова имеют значение».

Но Тимоти Г. Эш далек от впадения в эйфорию и экзальтацию, он разоблачает мифы, на которые часто ссылаются центральноевропейские идеологи, и со всей решительностью утверждает, что условием воплощения Центральной Европы в жизнь является переход от сентиментализма к изучению истинного исторического насле-

дия и современного положения Центрально-Восточной Европы. Его диагноз звучит так: Восточная Европа *in acta*, Центральная Европа *in potentia*.

Какие обвинения выдвигает Тимоти Г. Эш? Главной тревожной тенденцией он считает приписывание центральноевропейскому прошлому того, что хотелось бы видеть в будущем. Согласно мифологизированной картине прошлого, «то, что есть истинно центральноевропейским, было всегда западным, рациональным, гуманистическим, демократическим, скептическим и толерантным. Остальное было восточноевропейским, русским либо немецким», а все угнетатели мешали реализации издавна принятого «западного выбора». Это неправда, утверждал Тимоти Г. Эш, Центральная Европа не просто «часть *Zanada*, который теперь на *Востоке*»⁷⁰. Попытки выделить общую суть центральноевропейской истории он называет редукционизмом и легкомысленным обобщением, которое остается непреодолимо неопределенным (*invicibly vague*). По его словам, существует необходимость в ответственности и осознании для себя амбивалентности исторической действительности. Прежней Центральной Европе не чужд был расизм, национализм, бездушный формализм и бюрократия, «грешила» она и увлечением коммунистической утопией. Но первые шаги на пути «снятия чар» с прошлого уже, по его словам, сделаны. На страницах пражского подпольного журнала «*Středni Evropa*» начались горячие дебаты между католическими и протестантскими интеллектуалами, касающиеся наследия Габсбургской империи и Первой республики.

В новой, культурологической версии идея Центральной Европы возродилась также в Германии. Упомянутый выше Карл Шлэгель высказался за нее как за антиполитический проект. В его работе *Mittleuropa* определяется через «культурную гомогенность, которой всегда угрожало различие в национальностях»⁷¹. Теперь представился случай, чтобы покончить с такого рода конфликтами и попробовать восстановить разорванные нити культурных связей. Это одновременно подходящий момент для немцев, чтобы вернуть себе утраченную часть центральноевропейской идентичности. Немецкая культура является необходимой составляющей для всех участвующих в формировании региона. Поэтому можно считать, что предложения Карла Шлэгеля являются дополнением концепции Конрада Кундеры, Милоша и др. Карл Шлэгель утверждает, что без немецкой составляющей концепция Центральной Европы будет незаконченным творением, лишенным исторических корней. Но подталкиваемая движением к общей культурной идентичности, эта идея сможет преодолеть границы политических разделов.

Центральная Европа – Европа?

Наконец наступил *annus mirabilis* 1989, хотя он и не был определяющим моментом в развитии интересующей нас идеи. Скорее, наоборот. Пожалуй, можно даже утверждать, что с этого времени идея *Central Europe* обрела образ светской

культурной идеи (даже слегка апатичный), политическая судьба которой совершенно невнятна. «Региональная» солидарность интеллектуалов утихла вместе с исчезновением прежнего желания завязать диалог. Мария Тодорова приводит пример журнала «Восток-Восток» («East-East»), который начал издаваться в 1989 г. с целью обсуждения проблем посткоммунистических обществ Центрально-Восточной Европы. По замыслу журнал в конечном итоге должен был выходить во всех странах региона. Однако, несмотря на то что в этом начинании приняло участие несколько десятков известных польских, чешских, румынских и болгарских интеллектуалов, инициатива не была поддержана, и проект реализовался только в Болгарии. «Остальные не желали участвовать в диалоге с Востоком, поскольку на самом деле не хотели иметь дело с Востоком»⁷².

И это достаточно понятно, потому что на политическом небосклоне появились новые «звезды»: Европейский союз и НАТО. Командная игра закончилась, начались споры, кто более «центральноевропейский» или просто «европейский». Одни «возвращались в Европу», под которой понимался прежде всего Европейский союз⁷³, другие утверждали, что никогда ее и не покидали. Вацлав Гавел считал, что НАТО не может быть открытым для кого бы то ни было, а стабильные границы Чехии, Венгрии, Польши, Словакии, Австрии и Словении – это ключевой вопрос европейской безопасности. Эш, Мертез и Муаси также прагматически декларировали, что Европейский союз не в состоянии принять всех сразу. «Польша, Венгрия и Чехословакия являются не только самыми близкими в географическом, историческом и культурном плане, но также и в достижениях, которых они добились, двигаясь к демократии, верховенству права и рыночной экономике»⁷⁴.

Первой попыткой создания политического регионального сообщества, основанного на идее Центральной Европы, была *Вышеградская группа*, возникшая по инициативе Тадеуша Мазовецкого, озвученной осенью 1989 г. (ее сразу же поддержал Вацлав Гавел). Она оформилась и получила свое название в феврале 1991 г. после встречи президентов Польши и Чехословакии (Леха Валенсы и Вацлава Гавела) с венгерским премьером Жозефом Анталлем, которая состоялась в Вышеградском замке, расположенном на севере Венгрии вблизи Эштергома. Свободный союз государств Вышеградской группы претворил в жизнь идею «малого варианта» Центральной Европы. С той поры представители правительств высокого ранга (после разделения Чехословакии в эту группу вошла и Словакия) организуют неформальные встречи⁷⁵. С 1993 г., вследствие интеграции в западные структуры, значение этой группы падает. Похоже, что наиболее ощутимым результатом деятельности Вышеградской группы является CEFTA (Central European Free Trade Association), к которой со временем присоединились другие страны региона, и в первую очередь Словения⁷⁶.

«Большой вариант» был воплощен в *Центрально-Европейской инициативе* (ЦЕИ). 10 и 11 ноября 1989 г. в Будапеште встретились министры иностранных дел Австрии, Венгрии, Италии и Югославии, которые согласились интенсифициро-

вать сотрудничество. На момент создания эта группа была достаточно необычной, учитывая, что ее формировали Италия, входившая в НАТО, нейтральная Австрия, участница Варшавского договора Венгрия, а также обычно ни к кому «не присоединяющаяся» Югославия. Первоначально называемая *quadralongare*, ЦЕИ постепенно разрасталась: в мае 1990 г. в ее ряды была принята Чехословакия, в июне 1991 г. – Польша. На сегодняшний день группа объединяет 16 участников, среди которых нашлось место даже Беларуси, Албании, Македонии и Молдавии. (Федеративная Республика Югославия в ноябре 1991 г. исключена из ЦЕИ.) Президенты стран-участниц встречаются один или два раза в год, чтобы в так называемых беседах «у камина» обсуждать будущее Европы. Однако этим встречам, осмеянным некогда как «президентский клуб болтунов», недостает взаимопонимания, о чем свидетельствуют хотя бы постоянные проблемы с включением в повестку дня вопросов о национальных меньшинствах⁷⁷.

Естественно, рано или поздно, но должен был встать вопрос: приносят ли обе инициативы реальный результат?

Без сомнения, Вышеградская группа и ЦЕИ не стали проектами большого политического формата, они способствуют лишь достижению взаимопонимания между несколькими государствами в решении проблем далеко не первостепенной важности. Трудно также говорить о ЦЕИ и Вышеградской группе как о точках соотношения для формирования идентичности на региональном (наднациональном) уровне. Как раз наоборот, многое указывает на то, что за это время усилилось чувство национальной принадлежности, которое подчас даже принимает агрессивную форму. Несомненно, политическое влияние этих групп не очень велико и оно не может сравниться с влиянием Европейского союза. Хотя в Польше Вышеградская группа достаточно известна, поскольку в прессе и на телевидении освещаются официальные встречи, однако этим событиям не придается особого значения и они не вызывают дискуссий. Обычно это информация второго плана, которую затмевают новости из Брюсселя. Доступным источником актуальных проблем широко понимаемой Центральной Европы является выходящая раз в две недели в «Газете Выборчей» *Центральноевропейская Газета*. Ее совместно редактируют коллективы «Газеты Выборчей», чешских «Лидовых Новин», словацкого «СМЕ» и венгерской «Непшавы».

Боязнь потери вновь обретенной независимости и мышление старыми геополитическими схемами, согласно которым необходимо было создание некоего политического пространства между Западной Европой и Россией, привели к тому, что в начале 90-х гг. был форсирован проект создания центральноевропейского сообщества. Идея Центральной Европы тогда активно обсуждалась во всех политических салонах (ее упоминали даже королева Елизавета II и американский госсекретарь Мадлен Олбрайт). Ничем иным, кроме как старым политическим мышлением, не объяснить, что Генри Киссинджер во время своего пребывания в Варшаве летом 1990 г. заявил: «Я рад, что нахожусь в Восточной Европе, то есть, я хотел сказать, в

Центральной». И в течение всего выступления повторял: «Восточная Европа, то есть, я хотел сказать, Центральная»⁷⁸. Лорд Робертсон, политический руководитель НАТО, будучи в Варшаве, соизволил начать свою встречу с прессой словами (приводим их по памяти): «Я рад, что нахожусь в Москве». Вместе с тем тогда «к требованиям центральноевропейских лидеров относились очень серьезно, по крайней мере на уровне дипломатической номенклатуры»⁷⁹. Мария Тодорова, утверждая это, имела в виду отход от использования в вашингтонском Госдепартаменте определения Восточная Европа – с 1994 г. все соответствующие учреждения, согласно с довоенной традицией, вернулись к использованию названия Центральная Европа. Как заметил Тимоти Г. Эш: «Несмотря на то что люди в повседневном обиходе продолжают говорить о *Восточной Европе*, даже начинающий дипломат знает, что все посткоммунистическое пространство следует называть *Центрально-Восточной Европой*». И дальше добавляет: «Остается только один вопрос – где она?»⁸⁰. Кристиан Гернер утверждал, что «освобождение от *Rex Sovietica* в 1989–1990 гг. показало, что никогда не было никакой “Центральной Европы”», а Петер Ханак в свою очередь опубликовал горькое эссе на тему опасности преждевременного погребения идеи⁸¹.

Тем не менее успех «малого варианта» идеи Центральной Европы в политической сфере кажется бесспорным. Центральная Европа смогла сформироваться в сознании политических элит как отдельный регион. Со стороны членов Вышеградской группы это был сознательный шаг, посредством которого ее лидеры стремились отделиться от бывших советских стран-сателлитов, ассоциированных не только с ортодоксальной идеологией, но и с «балканским котлом» и нежеланием реформирования экономики в духе свободного рынка. Выступая перед польским Сеймом, Вацлав Гавел прямо утверждал: «У нас есть шанс превратить Центральную Европу из явления, которое было до этого историческим и духовным, в – политическое»⁸². Таким образом, прежний освободительный и культурный проект Центральной Европы в форме, предложенной Миланом Кундерой и его последователями, сменился политическим. Вместе с тем обособление Вышеградской группы повлекло за собой своеобразную дискриминацию. Все еще зависимые от восточного режима страны (братья по несчастью) оказались исключенными из гонки за приз, который назывался Европейский союз. Только лидеры головной группы имели шанс взойти на подиум⁸³. В контексте стремления стать членом Европейского союза эта стратегия, возможно, была правильной. Но вполне вероятно, что для проекта Центральной Европы она окажется катастрофической. Вхождение в Западную Европу, или просто – Европу (эта категория, к деконструкции которой мы апеллировали в начале статьи, по-прежнему остается весьма неопределенной), скорее всего станет причиной исчезновения Центральной Европы. Вряд ли Вышеградская группа сможет охватить пространство от Таллина, Риги и Вильнюса до Киева или широко распространиться в направлении Берлина, как предполагал Фридрих Нойман⁸⁴. Потому как нет на тех территориях ни исторических, ни современных традиций, связанных с этой идеей, в которые можно было бы вдохнуть жизнь. В этих странах актуальны

совсем иные понятия – «балтийская зона» или просто Западная Европа. Растворение «Центральной Европы» в «Европе» и инициированный экономическим расчетом процесс расширения Европейского союза на восток может подтвердить диагноз Марии Тодоровой: «Центральная Европа умерла»⁸⁵. Определенной надеждой для идеи Центральной Европы могла бы стать консолидация региона в рамках Европейского союза, но центральноевропейские политические элиты в этом пока не заинтересованы. Впрочем, разве можно запрограммировать или предусмотреть судьбу мифа?

Перевод с польского Натальи Гвоздиковой

Литература

- Ash T. G. Does Central Europe exist? // G. Schöpflin and N. Wood (eds.). In search...
Ash T.G. Historia na gorąco / tłum. J. Piątkowska. Kraków: Znak, 2000.
Ash T.G., Mertes M., Moisi D. Let the East Europeans In! // New York Review of Books. Vol.38. No.17, 24 Oct., 1991.
Brechtfeld J. Mitteleuropa and German politics, 1848 to the present. New York: St. Martin's Press, 1996.
Brzechczyn K. Odrębność historyczna Europy Środkowej. Poznań: Humaniora, 1998.
Bunce V. The Visegrad group: regional cooperation and European integration in post-communist Europe // P. Katzenstein (ed.). Mitteleuropa: between Europe and Germany. Providence: Berghahn Books, 1997.
Buchowski M. European mutual perceptions in the making // European University-Viadrina (ed.). Understanding an enlarged Europe. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000.
Delanty G. Odkrywanie Europy. Idea, tożsamość rzeczywistość / tłum. R. Włodek. Warszawa: PWN, 1999.
Eberhardt P. Między Rosją a Niemcami. Przemiany narodowościowe w Europie Środkowo-Wschodniej w XX wieku. Warszawa: PWN, 1996.
Fiut A. Być(albo nie być) Środkoeuropejczykiem. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1999.
Fischer E. The passing of Mitteleuropa // W. G. East and A. E. Moodie. The changing world – studies in political geography. 1956.
Judt T. Wielkie złudzenie? Esej o Europie / tłum. R. Włodek. Warszawa: PWN, 1998.
Kann A. The Multinational empire: nationalism and national reform in the Habsburg monarchy 1848-1912. Vol. 2. Empire reform. New York, 1964.
Kłoczowski J. Historia Europy Środkowo-Wschodniej. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2000.
Konrád G. Antipolitik: Mitteleuropäische Mediationen. Frankfurt/M: Luchterhand, 1985.
Krouťvor J. Europa Środkowa: anegdota i historia // J. Baluch (red.). Kraków: Universitas, 2001.
Kundera M. The tragedy of Central Europe // New York Review of Books. Vol. 31. No. 7. 26 April. 1984.
Lagarde P. de. Deutsche Schrifften. Vol. 1. Stuttgart: Alfred Kröner, 1933.
Lavigne M. The backyard of western Europe // C. Lord (ed.). Central Europe...
List F. The national system of political economy. New York: Longman, 1904 [1841].

- Lord C. (ed.). *Central Europe: core or periphery?* Copenhagen: Copenhagen Business School Press, 2000.
- Łukaszów J. (T. Olszański). *Międzymorze – czym jest, czym może być // Międzymorze. N 2-3/3-4. S. 32–33* (Warszawa 1988).
- Meyer H. C. *Mittleeuropa in German thought and practice 1815-1945*. The Hague: Martinus Nijhof, 1955.
- Miłosz Cz. *Central European attitudes // G. Schöpflin and N. Wood (eds.). In search of...*
- Mutton A. F. A. *Central Europe. A regional and human geography*. London: Longmans, 1961.
- Namier L. *1848: the revolution of the intellectuals*. London: The Raleigh Lecture, 1946.
- Naumann F. *Central Europe / tłum. C. M. Meredith*. London: P.S. King and Son, 1916 [1915].
- Neumann I. B. *Russia as Central Europe's constituting other // East European Politics and Societies. Vol. 7. No.2. (Spring 1933)*.
- Neumann I. B. *Forgetting the Central Europe of the 1980s // C. Lord (ed.). Central Europe...*
- Okey R. *Central Europe/Eastern Europe: behind the definitions // Past and Present. Vol. 137 (1992). P. 102–133*.
- Robotycki Cz. *Nie wszystko jest oczywiste*. Kraków: Universitas, 1998.
- Rüb M. *Gdzie leży Europa Środkowa? // Kafka. 1. (2001)*.
- Said E. *Orientalizm / tłum. W. Kalinowski*. Warszawa: PIW, 1991.
- Schlögel K. *Die Mitte liegt ostwärts: Die Deutschen, der verlorene osten und Mitteleuropa*. Berlin: Corso bei Siedler, 1986.
- Schöpflin G. and Wood N. (eds.). *In search of of Central Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Schwarz E. *Central Europe – what it is and what it is not // G. Schöpflin and N. Wood (eds.). In search of...*
- Seton-Watson H. *What is Europe, where is Europe? From mystique to politique // G. Schöpflin and N. Wood (eds.). In search of...*
- Šimečka M. *Which way back to Europe? (Replay to Mihaly Vajda) // G. Schöpflin and N. Wood (eds.). In search of...*
- Sinnhuber K. A. *Central Europe, Mitteleuropa, Europe Centrale // Transactions of the Institute of British Geographers. Vol. 20. 1954*.
- Stirk P. M. R. *Introduction: the idea of Mitteleuropa // P. Stirk. Mitteleuropa: history and prospects*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994.
- Szücs J. *Trzy Europy*. Lublin: Instytut Środkowo-Europejski, 1995.
- Todorova M. *Imagining the Balkans*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Todorova M. *Isn't Central Europe dead? A response to Iver Neumann's 'Forgetting the Central Europe of the 1980s // C. Lord (ed.). Central Europe...*
- Seton-Watson H. and C. *The making of a new Europe: R. W. Seton-Watson and the last years of Austria-Hungary*. London, 1981.
- Wirsing G. *Zwischeneuropa und die deutsche Zukunft*. Jena: Eugen Diederichs, 1932.
- Wolff L. *Inventing Eastern Europe: the map of civilization on the mind of Enlightenment*, Stanford: Stanford University Press, 1994.

Примечания

- ¹ Todorowa M. *Imagining the Balkans*. Oxford: Oxford University Press 1997. *Imagology* – это термин, который М. Тодорова использует в выдающемся исследовании на тему «изобретения» и воображения Балкан в разного рода дискурсах. «Имагология, – пишет она, – занимается литературными воображениями о других» (с. 7).
- ² По: Rüb M. *Gdzie leży Europa Środkowa?* // *Kafka*. 1 (2001). S. 14.
- ³ Sinnhuber K. A. *Central Europe – Mitteleuropa – Europe Centrale* // *Transactions and Papers. the Institute of British Geographers*. No. 20. London: George Philip 1954. P. 15–39; См. также: Okey R. *Central Europe/Eastern Europe: behind the definitions* // *Past and Present*. Vol. 137. P. 102–133; Brechtfeld Jörg. *Mitteleuropa and German politics, 1848 to the present*. New York: St. Martin's Press, 1996. P. 98. Здесь не к месту будет приводить определения Центральной Европы из всех работ, в названии которых встречается это словосочетание и которые начинаются словами вроде: «Эта книга о Центральной Европе, или таких странах, как...»
- ⁴ Хотя *Mitteleuropa* – это, конечно, немецкое понятие, но, учитывая его распространенность и знакомость, мы позволяем себе склонять это слово по падежам, как и польские слова.
- ⁵ Ash T. G. *Historia na gorąco* / tłum. J. Piątkowska. Kraków: Znak 2000. S. 418.
- ⁶ Judt T. *Wielkie złudzenie? Esej o Europie* / tłum. R. Włodek. Warszawa: PWN. S. 38. Видимо, это высказывание принадлежит к арсеналу дежурных клише, которые используются в научном и журналистском фольклоре. В другом месте можно прочитать, что якобы Меттерних сказал «Балканы начинаются с восточных городских ворот Вены» (Fischer E. *The passing of Mitteleuropa* // W. G. East and A. E. Moodie. *The changing world – studies in political geography 1956* // A. F. A. Mutton. *Central Europe. A regional and human geography*. London: Longmans 1961. P. 6).
- ⁷ Kusy M. *We, Central-European East Europeans* // G. Schöpflin and N. Wood (eds.). *In search of Central Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- ⁸ По: Wolff L. *Inventing Eastern Europe: the map of civilization on the mind of Enlightenment*. Stanford: Stanford University Press 1994. P. 371.
- ⁹ Последнюю точку в книге поставят арабские террористы, когда направят пассажирские самолеты на Всемирный Торговый Центр в Нью-Йорке и на Пентагон в Вашингтоне (11 сентября 2001 г.). Любопытно, в каком направлении разовьется потенциальная «арабофобия» после этих трагических происшествий?
- ¹⁰ Said E. *1991 Orientalism* / tłum. W. Kalinowski. Warszawa: PIW. S. 31.
- ¹¹ Только часть из них находит свое отражение в библиографии.
- ¹² Delanty G. *Odkrywanie Europy. Idea, tożsamość, rzeczywistość* / tłum. R. Włodek. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe – PWN 1999. S. 133.
- ¹³ Krouťvor J. *Europa Środkowa: anegdota i historia* // J. Baluch (red.). Kraków: Universitas, 2001.
- ¹⁴ Brechtfeld J. *Mitteleuropa...* *Op. cit.* P. 12.
- ¹⁵ List F. *The national system of political economy*. New York: Longman 1904 [1841]. Ср.: Neumann I. B. *Forgetting the Central Europe of the 1980s* // C. Lord (ed.). *Central Europe: core or periphery?* Copenhagen: Copenhagen Business School Press, 2000. S. 208. Поэтому Деланти ошибается, когда пишет, что Лист популяризировал идею Партша (Delanty G. *Odkrywanie...* *Op. cit.* S. 135), скорее – наоборот. См. также прим. 15.

- ¹⁶ Delanty G. Odkrywanie... Op. cit. S. 135. Деланти пользуется здесь информацией, почерпнутой у Г. Майера (Mitteleuropa in German Thought and Practice 1815-1945. The Hague: Martinus Nijhof, 1955. P. 13).
- ¹⁷ Brechtefeld J. Mitteleuropa... Op. cit. P. 12.
- ¹⁸ Ср.: Brechtefeld J. Mitteleuropa... Op. cit. P. 19–24.
- ¹⁹ По: Rüb M. Gdzie... Op. cit. P. 15.
- ²⁰ Namier L. 1848: the revolution of the intellectuals. London: The Raleigh Lecture, 1946. P. 88.
- ²¹ Lagarde P. de. Deutsche Schriften. Stuttgart: Alfred Kröner, 1933. S. 34–36.
- ²² Ibid. S. 83.
- ²³ Partsch J. Mitteleuropa. Gotha: J. Parthes, 1904. Мы пользуемся здесь изданием на английском языке: Central Europe / tłum. C. Black. New York: D. Appleton and Company, 1903. Как видно, американское издание вышло в свет раньше, чем немецкое. Парш, кстати, профессор Университета Бреслау, закончил свою работу, как утверждается в «Предисловии» к английскому изданию, в сентябре 1899 года (с. IX).
- ²⁴ Partsch J. Central... Op. cit. Map 1. 'Central Europe', frontispiece. Сравн. также: Todorova M. Imagining... Op. cit. P. 150, где подчеркивается, что Турция и Греция не упоминаются в этой концепции.
- ²⁵ Partsch J. Central... Op. cit. P. 141.
- ²⁶ Ibid. P. 142.
- ²⁷ Schwarz E. Central Europe – what it is and what it is not // G. Schöpflin and N. Wood (eds.). In search of... Op. cit. S. 198.
- ²⁸ Naumann F. Mitteleuropa. Berlin: Georg Reimer, 1916. Пользуемся английским переводом этого произведения: Central Europe / tłum. C. M. Meredith. London: P. S. King & Son 1916. P. 1.
- ²⁹ Naumann F. Central... Op. cit. P. 287.
- ³⁰ Ibid. P. 34.
- ³¹ Ibid. P. 13.
- ³² Robotycki Cz. Nie wszystko jest oczywiste. Kraków: Universitas 1998. S. 23.
- ³³ Naumann F. Central... Op. cit. P. 3.
- ³⁴ Ibid. P. 108.
- ³⁵ Ibid. P. 67.
- ³⁶ Schwarz E. Central... Op. cit. S. 146.
- ³⁷ Nauman F. Central... Op. cit. P. 109.
- ³⁸ Ibid. P. 110.
- ³⁹ Schlögel K. Die Mitte liegt ostwärts: Die Deutschen, der verlorene osten und Mitteleuropa. Berlin: Corso bei Siedler, 1986.
- ⁴⁰ Schwarz E. Central... Op. cit. S. 147.
- ⁴¹ Rüb M. Gdzie... Op. cit. S. 16.
- ⁴² По вопросу взглядов Реннера см.: Kann A. The Multinational empire: nationalism and national reform in the Habsburg monarchy 1848-1912. Vol. 2. Empire reform. New York. 1964. P. 157–167.
- ⁴³ Delanty G. Odkrywanie... Op. cit. S. 136.
- ⁴⁴ Ibid. S. 138.
- ⁴⁵ Rüb M. Gdzie... Op. cit. S. 16.
- ⁴⁶ Wirsing G. Zwischeneuropa und die deutsche Zukunft. Jena: Eugen Diederichs, 1932.
- ⁴⁷ Brechtefeld J. Mitteleuropa... P. 61–65.
- ⁴⁸ См.: Robotycki Cz. Nie wszystko... Op. cit.

- ⁴⁹ Ср.: Stirk P. M. R. Introduction: the idea of Mitteleuropa // P. Stirk. Mitteleuropa: history and prospects. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994. P. 21.
- ⁵⁰ Schwarz E. Central... Op. cit. S. 149.
- ⁵¹ Seton-Watson H. and C. The making of a new Europe: R. W. Seton-Watson and the last years of Austria-Hungary. London 1981. P. 179 // Stirk P. M. R. Introduction... Op. cit. P. 14.
- ⁵² В то время воспринимались как единая нация; теперь, после балканских войн 90-х гг. уже минувшего столетия, никто бы не рискнул использовать название «сербо-хорваты», когда как чувство этнического различия стало так драматично и явно выражено.
- ⁵³ Eberhardt P. Między Rosją a Niemcami. Przemiany narodowościowe w Europie Środkowo-Wschodniej w XX w. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1996. S. 17. По причине изобилия литературы, касающейся концепции Межморья в польской историографии, этот сюжет здесь мы не будем развивать.
- ⁵⁴ Robotycki Cz. Nie wszystko... Op. cit. S. 24.
- ⁵⁵ Некоторые авторы, напр. J. Kłoczowski (red.), Historia Europy Środkowo-Wschodniej, t. 1, Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej 2000; см. также подзаголовок и «Введение» цитируемой книги Эберхардта. Многие считают формулировку Центрально-Восточная Европа более адекватной, чем Центральная Европа. Интересно, название люблинского Института Центрально-Восточной Европы и созданной при Европейском университете Виадрина во Франкфурте-на-Одере Кафедры сравнительных Центрально-Европейских исследований (локализованной в Collegium Polonicum в Слублице) это вопрос перспективы, определенной географическим положением, или же воля случая?
- ⁵⁶ Eberhardt P. Między... Op. cit. S. 21; упоминаемый J. Łukaszów (T. Olszański) (Międzymorze – czym jest, czym może być // Miedzymorze. Nr 2-3/3-4. S. 32–33 (Warszawa 1988)).
- ⁵⁷ Kundera M. The tragedy of Central Europe // New York Review of Books. Vol. 31. No. 7. 26 April 1984. P. 33–38. Первый раз статья появилась в журнале *Le Débat* под названием ‘Un occident kidnappé’.
- ⁵⁸ Здесь неуместно обсуждение этих аргументов, выходящих за рамки эссе Кундеры. Мы лишь заметим, что Центральная Европа трактовалась Кундерой как близкая Западной Европе, где действовал принцип разделения властей – в противоположность российской склонности к единовластию. В Центральной Европе рано появилась частная собственность, крестьянство не было слишком сильно привязано к земле, а шляхта всегда играла важную роль в государстве. Россия – это страна тяжелой феодальной повинности и автократической власти царя. Россия реже заселена и широко распространена, поэтому там сформировались другие модели организации, управления и сообщения. Мещанство и купцы были иностранного происхождения, и поэтому никогда не играли значительной роли. Церковь тоже не была автономной, а подчиненной политической власти. Интеллигенция чуждалась общества, пренебрегала Западом и имела влечение к мессианству (ср.: Schöpflin G. and Wood N. In search of Central Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1989). Добавим, что для многих историков раньше всегда существовали «объективно данные» факты, образующие по крайней мере три региона в Европе: Восток, Центр и Запад. Поэтому работа исследователя в то время заключалась лишь в скрупулезном указании на эти «факты» и проведении «очевидных» линий раздела. По этому вопросу смот-

- рите хотя бы: Brzechczyn K. Odrębność historyczna Europy Środkowej. Poznań: Humaniora, 1998.
- ⁵⁹ Šimečka M. Which way back to Europe? (Replay to Mihaly Vajda) // G. Schöpflin and N. Wood (eds.). In search of... Op. cit. S. 175.
- ⁶⁰ Neumann I. B. Russia as Central Europe's constituting other // East European Politics and Societies. Vol. 7(2) (Spring 1933). P. 357–358.
- ⁶¹ Значительная часть материалов на эту тему была собрана в цитируемом сборнике под редакцией Г. Шепфлина и Н. Вуда (In search... Op. cit.). Стоит также обратить особое внимание на эссе: Szüsc J. Trzy Europy. Lublin: Instytut Środkowo-Europejski.
- ⁶² Вспомним возникновение КОР (Комитет защиты рабочих), Хартии 77, призывы ксендза Ежи Попелюшки и инициативы Клубов Речи Посполитой времен Первой Солидарности.
- ⁶³ В: Ash T. G. Does Central Europe Exist? // G. Schopflin and N.Wood. In search of... Op. cit. P. 194.
- ⁶⁴ Ibid.
- ⁶⁵ Konrád G. Antipolitik: Mitteleuropäische Mediationen. Frankfurt/M: Luchterhand, 1985. S. 92.
- ⁶⁶ Miłosz Cz. Central European attitudes // G. Schöpflin and N. Wood (eds.). In search of... Op. cit. S. 116.
- ⁶⁷ Ibid.
- ⁶⁸ Ср.: Fiut A. Być(albo nie być) Środkowoeuropejczykiem. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1999. S. 16.
- ⁶⁹ Ash T. G. Does... Op. cit. P. 214.
- ⁷⁰ Ibid. P. 196.
- ⁷¹ Schlögel K. Die Mitte... Op. cit. P. 17.
- ⁷² Todorova M. Imagining... Op. cit. P. 155.
- ⁷³ Ash T.G., Mertes M., Moisi D. Let the East Europeans In! // New York Review of Books. Vol.38. No.17. Oct. 1991. P. 24.
- ⁷⁴ Ibid.
- ⁷⁵ Ср.: Bunce V. The Visegrad group: regional cooperation and European integration in post-communist Europe // P. Katzenstein (ed.). Mitteleuropa: between Europe and Germany. Providence: Berghahn Books, 1997. P. 243–255.
- ⁷⁶ Ibid. P. 253; Lavigne M. The backyard of western Europe // C. Lord (ed.). Central Europe... Op. cit. P. 106–111.
- ⁷⁷ Rüb M. Gdzie... Op. cit. S. 18.
- ⁷⁸ Ash T. G. Historia na gorąco! J. Piątkowska. Kraków: Znak, 2000. S. 417.
- ⁷⁹ Todorova M. Imagining... Op. cit. P. 141.
- ⁸⁰ Ash T. G. Historia... Op. cit. P. 417–418.
- ⁸¹ См.: Todorova M. Imagining... P. 155.
- ⁸² Havel V. President Václav Havel speech to the Polish Sejm and Senate. January 21, 1990 // East European Reporter 4. No. 2. 1990.
- ⁸³ Ср.: Buchowski M. European putual perceptions in the making // European University-Viadrina (ed.). Understanding an enlarged Europe. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000, P. 76–89.
- ⁸⁴ Neumann I. B. Forgetting the Central Europe of the 1980s // C. Lord (ed.). Central... P. 218.
- ⁸⁵ Todorova M. Isn't Central Europe dead? A response to Iver Neumann's 'Forgetting the Central Europe of the 1980s // C. Lord (ed.) Central Europe... Op. cit. P. 231.

МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТЬ И ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ЕВРОПЕЙСКОЙ МОДЕРНОСТИ

Призрак мультикультурализма

Новый призрак бродит по Европе – призрак мультикультурализма. Аргументы за и против него пока во многом случайны и почти всегда «сиюминутны», он еще ждет и своего Маркса, и своего анти-Маркса. Но он уже здесь. И одним из его эффектов стало перемещение Центрально-Восточной Европы в фокус общеевропейского интереса.

Если посмотреть на большие западноевропейские города конца XX в. в сравнении с большими восточноевропейскими городами конца XIX в., то мы получим впечатление просмотра очень похожих видеозаписей. Во второй половине XIX в. нынешние столицы восточноевропейских национальных государств, от Хельсинки до Софии, имели культурный/лингвистический и/или этнический характер, весьма отличный от современного¹. Они были мультикультурными, и часто доминирующее в языковом отношении городское сообщество отличалось от аналогичного сообщества в сельской местности и от современного *Staatsvolk*. Последовавший затем период этнических трансформаций и гомогенизации изменил многие традиционно мультикультурные города от Фессалоника/Селаника/Солуни до Виборга/Выборга/Виипури (через Гданьск/Данциг).

Спустя некоторое время после процесса культурной унификации на Востоке, завершившегося к 1950 г., начался процесс дифференциации на Западе. В 1990 г. приблизительно от одной трети до половины детей школьного возраста в крупных городах, таких как Амстердам, Брюссель, Франкфурт, Париж, имели иммигрантское происхождение. Пятую часть населения Большого Лондона составляли «цветные». Короче говоря, большие

города Центрально-Восточной Европы конца XIX в. напоминали большие западно-европейские города конца века нынешнего.

Культурные дифференциации последнего времени дали начало новому «изму» – мультикультурализму, бросившему радикальный вызов модерности. Как артикулированная концепция этот новый вызов первоначально возник в Новом Свете, но как социальный феномен он существовал и прежде. Мультикультурализм обосновывает утверждение различий, обычно (но не обязательно) имеющих корни в прошлом. Он свидетельствует о замораживании или растворении истории во вне-временной мозаике: или в неподвижно домодерной, или в текучей постмодерной. Кто я есть или ваша оценка того, кто я есть, имеет большее значение, нежели то, что я хочу делать или чего хочу добиться.

Как уже отмечалось, мультикультурализм – это вызов европейской модерности, поскольку национализм в Европе, в отличие от других регионов мира, обычно основывался на идее одной культуры, одной нации и одного государства. Исключений из этого правила, не совпадавших с вышеозначенным идеалом, было немного, и каждое имело свою специфику. Швейцария и Нидерланды, остатки старинного Пояса Городов Центральной Европы, *de facto* были мультикультурными, но сохраняться таковыми им удавалось, по крайней мере до последнего времени, благодаря сегрегации и религиозно-идеологической «сегментации» (*verzuiling*) в Нидерландах и чрезвычайно широкой кантональной автономии и строгим ограничениям локальных передвижений в Швейцарии. Межвоенная Югославия оказалась мультикультурной неудачей (подобной Швейцарии XIX в.) – о чем свидетельствует большое количество внутренних войн. Ленинистский СССР и титоистская Югославия были явно мультикультурными современными государствами, причем относительно успешными. Но первый уступил сталинскому великороссиюству, а югославская конструкция выявилась настолько непрочной, что пережила своего создателя всего лишь на десять лет.

Однако будем иметь в виду, что «изм» (идеологию постоянных различий) необходимо отличать от мультикультурности как способности. Под мультикультурностью я понимаю способность учиться, познавать, иметь отношение к различным языкам, религиям, стилям жизни, мировоззрениям – одним словом, способность государств (и всяких иных сообществ) соединять в себе различные культуры. Мультикультурность (как сосуществование нескольких культур) может быть домодерной, современной и постмодерной. Это часть того, что еще недавно называли рефлексивной модерностью. Серьезный интерес к другим культурам, к их языкам, песням и обычаям был результатом Просвещения.

Мультикультурный или интернационалистически настроенный интеллект (или политический деятель), которому доверено строительство нового будущего, – это действительно один из архетипов модерности. Классическое рабочее движение в Центрально-Восточной Европе, особенно австрийское и российское, открыто интегрировало в свой проект будущего многонациональную мультикуль-

турность². Многоязычная революционная интеллигенция Центрально-Восточной Европы была авангардом в этой области.

Тематика представленной работы полифонична: значение мультикультурализма, его отношение к модерности, место Центрально-Восточной Европы в европейской модерности. Учитывая ограниченность времени и пространства, основные вехи будут намечены, но не закреплены, и поле в значительной степени останется невспаханным.

Модерность и инкультурация

Отношения культуры, с одной стороны, и домодерной и современной истории, с другой, – многомерны. Мы можем расчленить культуру на три фундаментальных компонента: идентичность, узнавание и оценка (последнюю мы также можем расчленить на ценности, нормы и эмоции).

Домодерные государства мало интересовались культурой своих субъектов до тех пор, пока они демонстрировали лояльность. Социальные идентичности были множественны и определялись в основном рангами в социальной иерархии, которые признавались всеми, – что не исключало конфликтов и обид. Короче говоря, домодерные государства не уделяли особого внимания идентификации своих субъектов. Они заботились лишь об обучении достижениям высокой культуры и специальным военным, религиозным и техническим навыкам. Господствовала неграмотность, и очень часто господствующий слой общества говорил на другом языке, нежели большинство населения. Для локальных норм было обычным (что зачастую открыто признавалось в качестве «законов земли») иметь большое количество королевских и/или религиозных норм и законов. У правителей не было серьезных причин беспокоиться о ценностных приоритетах субъектов их государств – за одним существенным исключением. Как правило, домодерные правители проявляли интерес к религиям населения, обычно запрещая те из них, что представлялись «неверными». Но терпимость к отклонениям не являлась редкостью, а среди мусульманских правителей была даже правилом.

В крупных государствах домодерного мира мультикультурность следует считать скорее нормой, нежели исключением. Она была продуктом двух культурных конфигураций, типичных для этой формы власти: иерархии и сегментации, а если точнее, то – длинные иерархии и свободно соединенные сегментации.

Приход или перспектива модерности в этом смысле подразумевали, что культура приобретает значение гораздо большее, нежели имела в прошлом. Культура становилась значимой в силу того, что будущее теперь могло быть выбрано или создано. Проблемы идентичности сделались актуальными, поскольку уже перестали быть очевидными ответы на вопросы: кто есть я/мы, представляющий/представшие перед будущим, моим/нашим будущим? Чем я/мы хочу/хотим стать? Коллективное становление требует коллективной идентичности.

Важным делается обучение, ибо новые времена означают, что возникли явления, которые должны быть изучены и переведены в новое знание. Чтобы достичь будущего, отличного от прошлого, необходимо выстроить это новое знание в определенную целостность. Ценности и нормы становятся объектами выбора, поэтому приобретает особое значение правильный выбор.

Таким образом, наступление модерности выводит культуру на первый план как для индивидуумов, так и для коллективов. Разумеется, коллективные будущности становятся доступными только современным гражданам, что напрямую воздействует на культурные конфигурации государств. Прежним длинным иерархиям и свободным сегментациям бросают вызов коллективные проекты будущего, которое представляется царством свободы и разума, национальной самореализации и развития, классовой эмансипации и много иного. Целые культуры индивидуализма, национализма, репрезентативной демократии, социализма или «X» образа жизни нападают на разбросанные культуры иерархических состояний и локальных сегментов, подавляют их или маргинализируют.

Устремление к созданию нового будущего склоняется к сочетанию с определенной унифицирующей культурной тенденцией, с множественностью всех современных проектов, как индивидуальных, так и коллективных³. Для гражданских обществ, наций, демократий и классов идентичности, образование и знания, нормы и ценности каждого имеют значение, потому что каждый, кто потенциально имеет отношение к будущему, – значим.

В условиях модерна мультикультурности свойственно делаться определенной особенностью индивида, вернее, его социальной характеристикой. Мультикультурность вырастает теперь из границ, разделяющих современные и домодерные культуры, например Трансильванию и Будапешт или Галицию и Вену в эпоху Габсбургов (колонизаторов и колонизируемых на других континентах). В современном постколониальном мире мультикультурность также дает начало сознательной культурной креолизации, комбинируя элементы различных культур в новых формах. Наиболее ярко это видно в постимперской англофонной литературе и в африканской и арабской популярной музыке.

С другой стороны, мультикультурализм как «изм» относится либо к программе, либо к преобладающей в обществе концепции. Он может выражать современное устремление в будущее, рефлексивное над собственными условиями и границами и поэтому знающее о разнообразии модерностей и путей к ним. (Эта рефлексивность включает ностальгический мультикультурализм Йозефа Рота и многих других постгабсбургских писателей.)

Альтернативное и сегодня, пожалуй, самое распространенное понимание мультикультурализма склонно считать, что постмодернистская критика модерности или даже отказ от модерности и всех ее проектов будущего – это утверждение фрагментации самостей и обществ и конец исторического времени, имеющего линейное измерение. Мультикультурализм отгораживается от модерности, он действительно

антагонистичен ей, поскольку отказывается от любой ориентации на будущее, рост, развитие, эмансипацию, прогресс.

Недавний подъем мультикультурализма был прежде всего атакой на современные культурные конфигурации, особенно на концепции X-национального образа жизни, Y-национальной социальной модели и на «политику [классового] интереса». Но эти атаки сами по себе не были направлены против модерности – национальные, классовые или гражданские социальные проекты будущего были *de facto* лишь разоблачены, но не заменены мультикультуралистскими проектами прогресса и даже не противопоставлены как таковые⁴.

Однако в обоих случаях мультикультурализм – это прежде всего вызов классическим формам современной социальной мысли и политики и их социально-историческому анализу.

Европейские маршруты к модерности и через модерность

Я нахожу, что модерность в культурном смысле лучше всего определяется как *эпоха, обращенная в будущее*, при этом понимаемая как лучшая эпоха, нежели настоящая и прошлая, и тем отличная от них. Контраст между прошлым и будущим определяет современную «семантику времени»⁵ или составляет ее бинарный код. Настоящее «действительно в силу потенциальных возможностей будущего, как матрица будущего»⁶. Наступление модерности, таким образом, равнозначно открытию будущего: открытого будущего этого мира. Это открытие может быть эмпирически верифицировано/фальсифицировано относительно понятий знания, политики и других социальных отношений, к примеру искусства. Как таковое оно связано с развитием идеи прогресса и накопления знаний⁷, с Просвещением и раскрытием временных горизонтов⁸, с возвещением социальной эволюции⁹, с потерей прежних, в том числе этимологических и ретроспективных, значений реформ и революций, которые теперь превращаются в ключи к будущему¹⁰.

Вторая половина XVIII в. выступает как период окончательной победы модерности в Западной Европе, которая начиналась еще в XVII в. различными авангардными прорывами, такими как взгляды Фрэнсиса Бэкона и французская эстетическая *querelle des anciens et des modernes* (в конце этого столетия). Стремительный рост торговли, подъем промышленности, крупные научные достижения, Французская революция составляют, вне всякого сомнения, фон этих перемен. Между прочим заметим, что Ренессанс и Реформация, при всем своем творческом характере, обращали взоры к прошлому – в «золотой век».

Пути к модерности были очень разными. В качестве отправной точки мы возьмем глобальное различие четырех главных маршрутов к модерности и через модерность, выявленных в процессе исследования развития политических прав эпохи модерна¹¹.

Различие начинается с распределения сил: за модерность или против нее, за прогресс или за старые обычаи, за новое знание или за мудрость древних текстов. В случае Европы обе противостоящие силы были внутреннего происхождения, эндогенными. Культурную эндогенность наступления европейской модерности нужно отличать от внешней экспансии, разграбления заморских территорий и примитивного накопления, которые сопровождали наступление модерности в Европе и воздействовали на внутренний баланс европейских сил.

Эндогенностью модерности в Европе объясняется особая европейская разновидность революций – *гражданская война* за или против (тех или иных форм) модерности. Из-за культурной и политической взаимосвязанности системы европейских государств эти гражданские войны могли также принимать форму межгосударственных идеологических войн, таких как войны, последовавшие за Французской революцией, или война между фашистской и антифашистской коалициями 1939–1945 гг., предпосылки для которой созрели еще в 1930-е гг.

Некоторые направления европейского пути к модерности основывались на различных доктринальных «измах», от легитимизма и абсолютизма до социализма и коммунизма через национализм, ультрамонтанизм и либерализм. Эти внутренние расколы Европы или берут начало в *классовых* конфликтах, или перемежаются с ними. И сейчас еще продолжаются дебаты по поводу классового происхождения великих европейских революций¹², вместо того чтобы говорить о содержании и последствиях классового конфликта. Класс – понятие, связанное с внутренним разделением, и его важность для европейской модерности следует как из внутриевропейских расколов «за» и «против» модерности, так и из относительной слабости родовых связей. Позже классы сохранились благодаря тому уникальному значению, которое приобрел в процессе прохождения Европы через модерность индустриальный капитализм и его поляризованное разделение труда.

Другой образец – Новый Свет, порождение заморских миграций на заре европейской модерности, представленный прежде всего, но не исключительно, Америками – Северной и Южной. Здесь противники модерности первоначально были на другом берегу океана – в Великобритании (в случае США) или на Пиренейском полуострове (в случае Латинской Америки), – хотя местные модернисты широко заимствовали и европейские достижения. Важнейшими проблемами модерности оказались прежде всего классовые и расовые вопросы, а также вопросы современного дискурса о правах. Проистекавшие из этого политические расколы были в идеологическом плане прагматичными или синкретичными, а в социально-экономическом плане – неопределенными. Поэтому борьба, например, в сфере отношений между полами или различными поколениями здесь была менее принципиальной, менее жесткой и менее явной, нежели в Европе¹³.

Третий маршрут к модерности и через нее – это маршрут *Колониальной Зоны*, простиравшейся от Северо-Западной Африки до Папуа – Новой Гвинеи и юга Тихого океана. В Колониальную Зону модерность пришла извне (из оружейных ство-

лов), в то время как сопротивление модерности было внутренним и в конце концов оказалось подавленным. Позже колониальная модерность повлекла за собой аккультурацию части колонизированного населения, усвоение им главных идей колонизаторов – народного суверенитета, национального самоопределения, социально-экономического развития – и обращение этих идей против колонизаторов и заморских хозяев. Это повлекло за собой, помимо всего прочего, глубокую культурную травму в этом регионе, которая выявила потенциал новых творческих комбинаций и стремление залечить эту травму через социальную фрагментацию и национальную борьбу.

Наконец, существовала четвертая группа – страны *Внешне Обусловленной Модернизации*, в которых, под угрозой со стороны новых имперских держав Европы и Америки, часть правящей элиты выборочно заимствовала отдельные достижения модерности, чтобы избежать колониального порабощения. Самый успешный пример – Япония. Здесь в процессе движения через модерность выделилась определенная часть домодерной элиты, которая делала не всегда успешные, но регулярные попытки соединить старые местные традиции с конкурентоспособными на мировом уровне институтами.

Эти четыре маршрута являются актуально существующими историческими траекториями. Их можно рассматривать также как веберовские «идеальные типы», с помощью которых в конкретных исторических событиях легко выявлять универсальные значения.

Мультикультурность и Центрально-Восточная Европа

Взглянуть на нечто хорошо знакомое с иной точки зрения – значит получить новый опыт. Часто это приводит к пересмотру даже самих базовых установок. Для типичного скандинава, хотя и интернационально ориентированного, попытка рассматривать Европу и европейскую модерность с точки зрения Центральной и Восточной Европы – это вызов, который я сделал с целью получения более ясной картины европейской социальной истории в целом.

Имеют ли Восточная и/или Центральная Европа какое-либо убедительное позитивное определение себя? Или их возможно охарактеризовать лишь в негативном смысле – как пограничный регион, буферную зону, коридор или промежуточное пространство между Азией и (Западной) Европой, между Россией и (Западной) Европой, между Римом и Византией или между Россией и Германией (а прежде – и Османской империей)? Короче – где определяющие границы и что лежит в их пределах?

Я не стану включаться в дебаты, которые пышным цветом цвели в последние годы коммунистической системы, о сущности Центральной Европы. Я хочу лишь напомнить читателю о номиналистском характере границ культурных пространств

и о том, насколько они зависят от исторически изменчивых концепций власти. В тех дебатах Тимоти Г. Эш дал очень точные характеристики некоторым сакральным мифам, вызванным к жизни Гавелом, Конрадом, Кундерой и др.¹⁴ Поэтому лишь три замечания на полях. Во-первых, ось Восток – Запад в европейских культурных разграничениях является относительно недавней и установилась только в XVIII в., так и не став доминирующей до его конца. В 1785 г. Россию и Польшу все еще называли «Северными королевствами Европы», наряду со Швецией и Данией, хотя потеря Швецией ее балтийских владений облегчила появление оси Восток – Запад наряду с давним измерением Север – Юг¹⁵.

Во-вторых, самими «центральноевропейцами» это пространство было идентифицировано еще позже. Лишь в XIX в. «панславизм», с его открыто пророссийской ориентацией, выявился главным интеллектуальным движением в Чехии и Словакии¹⁶, сильным было влияние «панславизма» и среди польской интеллигенции и аристократии¹⁷.

Наконец, неверно *a priori* исключать из Центральной Европы Германию, по крайней мере до 1918 г. Австро-германская концепция *Mitteleuropa* имела тогда серьезное значение независимо от оценок имперских режимов. Идея была подана габсбургским премьер-министром фон Шварценбергом в середине XIX в.¹⁸ и стала чрезвычайно популярной во время Первой мировой войны благодаря книге немецкого либерала Фридриха Наумана о реконструкции Центральной Европы, основанной на устойчивом союзе между империями Гогенцоллернов и Габсбургов.

С этими и, возможно, другими поправками я тоже сделаю попытку нанести Центральную Европу на карту европейского культурного пространства, но с учетом уже и иных факторов¹⁹. Важным вкладом в решение проблемы стали попытки, принятые в социальных науках, объяснить специфику XX в. через демократическую политическую систему или современную европейскую государственную систему.

Большинство как концептуальных работ, так и работ по частным вопросам дали региону между Россией и Германией лишь негативное означение, определив его через то, чем он не является. Согласно Стейну Роккану, для этого региона характерны «размытость центра» и «слабая городская сеть»²⁰. Аналогично высказывался и Чарлз Тилли, характеризуя Польшу как «слабую» и по «концентрации капитала», и по «концентрации средств власти»²¹.

Такого рода характеристики являются корректными и подходящими для проблематики, с которой они имеют дело, но все же в них что-то упускается. Возможно, то, что это негативное определение Центрально-Восточной Европы представляет прежде всего взгляд Западной Европы. Большая часть дискуссии 1980-х гг., упомянутой выше, как раз и была посвящена попыткам показать, что Центральная Европа есть нечто абсолютно отличное от Восточной Европы, но при этом она не совсем Западная («полузападная», как определил ее Шюц²²).

Единственное позитивное определение Центрально-Восточной Европы – ее **мультикультурность** в модерное время, особенно до Второй мировой войны. По-

казательная иллюстрация – приведение к присяге новобранцев за несколько лет до Первой мировой войны. К этому времени подобная церемония в Западной Европе была, как правило, ритуалом подтверждения национально-государственного единства. Но венские казармы представляли собой особый случай: церемония исполнялась на десяти различных языках и с участием капелланов от семи религиозных сообществ²³.

Под «Центрально-Восточной Европой» мы можем подразумевать территорию между севером и югом, включающую в себя пространства от западных земель Российской империи (не восточнее черты еврейской оседлости на левом берегу Днепра) до линии Одер – Нейсе на территории Пруссии, Познании и Силезии и далее вниз через земли Габсбургов (за исключением, возможно, региона Западных Альп) к Македонии и Румелии. Такая эвристическая демаркация не отрицает разделения этого пространства Европы (для иных целей) на различные иные конфигурации, такие как [экс-]Османские Балканы, Украина/Беларусь, [экс-]Габсбургская Центральная Европа, Балтийский регион.

Я здесь намеренно говорю о мультикультурности, а не о мультинациональности и мультиэтничности. Нация составляет лишь один тип культурного единства – в современном смысле она и создана националистами. А этничность определяется прежде всего культурными границами, как доказывает Ф. Барт²⁴. Иными словами, и нация и этничность одинаково соотносятся с культурой, однако их совпадение внутри культуры вовсе не самоочевидно.

Действительно ли Центрально-Восточная Европа является (или являлась) более многоэтничной, нежели остальная Европа? На этот вопрос трудно ответить из-за неопределенных и изменчивых критериев этничности. Возможно, отправной точкой для обсуждения может стать список европейских этничностей, составленный в 1970-х гг. Ярославом Крейчи. Исключение той или иной группы из этого списка или включение в него не самоочевидны, к тому же классификация Крейчи несет на себе печать своего времени. Несмотря на это, работа заслуживает рассмотрения, хотя я нашел целесообразным в нашем контексте перегруппировать пространства, которые она охватывает.

По крайней мере, на рубеже предыдущего столетия в Центрально-Восточной Европе не было никакой чрезвычайной мультиэтничности ни относительно общей численности населения, ни относительно количества государств. Лишь Россия и сегодня, и тем более в 1900 г. выделяется на общем фоне своей многоэтничностью.

Подсчет этничностей – операция всегда спорная. Но независимо от полученного результата Центрально-Восточная Европа на заре модерности имела специфический мультикультурный характер, не выводимый ни из какой смеси примордиальных этничностей (табл. 1).

Таблица 1. Количество этнических групп в различных частях Европы. 1970-е годы.

Регион (а)	Количество (b)	Численность населения в 1980 г.	Количество государств в 1900 г. (с)
Западная Европа	20	180 млн	6
Центральная Европа	14	140 млн	5
Центрально-Восточная Европа	24	210 млн	7
Восточная Европа	10	140 млн	1

Примечания. (а). Западная Европа включает Британские острова, Францию, Иберийский полуостров, северно-европейские страны, за исключением Финляндии. Центральная Европа охватывает старый Пояс Городов, Нидерланды, Германию, Швейцарию, Италию и Мальту; Центрально-Восточная Европа содержит Финляндию, Прибалтийские республики, Польшу, Чехию и Словакию, современную Австрию, Венгрию, территорию бывшей Югославии, Румынию, Болгарию, Албанию, Грецию, Беларусь, Украину и Молдову. Восточная Европа включает современную Россию. (b). Количество приводится по списку Крейчи, который относит к национальностям уже признанные или требующие признания. Единственное исключение: «нация» ГДР. (с). Суверенные государства, имеющие свои столицы в этом регионе. Австро-Венгрия упоминается дважды как два государства.

Источник: Адаптация из: Krejci J. Ethnic Problems in Europe // S.Giner and M.Archer (eds). Contemporary Europe. London: Routledge, 1978. P. 130–135.

К тому же здесь следует учитывать и иные факторы. Одним из них является политический характер империй, управлявших большинством европейских земель восточнее Лейты в XIX – начале XX в. Другой выявился в результате процессов восточноевропейской социальной истории XVII–XIX вв., аналогичных тем, что происходили в Новом Свете: колонизация земель и массовая этническая иммиграция. К тому же на заре модерности Центрально-Восточная Европа стала местом пересечения большинства религий: всех основных конфессий христианства, а также трех основных религий той территории, которую теперь называют Ближним Востоком, т.е. иудаизма, христианства и ислама.

Эти факторы были достаточно независимы друг от друга, однако *de facto* они имели тенденцию усиливать друг друга, формируя мультикультурное пространство. В Западной Европе эти факторы либо отсутствовали, либо подавлялись.

Отступление: империи, колонизации и религии в Центрально-Восточной Европе

В этой работе не представляется возможным основательно разработать данную тему, поэтому мы набросаем лишь несколько эскизов.

Эскиз 1. Династические империи региона – дома Османов, Габсбургов, Романовых и Гогенцоллернов – не имели никаких намерений унифицировать пространства своих владений в правовом и культурном отношении до тех пор, пока им не были брошены вызовы со стороны конкурентных местных элит или национальных движений. Просвещенный абсолютизм был культурно открытым. Из восьми университетов, основанных или вновь открытых на территории Российской империи в период с 1755 по 1816 г., только четыре были русскоязычными; два польско-, один немецко- и один шведскоязычными. Первая кафедра чешского языка и литературы была открыта в Венском университете в 1775 г.

Сила династических империй, создававшихся посредством войн, браков или наследований, состояла в том, что они уважали «права и свободы» жителей завоеванных или приобретенных территорий, учитывали «законы земли». Существовала традиция, которая предусматривала, что в обмен на сдачу или подчинение земель завоеватель обязывался поддерживать законы и обычаи этих стран и их жителей. Поэтому даже российская царица признала права польских евреев во время разделов Польши, когда приняла евреев в подданство России. Подобные обещания давались и во время завоеваний начала XIX в. – от Финляндии до Бессарабии²⁵. Вот почему ни имперская Германия, ни Австро-Венгрия никогда юридически и административно не гомогенизировались.

Османы признали ряд внутренне самоуправляемых религиозных сообществ, к примеру – миллетов. Османское правление распространялось также на вассальные христианские государства – Молдавию, Валахию, Трансильванию и Рагузу, а также (в период упадка империи) на несколько квазинезависимых пашалыков.

В распространении культурного разнообразия среди субъектов восточных империй юридико-политические законы дополняют социальные условия. Крепостная зависимость крестьянства была правилом и для XIX в. Землевладельцы и крестьяне оставались обособленными мирами, и то, что они говорили на разных языках – а обычно так оно и случалось, – было лишь одним из аспектов культурной пропасти между ними. Земля и оружие формировали основу богатства и власти. Города были подчинены землевладельцам. Однако основные торговые и ремесленные функции сосредоточивались в руках отдельных этнических групп, четко отделенных и от правивших землевладельцев, и от их подчиненных. Это были, прежде всего, греки, евреи, армяне, но также и немцы (например, в Риге, Данциге, Семиградье и иногда на Балканах), сербы и венгры (в северной Трансильвании).

На этом фоне становится понятным высказывание первого австрийского профессора социологии Людвиг Гумпловича, работавшего в Граце, о том, что классы и

сословия производные от разных этничностей, а социальный конфликт есть, прежде всего, этнический конфликт или «расовая борьба»²⁶.

Короче говоря, династическими и частично феодальными империями никогда не овладевала идея превратить крестьян в австрийцев, пруссаков, русских или турков, как это было сделано в постреволюционной Франции, где на протяжении XIX в. многоязычное и мультикультурное крестьянство успешно переделали во французов²⁷. Когда запоздалые попытки универсализации в империях все же были предприняты, в противовес им уже выступили оппозиционные национальные дискурсы.

Эскиз 2. Центрально-Восточная Европа имеет несколько существенных черт, общих с Новым Светом. Как и Новый Свет, Центрально-Восточная Европа была объектом колонизации в позднюю домодерную эпоху; как и Новый Свет, она пережила значительную, хотя и меньшую, волну этнической иммиграции в конце XIX в.

В Центрально-Восточной Европе немцы и евреи жили со средних веков. Немцы прибыли сюда как конкистадоры, евреи – скорее как пилигримы. В XIV–XV вв., когда на Западе и в немецких городах евреев подвергали преследованиям и изгоняли, польские и польско-литовские короли приглашали евреев и давали им «привилеи». Османы, после изгнания евреев из Испании, пригласили сефардимов в свою империю. Немцы в Семиградье получили специальные сословные права, как *natio saxonica*, и кое-где были субъектами особых городских законов. Евреям предоставлялась система внутреннего самоуправления, подобная османской системе миллетов, сохранившаяся в России до середины XIX в.

Новая волна немецких переселенцев в Венгрию, Пруссию и, в меньшем масштабе, в Россию последовала в конце XVIII – начале XIX в. Еще позже, как часть продуманной этнической политики, она распространилась на прусскую Познанию. В конце XIX – начале XX в. Вена, Будапешт и другие центры региона стали центрами спасения от демографического взрыва, бедности и дискриминации, перенесенных евреями Галиции²⁸.

Династические землевладельческие империи сохраняли обособленные этнические колонии с их специальными правами, обычно отличной религией и профессиональной специализацией в современные времена. После Первой мировой войны немцы и (определяемые по языку) евреи все еще оставались двумя основными национальными меньшинствами Центрально-Восточной Европы (численностью 7,5 млн и 6,5 млн соответственно²⁹). Ни одна из этих групп – до возникновения нацизма в Судетах и в Данциге в 1930-х гг. – не участвовала в национально-государственной борьбе в регионе. (Сионистское движение было направлено за пределы Европы.) Напротив, и немцы, и евреи региона были разновидностями нетерриториальных этнических систем стратификации и конкуренции, типичных для Америки.

Эскиз 3. С эпохи средневековья центрально-восточная полоса Европы была границей, разделявшей миры восточного и западного христианства. На юге ее возникновение может быть датировано временем разделения Римской империи в 395 г. В центральной Моравии установление этой границы датируется концом IX в.

На севере – союзом великого князя литовского с Польшей в конце XIV в.; еще севернее – победами Александра Невского веком ранее.

Однако регион стал не только религиозной границей между Востоком и Западом, но и областью контактов между ними. Обычно это означает наличие трансграничных меньшинств: от небольшого количества православных в финской Карелии до столь же малого количества римо-католиков в докоммунистической Болгарии. Это породило особую разновидность христианства – греко-католиков, церковь, признающую власть римского папы, но в большей или меньшей степени сохраняющую византийскую обрядность. Попытки такого рода воссоединения восходят к Флорентийской унии (1439–1445, с целью защиты от Османской угрозы). Но окончательная реализация идеи была осуществлена лишь в 1596 г. в результате Брестской унии, вызванной Контрреформацией и объединившей значительную часть русских (украинских) крестьян в Польше. Полвека спустя подобная уния была заключена в северо-восточной Венгрии, также объединив в основном украинских крестьян и их духовенство. Третья значительная греко-католическая уния была заключена в Трансильвании на исходе XVII в. посредством договора между местным духовенством и Римом³⁰.

Во второй половине XIX в. в Хорватии интегративное движение во главе с ориентированным на потребности южных славян епископом Штроссмайером двигалось в другом направлении – за введение в католицизме славянской литургии³¹. А в России, когда имперский национализм перешел к репрессивным мерам после польского восстания 1830 г., греко-католическая (униатская) церковь российской Польши была воссоединена с российским православием в 1839 и 1875 гг.³²

Православие оказалось источником иного набора конфликтов. Оно никогда не обладало столь мощной интернациональной организацией, какой была Римская церковь, объединенная одним богослужебным языком, четко отделенная юридически и политически от мирской власти и социально обособленная celibатом. Уже в средневековье православие проявило тенденцию к разделению на различные церковные единицы согласно связям с политической властью. С подъемом национализма в XIX в. элита национальных православных церквей, прежде всего в Болгарии и Румынии, стала главной силой, направленной против контроля со стороны иерархии греков-фанариотов.

Оба типа конфликтов вокруг православия вновь проявились недавно в результате перестроечного освобождения и посткоммунистического национализма – между православными и греко-католиками в Украине и вокруг национально-политических проблем в Украине и Беларуси³³.

Армянская церковь проникла в Центрально-Восточную Европу через Польско-Литовское государство, а также через Российскую и Османскую империи. Ее столкновение с польской Контрреформацией в Галиции привело к созданию новой гибридной церкви армянских католиков с архиепископством во Львове/Львиве/

Лемберге³⁴. В Османской империи с 1838 г. было два армянских миллета: один для Армяно-Григорианской церкви, другой для армянских католиков³⁵.

Объединенные Польша и Литва создали великую средневековую державу, которая сделалась главным еврейским центром в Европе³⁶. К моменту разделов Польши там жила почти половина европейских евреев. Накануне холокоста около восьми из девяти миллионов евреев континента находились в центрально-восточной полосе и на востоке СССР. На территории, расположенной между СССР и Германией, их было около пяти миллионов³⁷.

Ислам пришел в Центрально-Восточную Европу двумя путями: через Балканский полуостров с османскими завоевателями и через Россию с монголами и их преемниками татарами. Ни Золотая Орда, ни дом Османов никогда не принадлежали Европе, но мусульмане частью Европы стали. Поэтому еще в начале XX в. Чеслав Милош мог иметь в Вильно друзей-мусульман (татар)³⁸. Сегодня ислам является основной религией Албании, Боснии-Герцеговины, значительных меньшинств в Болгарии и Сербии. Докоммунистическая Албания, несмотря на горную изоляцию, была замечательной иллюстрацией религиозного многообразия в Центрально-Восточной Европе (несмотря на то что евреев там было очень мало). Около 70% населения составляли мусульмане, 20% – православные и 10% – римо-католики³⁹.

Реформация еще более усложнила религиозную карту Центрально-Восточной Европы. Гуситское движение XV в. в Богемии, хотя и было побеждено, стало одной из самых успешных «ересей» в Римской Церкви и имело серьезные религиозные последствия (именно в Богемии началась Тридцатилетняя война).

Однако центр реформационного христианства и центр его противника – Контрреформации находились за пределами Центрально-Восточноевропейской зоны (или на ее окраине), в то время как сама эта зона стала главной ареной конфронтации. На севере дом Гогенцоллернов и княжества северо-восточной Германии, от Померании до Саксонии, сделались главными цитаделями лютеранства. Кальвинизм получил распространение среди польско-литовской и венгерской знати, однако его уничтожило наступление Контрреформации, в результате которого возникла та Польша, которую мы имеем сегодня, – самая католическая (и христианская), наряду с Ирландией, страна Европы. Венгерский кальвинизм был оттеснен Габсбургами, взявшими на себя роль рыцарей Контрреформации. Но кальвинизм все равно оставался основной религией в венгерских землях, а вот лютеранство там получило гораздо меньшую поддержку, в основном на территории современной Словакии, где протестантское духовенство сыграло решающую роль в культурном возрождении XIX в.⁴⁰

Примечательна одна из главных причин мультирелигиозного характера исторической Венгрии. В XVI–XVII вв. османский протекторат Трансильвания обеспечил безопасность венгерской кальвинистской знати в их войнах с Габсбургами⁴¹.

Религия часто связывалась с этнической принадлежностью и родом занятий еще задолго до подъема современного национализма. В случаях евреев и армян это

очевидно, но известно и достаточно иных фактов. В Габсбургской империи православными были преимущественно крестьяне: русины в Галиции и Буковине и румыны в Трансильвании. Владельцы этих крестьян обычно принадлежали к римокатолической церкви и, соответственно, считали себя поляками и венграми. Немцы в Российской монархии – и прибалтийские землевладельцы, и городские бюргеры, и волжские фермеры – были обычно протестантами (как и «саксонская нация» в Трансильвании). Лютеранство в регионе распространялось, прежде всего, через немецкие городские общины – от Таллина (Ревель) до Брасова (Кронштадт)⁴².

Но и этнические (лингвистические) группы также были разделены религиозно, особенно в венгерской части Австро-Венгерской монархии. В 1910 г. около 60% венгров были католиками, а 30% – протестантами (главным образом, кальвинистами). Две трети немцев исповедовали католицизм, а одна треть – лютеранство. Словаки раскололись на католиков (71%) и лютеран (23%), румыны – на православных (61 %) и греко-католиков (38 %) ⁴³.

В националистическую эру религия иногда становилась мостом, связывающим между собой этничности. В Праге перед Первой мировой войной католические и еврейские религиозные организации были в числе немногих исключений на фоне почти полного этнического противостояния немцев и чехов⁴⁴.

Заключительные гипотезы

После этих эскизов мы закончим статью не обычным заключением, а некоторыми историческими гипотезами.

Вовлечение исторической мультикультурности Центрально-Восточной Европы в историю европейской модерности необходимо для усложняющей коррекции господствующей западной версии этой истории, а сама коррекция должна некоторым образом помочь пониманию современной мультикультурности Западной Европы.

Применительно к вопросу о европейском маршруте к модерности и через нее, дополнение исторической картиной показывает, что европейский путь является «идеальным типом», который для Центрально-Восточной Европы усложняется еще двумя вариантами вхождения в модерность. Австрия, Пруссия и Россия восемнадцатым веком (веком просвещенного деспотизма) были затронуты лишь частично: изменения извне импортировались только верхами (подобная ситуация характеризовала модернизацию Японии, Ирана и Турции). Позднесредневековые и ранне-модерные переселения немцев и евреев придали истории Центрально-Восточной Европы некоторые особенности, общие с Новым Светом. Хотя степень и границы этих подобий с миром вне Европы в достаточной степени пока еще не исследованы.

Однако я думаю, что первоначальная гипотеза об общеевропейском, эндогенном, маршруте к модерности, пройденном в разном темпе в различных частях кон-

тинента (со всеми оговорками, приведенными выше), все же остается в силе. Различия в скорости зависели в первую очередь от баланса власти между сторонниками и противниками модерности. Эндогенность, в таком случае, должна быть определена не в повседневном смысле «общества», а в терминах общей сети культурных значений и коммуникации.

По крайней мере, начиная с Петра Великого и его непосредственных преемников, то есть с эпохи Просвещения, вся Европа от Москвы до Британских островов была частью общей культуры, проникшей также в османские Балканы, несмотря на то что сам султанат, если не считать боснийских землевладельцев и аристократию, оставался вне этого влияния. Начиная с антифранцузской контрреволюции, Россия играла очень существенную роль в «европейском концерте» – роль бастиона антимодерности, которую приветствовал Жозеф де Местр, самый выдающийся и самый непримиримый реакционер из всех контрреволюционных интеллектуалов. А то, что последовало дальше, началось как восстание европейского рабочего класса⁴⁵. Созданная позже антисоветская коалиция поразительно напоминала более раннюю коалицию против Французской революции, а поведение русских после Второй мировой войны, когда они смешали универалистский модернизм с властным высокомерием, поразительно напоминало поведение французов 150 годами ранее. Холодная война была современной европейской гражданской войной, спроецированной на мировой экран.

Гипотезы, которые могут быть сформулированы исходя из опыта центрально-восточноевропейской мультикультурности, неоднозначны. Можно выделить два направления этого опыта.

Очевидно, что горизонтальная конкуренция между различными, но четко разграниченными – религиозно, лингвистически, исторически, генетически – культурами прежде всего помогала антимодерным силам. Мультикультурность, вероятно, значительно замедлила модернизацию Центрально-Восточной Европы. Тем более что она выявлялась на фоне многосторонних конфликтов между большим количеством конкурирующих социально-политических проектов. Сюда же присоединим и антимодерную составляющую, естественную для культурного национализма, точнее, для национализма, характерного этому региону. Серб Илия Гарашанин имел в виду не только свое поколение националистов, когда писал в 1844 г.: «[Нашего] настоящего не будет без связи с прошлым, но вместе они создадут... интегрированное... целое... Никто не может возразить против наших стремлений как против чего-то необоснованного...»⁴⁶

В спокойные времена истории центрально-восточноевропейская мультикультурность была, прежде всего, обособленным сосуществованием различных сегментированных культур. Это ясно показано как в литературных мемуарах, так и в социально-исторической литературе, упомянутой выше. От Русе в Болгарии, описанного Элиасом Канетти до Вильно/Вильнюса в сегодняшней Литве, описанного Чеславом Милошем, картина получается похожей⁴⁷.

Столкновение французского революционного универсализма, с одной стороны, и культурно различных, лишь частично современных обществ с архаичными формами правления, с другой, породило особенно уродливые формы национализма в последних. Пожалуй, самый печально известный – это немецкий антинаполеоновский национализм с «поэзией убийства» (*Totschlagslyrik*) немецких интеллектуалов и Прусским Свободным Корпусом, который дал клятву не брать пленных. Хотя этому предшествовала испанская герилья и насилие, увековеченное Гойей⁴⁸.

Культурный национализм – это специфическое центрально-восточноевропейское изобретение, удивительный продукт мутации немецкого Просвещения и идеи Французской революции о народном государстве, о нации как народном сообществе⁴⁹. Но самая гремучая смесь образовалась тогда, когда базовые компоненты национального государства – одна нация, одна культура, одно государство – и биологическая концепция нации были вброшены в атмосферу сложившихся мультикультурных трений и конкуренций. Началось размножение антисемитски настроенных шовинистов, и в итоге – Вторая мировая война, холокост, Нюрнбергский процесс. Человек, которого прусский фельдмаршал фон Гинденбург называл «богемским капралом», был одним из законных сыновей Центрально-Восточной Европы.

Но вместе с тем присутствовала и другая версия, о которой не следует забывать. И она свидетельствует, что мультикультурность Центрально-Восточной Европы не обязательно приводила к Освенциму. Ее наиболее ярко представил Йоганн Готтфрид Гердер – лютеранский пастор, родившийся в Восточной Пруссии, кёнигсбергский студент, учившийся у Канта, учитель и проповедник в Риге, который после путешествия по Западной Европе поселился в Веймаре, где и стал классиком немецкого Просвещения⁵⁰. Гердер был любителем культур в их множестве, любознательным и универсалистски настроенным патриотом, который вдохновил культурный национализм на всем пространстве Центрально-Восточной Европы (его идеи были с энтузиазмом восприняты, хотя и в несколько ином ключе, даже в Сирии, как и во всем арабском мире, но уже после Первой мировой войны⁵¹).

К этой же традиции мы можем отнести цислейтанскую политику культурной автономии после 1867 г., теоретиков из числа австрийских социал-демократов (Карла Реннера и Отто Бауэра), политику территориального самоопределения в рамках общей универсальной структуры, разработанную и осуществленную Лениным и его фракцией в российской социал-демократии (и поддержанной их преемниками).

Исторический опыт заключается в том, что эти модернизированные мультикультурные общества, несмотря на все их внутренние противоречия и на экономически более успешных конкурентов, были культурно и политически жизнеспособны, пока их не свели на нет внешние милитаристские силы типа династических империй или не взорвали внутренние противоречия политического ядра, как в СССР и Югославии. Иными словами, конец мультикультурности не был победой, достигнутой националистами...

Покидая историю Центрально-Восточной Европы, скажем, что мультикультурный фермент порождает необычайный творческий потенциал. Этот фермент превратил Санкт-Петербург начала XX в. в «лабораторию модерности»⁵², а Вену fin-de-siècle сделал одним из самых заметных в творческом отношении городов континента⁵³. Яркий модернизм мультикультурных Будапешта, Праги, Санкт-Петербурга и Вены внутренне близок современному «постколониальному» творческому потенциалу Лондона, Нью-Йорка и Парижа. Оба типа мультикультурных дискурсов доступны сегодня постнационалистам всех периферий.

Таким образом, центрально-восточноевропейский исторический опыт демонстрирует самые разнообразные проявления мультикультурности. Но прежде всего это:

- сдерживающее начало модерности;
- источник реакционного антимодерного национализма;
- сегментированное и обособленное сосуществование;
- рефлексивная модерность, или модерное утверждение разнообразия и изменчивости культурного универсума;
- источник вдохновения для интеллектуального и/или художественного творчества.

Многогранная история Центрально-Восточной Европы выводит нас на перекресток различных мультикультурностей и ставит перед выбором.

Перевод с английского Франца Корзуна

Примечания

- ¹ См. подробнее: Therborn G. *European Modernity and Beyond*. London: Sage, 1995, ch. 3 and table 3.4.
- ² Ср.: Bauer O. *Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie*, 1st ed. 1907 // Werkausgabe. Wien: Europa Verlag, 1975.
- ³ Сюда включаются также индивидуальные карьерные проекты с их ориентацией на непосредственное удовлетворение и на долговременное сохранение внутреннего постоянства самого себя.
- ⁴ См. подробнее, напр.: Calhoun C. (ed.). *Social Theory and the Politics of Identity*. Oxford: Blackwell, 1994; Taylor et al. C. *Multiculturalism and “the Politics of Recognition”*. Princeton: Princeton University Press, 1992.
- ⁵ Ср.: Luhmann N. *Soziologie des Risikos*. Berlin: de Gruyter, 1991. P. 46.
- ⁶ Poggioli R. *The Theory of the Avant-garde*. Cambridge Mass., 1968. P. 73.
- ⁷ Ср.: Spadafora D. *The Idea of Progress in Eighteenth Century Britain*. New Haven and London, Yale University Press, 1990.
- ⁸ Kosellek R. *Futures Past*. Cambridge Mass., MIT Press, 1985.
- ⁹ Therborn G. *Science, Class and Society*. London: Verso, 1976, ch. 4.

- ¹⁰ Therborn G. Revolution and Reform: Reflexions on Their Linkages Through the Great French Revolution. // J. Bohlin et al. (eds.). *Samhällsvetenskap, ekonomi, historia*. Göteborg: Daidalos, 1989. P. 197–220
- ¹¹ Therborn G. The Right to Vote and the Four Routes to/through Modernity // R.Torstendahl (ed.). *State Theory and State History*. London: Sage, 1992. P. 62–92.
- ¹² Последний крупный толчок к этой полемике дал Роберт Бреннер (Robert Brenner) в книге: Brenner R. *Merchants and Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Бреннер, очень известный американский историк-марксист, на стороне классового подхода.
- ¹³ Therborn G. Exits from Patriarchy and the Politics of Childhood, в печати.
- ¹⁴ Garton Ash T. Does Central Europe Exist? // G.Schöpflin and N.Wood (eds.). *In Search of Central Europe*. Cambridge: Polity Press, 1989. Эта книга, а также: Graubard S. (ed.). *Eastern Europe... Central Europe... Europe*. Boulder Col. Westview Press, 1991, являются самыми крупными собраниями материалов этих дебатов на английском языке. Важным историографическим вкладом в эту тематику является также: Szücs J. *Die drei historischen Regionen Europas*. Frankfurt: Neue Kritik, 1990.
- ¹⁵ См. подробнее: Wolff L. *Inventing Eastern Europe*. Stanford: Stanford University Press, 1994.
- ¹⁶ Ср.: Zacek J. *Nationalism in Czechoslovakia* // P.Sugar and J.Lederer (eds.). *Nationalism in Eastern Europe*. Seattle and London: University of Washington Press (1969) 1994. P. 184 с библиографическим обзором. Последняя монография в этом обширном поле: Agnew H.L. *Origins of the Czech National Renaissance*. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 1993.
- ¹⁷ В Польше панславизм манифестировал себя в смысле польской миссии «просвещения всего славянства». См.: Brock P. *Polish Nationalism* // P.Sugar and J.Lederer (1994). *Op.cit.* P. 314ff.
- ¹⁸ Conze W. *Ostmitteleuropa*. München: C.H.Beck, 1992. P. 1–2. Ср.: Naumann F. *Mitteleuropa*. Volktausgabe. Berlin: Georg Reimer, 1916.
- ¹⁹ Пытаясь дать характеристику культурному пространству Европы (Therborn (1995). *Op. cit.*, ch. 11), я определил последнее как проекцию излучений политической власти, религиозных разделений, лингвистических отношений и аудиовизуальных коммуникативных паттернов в изменяющихся исторических обстоятельствах.
- ²⁰ Rokkan S. and Urwin D. *Economy, Territory, Identity*. London: Sage, 1983. P. 31.
- ²¹ Tilly C. *Coercion, Capital, and European States. A.D. 990 – 1992*, rev. paper. ed. Oxford: Blackwell, 1992. P. 60.
- ²² Szücs (1990). *Op. cit.* P. 79.
- ²³ Wandruszka A. and Urbanitsch P. (eds.). *Die Habsburgermonarchie 1848–1918*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1985. Band IV. P. XI.
- ²⁴ Barth F. Introduction // F.Barth (ed.). *Ethnic Groups and Boundaries*. Oslo: Universitetsforlaget, 1969.
- ²⁵ Интересный сравнительный обзор этого российского плюрализма и позднейшего поворота к имперскому давлению дан в: Jussila O. *Finlands steg från provins till stat* // *Historisk Tidskrift för Finland* № 3. 1987.
- ²⁶ Gumplowicz L. *Grundriss der Soziologie*. 2nd ed. Wien, 1905, parts III: III – IV; ср.: idem. *Der Rassenkampf*. Innsbruck, 1883.
- ²⁷ Weber E. *Peasants into Franchmen*. Stanford: Stanford University Press, 1976.

- ²⁸ McCagg Jr. W. Viena and Budapest around 1900: The Problem of Jewish Influence // G.Ránki (ed.). Hungary and European Civilization. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989. P. 244–245; ср.: Stourzh G. Ethnic Attribution in Late Imperial Austria: Good Intentions, Evil Consequences // R. Robertson and E. Timms (eds.). The Habsburg Legacy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994. P. 79ff.
- ²⁹ Galántai J. Trianon and the Protection of Minorities. Highland Lakes N.J., Atlantic Research and Publications, 1992. P. 17 and 2. Определяемые по религии, евреи были самым крупным меньшинством – около девяти миллионов. Третьим по численности меньшинством в 1920-х гг. были украинцы.
- ³⁰ Turczynski E. Orthodoxe und Unierte // Wandruszka and Urbanitsch 1985. Op. cit. P. 413ff.
- ³¹ Csáky M. Die Römisch-Katholische Kirche in Ungarn // Wandruszka and Urbanitsch 1985. Op. cit. P. 350ff, 380ff. Штроссмайер был основным оппонентом пункта о папской непогрешимости на Первом Ватиканском Соборе в 1869–1870 гг.
- ³² Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich. München: C.H.Beck, 1992. P. 123 and 337.
- ³³ Ср.: Joukovsky A. Histoire de l'Ukraine. Paris: Editions du Dauphin, 1993. P. 154–155, 245; Zaprudnik J. Belarus. Boulder, Col., Westview Press, 1993. P. 214–215.
- ³⁴ Bihl W. Die Armenischen Kirschen // Wandruszka and Urbanitsch 1985. Op. cit. P. 479ff.
- ³⁵ Castllan G. Histoire des Balkans. Paris: Fayard, 1991. P. 274.
- ³⁶ Poliakov L. L'histoire de l'anti-sémitisme / rev. ed. Paris: Gallimard-Lévy, 1981. Vol. 1. P. 422.
- ³⁷ Подсчеты произведены по: Hilberg R. La destruction des Juifs d'Europe. Paris: Gallimard folio ed., 1991. Vol. 2. P. 339, 466, 1041, 1043, 1046.
- ³⁸ Milosz C. Mitt Europa (Rodzinna Europa). Stockholm: Brombergs, 1981. P. 63.
- ³⁹ Shoup P. The East European and Soviet Data Handbook. New York: Columbia University Press, 1981. Table C-13.
- ⁴⁰ Csáky, 1985. Op. cit. Table 28. P. 282–283.
- ⁴¹ Conze, 1992. Op. cit. P. 198ff, 211ff. Ср.: Gottas F. Die Geschichte des Protestantismus in der Habsburgermonarchie // Wandruszka and Urbanitsch, 1985. Op. cit.. P. 489ff, p. 541. В княжестве также были сильная лютеранская община, антитринитарный вариант протестантизма, формально запрещенный, но de facto терпимый, и православное валашское крестьянство.
- ⁴² Conze, 1992. Op. cit. P. 186.
- ⁴³ Подсчеты произведены по: Csáky, 1985. Op. cit. Tables 27 and 28. P. 282–283.
- ⁴⁴ Cohen G. The German Minority of Prague, 1850 – 1918 // M.Engman (ed.). Ethnic Identity in Urban Europe. Aldershot: Dartmouth, 1992. P. 279ff.
- ⁴⁵ Такая характеристика тех дней нуждается в пояснениях. См. подробнее, напр.: Rabinovich A. The Bolsheviks Come to Power. London: NLB, 1979.
- ⁴⁶ Цит. по: Schulze H. Staat und Nation in der europäischen Geschichte. München: C.H.Beck, 1994. P. 177.
- ⁴⁷ Canetti E. Den räddade tungan (Die gerettene Zunge). Stockholm: Forum, 1981. P. 12ff; Milosz, 1981. Op. cit. P. 95ff.
- ⁴⁸ См. подробнее: Schulze H. Staat und Nation in der europäischen Geschichte. München: C.H.Beck, 1994. P. 190ff; Greenfeld L. Nationalism. Cambridge Mass., Harvard University Press, 1992. P. 376ff.

- ⁴⁹ Самый лучший и полный эмпирический обзор к моему тезису см.: Sugar P. and Lederer J. (eds.). *Nationalism in Eastern Europe*. Seattle and London: University of Washington Press, 1994.
- ⁵⁰ Хорошим введением в труды Гердера, к сожалению, без библиографических примечаний, может служить: Sunnus S., *Herder Lesebuch*. Frankfurt: Insel, 1994.
- ⁵¹ Tibi B. *Vom Gottesreich zum Nationalstaat*. Frankfurt: Suhrkamp, 1987. P. 106f, 115ff.
- ⁵² Schlögel K. *Jenseits des Grossen Oktober. Das Laboratorium der Moderne*. Petersburg 1909–1922. Berlin: Siedler, 1988.
- ⁵³ См. подробнее: Brix E. *Das österreichische und internationale Interesse am Thema «Wien um 1900»* // E.Brix (ed.). *Die Wiener Moderne*. Wien: Verlag für geschichte und Politik, 1990.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УЧЕНЫХ-БЕЛОРУСОК

Бурное развитие женских и гендерных исследований в России и Беларуси поставило на повестку дня специальное изучение гендерной идентичности различных возрастных и профессиональных групп женщин. Успехи российских социологов, объединенных Московским центром гендерных исследований, а также лабораториями и временными исследовательскими проектами на этом профессиональном «поле», очевиден (И.Г. Абрамова, В.В. Бодрова, Э.А. Васильченко, В.Н. Голодненко и Е.В. Страхова, Л.С. Егорова, В.В. Ельшина и Н.И. Новикова, Е.В. Кобзева, Л.Г. Лунякова, В.В. Любимова, Е.Ф. Молевич, А. Московская, И.И. Серегина, В.Я. Солоничева, А.Ф. Татарченко, О.В. Здравомыслова, Е.Ю. Мещеркина, З.А. Хоткина, Е.В. Тюрюканова). Отметим имеющийся определенный прогресс в этом направлении и в белорусской науке (Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко, Л.Г. Титаренко, З.М. Юк и др.). Однако по-прежнему крайне редко ставится задача изучения системы ценностей и типических жизненных стратегий женщин-ученых, историко-культурные и гендерные факторы формирования их социальной идентичности. И хотя первые исследования на эту тему уже начали появляться (например, статьи И.Д. Горшковой, Г.Р. Беляевой, Н.А. Винокуровой, Н.Л. Пушкаревой), проект по исследованию феномена женщины в постсоветской науке, изучению историко-культурных и гендерных факторов формирования социальной идентичности белорусских женщин-ученых может заполнить возникший пробел. Автор полагает, что изучение образа мышления, самосознания, системы ценностей женщин одного с ней профессионального и социального уровня будет способствовать созданию по-настоящему глубокого исследования, отвечающего задачам гендерно-чувствительной методологии использования эмпирического материала.

В данной статье рассматриваются влияние гендерных стереотипов на профессиональный и карьерный рост женщин в науке, а также основные черты женского пути в науку от первых интенций к творческой научной деятельности до этапов профессионального становления и выстраивания стратегии научной карьеры, влияние на него специфических проблем и нагрузок, связанных с выполнением женщинами-учеными родительских и семейных функций. Для достижения целей исследования была привлечена обширная эмпирическая база¹, которая позволила проследить динамику количественных изменений в образовательном уровне населения, соотношение занятых в учреждениях высшего образования и науки гендерных групп, динамику их заработных плат и получить много другой информации, позволяющей сделать соответствующие подсчеты². Также были проведены глубинные фокусированные интервью с двадцатью женщинами-учеными. В статье использованы материалы некоторых из них. Имена интервьюированных закодированы: «Татьяна» и «Милена» – кандидаты физико-технических наук, «Юлия» – доктор физико-технических наук, «Галина» – доктор медицинских наук, «Мария» – доктор исторических наук, «Ольга» – доктор философских наук.

Изучение эмпирических данных в сочетании с анализом биографий ученых показывает, что научная карьера женщин требует больших усилий и складывается медленнее по сравнению с коллегами-мужчинами. Связано это с необходимостью преодолевать «стеклянный потолок», а также многочисленные барьеры и препятствия, обусловленные гендерными стереотипами. Эти стереотипы порождают дискриминацию женщин (обычно скрытую), на практике проявляющуюся в искусственном замедлении профессионального продвижения, отказе в научном признании и соответствующем поощрении. В результате, сконцентрированные в большом количестве на нижних профессиональных уровнях науки, женщины ограничены нетворческими видами работ, которые не дают научного признания и собственного удовлетворения, но освобождают ученых-мужчин от рутинной черновой работы. Например, широко распространено убеждение в меньшей компетентности женщин и, как следствие, – представление о науке как мужской сфере деятельности, вторжение женщин в которую нежелательно. Отсюда проистекает стремление сохранить науку, хотя бы на уровне руководства ею, как сферу маскулинной деятельности, рассматривать женское участие в ней как маложелательное, хотя неизбежное, явление. Устойчивые и распространенные стереотипы, согласно которым женскому мышлению соответствуют не все научные дисциплины, а лишь гуманитарные и социальные, представления о несоответствии психо-физических свойств и интеллектуальных качеств женщин занятиям точными и техническими науками закладывают семейное и школьное воспитание, а затем практика формирования контингента студентов высших учебных заведений. Уже на этой стадии научные дисциплины по признаку пола занимающихся ими приобретают имидж «мужских»,

«женских» и «нейтральных». Ввиду этого закономерна постановка вопроса о действии явных и неявных механизмов «торможения» научного роста женщин.

Важным препятствием в научной карьере женщин являются стереотипы о «мужских» и «женских» психологических характеристиках и типах поведения и о соответствующих им профессиях. К числу мужских качеств научного работника стали относить рациональность, объективность и способность к абстрагированию, а женских – иррациональность, субъективизм и конкретность мышления. Женщинам была предоставлена возможность противопоставить мужчинам богатое воображение, интуицию, настойчивость, умение скрупулезно проводить расчеты, измерять и обрабатывать экспериментальные данные, оформлять результаты экспериментов. От женщин заведомо не ожидают больших, чем у мужчин, или даже равных им успехов. Многие женщины-ученые и сами так считают. Как подчеркивает одна из респонденток, кандидат физико-математических наук, автор около 100 опубликованных работ, мужчины-ученые, особенно в физико-технических науках, зачастую не воспринимают женщин как ученых в связи с их якобы «объективной неспособностью работать с “железом”». «Женщина в состоянии эффективно использовать оборудование, систематизировать полученные данные, она может многое. Но никогда не поверишь, что женщина наравне с мужчиной может собрать какую-то схему, что она понимает, как работает оборудование, я имею в виду техническую часть» («Милена»). Аналогичным образом рассуждает доктор физико-математических наук, автор 45 трудов: «В области эксперимента, я думаю, очень сложно будет даваться конструирование установки, ее разработка, техническая реализация, потому что здесь нужны способности, которых у женщин, как правило, нет. Нужно любить эту технику с детства. Мальчик разбирает машинку, его с детства учат, он этим с детства интересуется, я думаю, у него генетическая предрасположенность к этой технике. Я не могу так. Как бы я ни старалась, у меня не получится» («Юлия»). «Врожденная» несовместимость женской психологии и навыков с техникой компенсируется у женщин способностью успешно выполнять ряд других функций: «В науке есть масса ниш, где женщина будет успешно работать. Есть области, где женщина прекрасно реализуется. Например, в программировании или анализе результатов, построении моделей, работе на готовой экспериментальной установке, где надо работать более тщательно, более скрупулезно, более терпеливо, более досконально разобраться во всех тонкостях» («Юлия»).

Убежденность в «неестественности» увлечений девушками физико-техническими науками формируется уже в школьные и студенческие годы. Одна из респонденток вспоминает о времени обучения в БГУ: «В обществе подразумевалось, что физика – мужская наука. Я знала, что красивым девушкам неприлично заниматься физикой и учебники всегда держала в руках так, чтобы окружающие в транспорте не могли прочесть название книги» («Татьяна»). Подобные представления можно было бы игнорировать, если бы проблема ограничивалась обывательской массой, но они достаточно прочно внедрились и в сознание специалистов-мужчин. «Юлия»

вспоминает о своих вступительных экзаменах в БГУ: «Был такой преподаватель, он девушкам “5” не ставил никогда и мне поставил “4”, даже не задав дополнительных вопросов. Я очень удивилась, поскольку была уверена, что ответила на “5”, и только потом узнала, что он имел такой принцип. Этот преподаватель считал, что девушки вообще физики не знают, как бы такое у него было клише». Развиваемая у женщин на протяжении многих лет становления личности «женская» модель поведения в конечном счете приводит к заниженности притязаний на успех в научной сфере. Женщинам трудно противостоять мужскому доминированию, большинство из них не тяготится дискриминированным положением, соглашается с отводимыми им второстепенными ролями. И, наоборот, воспитание мужчин, ориентируемое на развитие уверенности в своих возможностях, честолюбия, способности к риску, стремления к творческому успеху, карьерному росту, преодолению неудач и постановки новых задач, если полученные результаты не оправдали ожиданий, создает психологический комфорт для занятий наукой и маскулинизированный стереотип научного работника.

Культивируемый тип научного работника ставит перед женщинами определенные требования, без соответствия которым мало шансов проявить себя в науке. Женщине необходимо преодолеть неуверенность в себе, нерешительность, пассивность и следовать неписаным правилам игры, принятым в мужской среде. Недостаточно быть компетентной в своей области, следует научиться *демонстрировать* свою компетентность. Успешная научная карьера многих женщин доказывает, что пол не имеет никакого значения. Более важными являются характер, личностные качества, и именно они в первую очередь определяют продвижение по должностной и квалификационной лестнице. Современные молодые женщины, сформировавшие в себе лидерские качества, являют собой новую генерацию исследователей. Они прагматичны, четче понимают, что имеют равные права с мужчинами, у них новый менталитет. Женщины, работающие в точных науках, «формируют гендерный стереотип деловой, интеллектуальной, не просто энергичной, а динамичной, умной, лаконичной, содержательной, незэмоциональной, решительной и уверенной женщины» [2]. «Татьяна» дополняет этот набор желаемых качеств: «Довлеющий стереотип женщины-ученой, как некрасивого сухаря, далекого от реальной жизни, никому не может импонировать. Женщину-ученую я вижу интересной, элегантной, сексапильной дамой, всех очаровывающую своим обаянием и умом. Она достаточно много работает, но не слишком. Она интересный собеседник, коммуникабельна, прекрасно танцует, занимается спортом или фитнесом, ухожена, со вкусом одевается, эрудированна, разбирается в искусстве, политике, знакома с психологией. В научной деятельности и жизни соблюдает этические нормы, имеет принципы. В семье у нее домашняя работа разделена со всеми членами». Очевидно, стремление к этому, безусловно, привлекательному образу добавляет к двум ипостасям женщины – хозяйки в доме и работницы на производстве – третью: особы, нравящейся коллегам-мужчинам. Если следовать подобной логике, то сколько же надо для этого

дополнительной энергии и, вообще, возможно ли требовать от женщины-ученого столь многих совершенств?

Культура семейных отношений, ведущая к неравному распределению обязанностей в семье, также снижает возможность наших соотечественниц сделать серьезный вклад в науку и быстро продвинуться на более высокую должность. В таких науках, как, например, физика, перерыв в работе на 2–3 года в связи с рождением ребенка обычно уже невозможно ликвидировать. Но если бы это и удалось сделать, сказалась бы разница в возрасте: при одинаковых творческих результатах более молодой мужчина имеет преимущество при получении грантов, зарубежных стажировок, продвижении по служебной лестнице. Кроме того, женщины вынуждены чрезмерно много времени и сил затрачивать на воспитание детей и выполнение домашних обязанностей, что замедляет их научный рост: «У меня была постоянная нехватка времени, связанная с тем, что я одна воспитывала ребенка. Я часто задумывалась над тем, что у меня гораздо меньше возможностей (временных), чем у других, особенно мужчин» («Татьяна»). «Юлия» так описывает трудности сочетания научной работы и материнства: «Пять... или восемь лет, пока рождался один ребенок, потом второй, у меня не было никаких результатов, я только рвалась на эту работу. Я все время оправдывалась, я постоянно брала больничные, потом справки за свой счет, денег никаких все равно не хватало, и работы никакой не было, в общем, сплошная нервотрепка. Началась моя работа, когда дети немножко подросли, лет за шесть сделала свою диссертацию... я, наверное, добилась бы большего (больше статей, монографий, конференций), если бы не отвлекалась на семью, и многие женщины делают именно такой выбор».

Развитие социальной инфраструктуры наряду с трансформацией патриархальных отношений в семье предоставляет женщинам более широкие возможности. А пока это не произошло, женщины-ученые продолжают нести бремя двойных нагрузок, снижающих их возможности научного роста: «Вот, знаете, женщины рассказывают, что мужья себе стирают носки, трусы ... Я никогда этого не позволяла. Это, может быть, деревенское: женская работа есть женская, мужская есть мужская. Я просто выросла в семье, где одни мужчины, и у мужа – все братья и одна только девочка в семье. У нас два сына... Я себе не позволяла... третировать мужиков, заставлять их убирать, стирать и так далее. Это просто излишнее, я считала, что нельзя... нельзя наглеть. Я и так слишком много делаю для себя, занимаюсь наукой... и еще что-то буду делать...» («Мария»). «Ольга» добавляет: «Кто бы мне ни приводил примеры, что вот получилось и у этой и у той, я просто знаю ситуацию изнутри и понимаю, что это идет в ущерб какому-нибудь другому виду деятельности. И конечно же, люди, которым дано много жизненных сил, они, может быть, лучше это будут совмещать. Но все равно, это будет идти в ущерб либо семье, либо твоей профессиональной деятельности, либо твоему отношению к жизни, способности наслаждаться жизнью. Ты тратишь ее, ты будешь как загнанная лошадь...» («Ольга»). Даже при взаимопонимании в семье и согласии мужа взять на себя часть домашних забот

женщина-ученый испытывает дискомфорт: «Делю нагрузку с мужем, но инициатива – мой удел, это напрягает» («Милена»). Гармоничное сочетание ролей жены, матери и специалиста-профессионала, по мнению многих женщин-ученых, всегда идет в ущерб профессиональной карьере, и при необходимости сделать выбор надо исходить из того, что «так ли важно, докторскую или кандидатскую диссертацию ты защитила, возглавляешь ли ты институт или только научную группу?» («Юлия»). Такие оценки достаточно широко распространены. Опрос 89 женщин – кандидатов наук, работающих в учреждениях НАН Беларуси, выявил, что в шкале ценностей у них на первом месте здоровье, на втором – семья, на третьем – работа, на четвертом – обеспеченность и только на пятом – самореализация [3].

Вместе с тем ряд данных свидетельствует, что семейные обязанности и занятия наукой вполне совместимы. Американские социологи Дж. Коул и Х. Цукерман установили, что в середине 1980-х гг. уровень научных достижений и показатели публикационной активности замужних американок были даже выше, чем у одиноких, причем они сохраняли свою продуктивность и во время беременности, и в период младенчества детей. Полученные этими исследователями результаты показывают, что недостаточная публикационная активность начинающих ученых связана не с материнством, а с начальной фазой научной работы: в первое десятилетие карьеры одинокие женщины, замужние женщины и женатые мужчины показывают одинаково низкий уровень публикационной активности. Рост публикаций у замужних женщин с детьми на более поздних этапах карьеры Дж. Коул и Х. Цукерман связывают с приходом признания и продвижением по служебной лестнице, когда возникают возможности для исследований коллективного характера. Публикации маститых ученых часто отражают результаты, полученные всем научным коллективом [4]. Данные по Беларуси согласуются с этим выводом. Проведенное анкетирование 30 женщин-физиков, 67% которых являются кандидатами физико-математических наук, показало, что у женщин до 40 лет наличие одного ребенка отнюдь не снижало производительность – каждая имела от 20 до 57 печатных трудов. У женщин старше 40 лет количество публикаций уменьшалось лишь при необходимости воспитывать двоих детей [5]. Однако следует учесть, что современное развитие социальной инфраструктуры наряду с трансформацией патриархатных отношений в семье предоставляет женщинам более широкие возможности. Обеспечение относительно благоприятных социально-бытовых условий одинаково способствует проявлению профессиональной компетентности и реализации способностей к науке у обоих полов. Но эта возможность женщинами-учеными пока еще не реализована.

Преобладание в содержании выполняемой работы нетворческих компонентов влечет за собой заведомо более низкий удельный вес научных достижений женщин и их невысокий статус в социальной структуре науки. Интервью с женщинами показали, что почти во всех лабораториях «мужских» научных дисциплин планирование исходит из предположения: женщине лучше работать руками, а мужчине – головой. Действительно, женщины более аккуратны и исполнительны в проведении экспе-

римента, но абсолютизация этой посылки снижает их творческую активность и как бы устанавливает определенную планку для получаемых научных результатов и, соответственно, научного статуса. За всю историю существования Национальной академии наук (начиная с 1929 г.) ее действительными членами были избраны только две женщины – российский историк А.М. Панкратова (1940 г.) и белорусский генетик Л.В. Хотылева (1980 г.). Членами-корреспондентами стали семь женщин – историк Н.В. Каменская (1959 г.), агрохимик Т.Н. Кулаковская (1969 г.), языковед Ю.Ф. Мацкевич (1969 г.), медик Т.В. Бирич (1972 г.), биохимик М.Т. Чайка (1991 г.); математик Ф.М. Кириллова (1996 г.), микробиолог Н.И. Астапович (1996 г.). Очень мало женщин и среди членов экспертных советов ВАКа, в ученых советах и советах по защите диссертаций. Одним словом, почти все ключевые посты в научной сфере заняты мужчинами.

Важную роль в деятельности исследователя играет его включенность в систему научных коммуникаций, так как для достижения высоких результатов необходим постоянный обмен информацией. У специалиста с низким научным статусом мало шансов влиться в неформальную сеть научного общения: он никому не интересен, поскольку не является носителем высококлассной информации и не обладает достаточными организационными возможностями. В такой ситуации оказывается большинство женщин-ученых, и им приходится прилагать гораздо больше усилий, чем их коллегам-мужчинам, чтобы войти в сообщество, участие в котором обеспечивает не только обмен информацией, но и получение различных форм поддержки. В этом отношении особую ценность приобретает участие в работе Советов по защите диссертаций. Однако женщин там не ждут: «Я уже сколько раз... говорила: «Ребята, ну нельзя же так, в конце концов, я уже тут загибаюсь без истории, возьмите меня». Да, конечно, они уже раза два или три брали все мои данные, но воз и ныне там» («Мария»). Практически во всех странах все уровни управления наукой контролируются мужчинами. Женщинам приходится постоянно добиваться признания своих достижений и поддержки своих исследований: «Маша, ну чего ты волнуешься...» Вот, в таком духе, ну не серьезно совершенно. И я серьезно вопрос не ставлю. Ну, все прикидываюсь, что, знаете... то ли дурочкой, то ли еще чем-то: «Ну, что вы, одни мужчины. Вам неинтересно, надо женщину пригласить в Совет»... Вот в таком духе...» («Мария»). В науке действует закон накапливаемого преимущества. Социальные механизмы научного сообщества функционируют таким образом, что и без каких-либо интриг тот, кто уже добился успеха, перемещается в верхние слои стратификационной системы науки и вместе с признанием получает расширенный доступ к ресурсам, необходимым для исследований (финансам, информации, международным контактам, компетентным помощникам). Непризнанный ученый, находящийся на нижних ступенях стратификационной структуры, должен добиваться необходимых ресурсов с невероятными трудностями и невысокими шансами на успех. Женщины, обычно остающиеся в нижних слоях научного сообщества, плохо вписываются в эту восходящую спираль накапливаемого преимущества.

В значительной степени вследствие исторически сложившегося представления о науке как маскулинизированной сфере, где доминируют мужские ценности и установки, «женщина-ученый не соответствует патриархальной традиции, принятой у нас. Склад личности “другой”, не соответствующей стереотипу женщины, не очень-то понимается мужчинами, а непонятное их может пугать» («Татьяна»). Следствием является стремление вытеснить за пределы науки все, что может быть отнесено к «женскому», а если это невозможно, то, по крайней мере, сузить женский сектор науки. Отсюда и происходит внешне не афишируемая, но реально существующая дискриминация со стороны мужского научного сообщества. Оно по разным причинам не считает возможным допустить саму мысль об использовании научного потенциала женщины-ученого в той области, которая наиболее соответствует ее данным: «Как теоретик я представляла бы интерес, если бы у меня была теоретическая школа. Но эта школа не сложилась именно из-за того, что тем людям, которые могли бы со мной работать, создавался климат жесткой недоброжелательности. Без научного коллектива я не могла создать имя, с которым можно было бы на что-то претендовать» («Юлия»).

Исходное предположение о делении наук на «мужские» и «женские» является одним из факторов, мешающих научной карьере. Препятствия возникают уже на стадии подготовки кандидатских диссертаций. «Татьяна» рассказывает о начале своего пути в науку: «Я поступала в аспирантуру дважды, в 1976 и в 1977 гг., это было советское время. Первый раз я работала в ЦКБ и поступала в аспирантуру института физики, чтобы перейти работать в институт и заниматься физикой. Конкурса не было. Однако за день до экзаменов появился “блатной” конкурент, сын какого-то высокопоставленного лица, у которого не было даже реферата, но было, вероятно, указание руководства института взять его в аспирантуру. На следующий год я поступила в аспирантуру Физико-технического института Академии наук и перешла туда работать». Защита диссертаций, как правило, проходит спустя несколько лет после окончания аспирантуры. «Милена», отдав аспирантуре и работе в научно-исследовательском институте 15 лет жизни, защитила кандидатскую диссертацию в 38 лет: «Женщинам было невозможно защититься раньше».

Поздняя защита диссертаций связана с двумя основными причинами. Первая из них – пристрастное отношение научных руководителей, выражающееся в неоправданном растягивании периода публикации статей по результатам диссертационного исследования. По такому сценарию развивались отношения с научным руководителем у «Юлии»: «Мой научный руководитель, завлаб, притормаживал защиту диссертации умышленно, я попала в зависимость, все время публикуюсь вместе с ним, потому что если не с ним, то меня не пропустят. Я начинаю понимать, что он как бы ревностно относится к тому, опубликуюсь я без него или с ним, и максимально, сколько можно задержать, задержал (защиту диссертации) до 15 статей». О второй типичной причине задержек с защитой диссертаций рассказывает «Татьяна»: «Я смогла защитит кандидатскую диссертацию только в 43 года, поскольку

никто в этом мне не помогал (в том числе научный руководитель), меня все время загружали другой работой, не связанной с темой диссертации».

Если взять более высокий уровень – докторов наук, – то окажется, что и достижение докторской степени сопряжено со значительными трудностями. Из 49 женщин – докторов наук, в разные годы работавших в БГУ, с момента окончания вуза до защиты докторской диссертации прошло: у одной – 40 лет, у одиннадцати – от 31 до 34 лет, у восьми – от 27 до 30 лет, у двенадцати – от 23 до 26 лет, у семи – от 19 до 22 лет и лишь у десяти – от 14 до 18 лет [6]. Только у единиц научная карьера развивалась гладко. Для многих препятствием является дискриминационное отношение руководства: «Мне настолько мой завлаб стал мешать ее оформлять, что я думала, что никогда не защищусь. То есть на готовой работе начались огромнейшие трения, вот тогда я узнала, что такое дискриминация» («Юлия»). О подобных препятствиях на пути к защите докторской диссертации говорит в интервью и доктор медицинских наук, профессор «Галина»:

«– Докторскую я защищала очень сложно. Мне было 44 года – это поздно. Все дело в том, что директором института был необыкновенно талантливый, неординарный человек, но у него, как у всяких великих людей, были непомерные амбиции, какие-то “заскоки”. Он не мог признать никого рядом с собою с таким же званием профессора. И поэтому все диссертации только он планировал, под его руководством мало людей защищалось, а докторских вообще не было, все другие его недостойны. И как только он умер в 1981 году, сразу обвал случился диссертационных работ. И я защитилась в 1984 году.

– Он тормозил и мужчин, и женщин?

– Да-да. Женщин вообще там было мало, единицы, 3–4».

Особенно острое противодействие научному росту женщин обычно начинается после обнаружения стремления стать доктором наук или претензий на занятие должностей заведующих лабораториями, кафедрами и более высоких постов: «Как правило, дистанцию до кандидатской диссертации молодая женщина, не обремененная детьми, проходит примерно в те же сроки, что и мужчина. Это связано с тем, что в этот период своей трудовой деятельности она работает на своего шефа, и он заинтересован в ее защите и ее публикациях. Дальше она начинает претендовать на более высокие должности, на научную группу. Это продвижение требует личных связей и научных контактов. Женщине очень трудно пробиться без мужской поддержки, тем более традиционно считается, будто женщины плохие администраторы. Ситуация осложняется тем, что мужчины остерегаются оказывать поддержку женщине, чтобы его не заподозрили в каком-то личном интересе» («Юлия»). Несмотря на крупнейшие достижения в области радиационной онкологии, признанные международным научным сообществом, доктор медицинских наук, профессор так и не была представлена к президентской стипендии для ученых: «Она меня миновала... Давали людям, которые ничем себя не проявили, в основном мужчинам» («Галина»).

Из различных свидетельств и текстов интервью очевидно, что женщины, посвятившие себя науке, остро переживают наличие дискриминации: «Каждая женщина, выбравшая своей специальностью физику и работающая в этой науке серьезно, сталкивается в той или иной степени в течение своей трудовой карьеры с особым отношением мужчин, которое не в последнюю очередь определяется тем, что физика стереотипно всегда считалась не женской профессией. Это отношение зависит от степени претензий самой женщины на профессию. Чем выше претензии, тем негативнее отношение. Стереотипно мужчины чувствуют себя правыми, не воспринимая успехи женщин слишком серьезно» [7]. Кандидат физико-математических наук «Лариса» развивает эту мысль: «Для немногих, кто достиг успеха, окружающая “мужская” среда не только не способствует их профессиональному росту, но, как правило, оказывается неблагоприятной, если не враждебной. Такая ситуация типична для академических и образовательных институтов во всем мире, и наша страна не является исключением» [8]. Вот еще свидетельство, принадлежащее доктору физико-технических наук: «Окружающие тебя мужчины вместо плеча обычно подставляют локти» [9]. «Для успешных женщин единомышленниками являются только они сами. Мужчины не могут ими стать (в физике), в противном случае они посчитают себя ущемленными» («Милена»). И если в силу объективных условий открываются возможности продвижения, нет никаких гарантий, что женщина займет вакантное место: «В одном конструкторском бюро по разработке оптических устройств многие годы пустовала вакансия заместителя директора по оптике, но эту работу фактически выполняла очень опытная и высокопрофессиональная руководитель оптического отдела. В бюро не было ни одного мужчины-оптика, и, как мне объяснили в дирекции, они принципиально не хотят пускать женщину в свой мужской руководящий круг, и вакансия будет существовать до тех пор, пока не появится оптик-мужчина, пусть и с более низкой квалификацией... Меня постоянно просили “уступить” коллегам-мужчинам. Когда я искала работу в научном учреждении, то мне говорили, что скорее возьмут мужчину без степени, чем женщину со степенью. Занимаясь в аспирантуре, коллеги мужчины с близкими темами установили формальную очередь защиты, а меня поставили на последнее место, потому что я женщина. Очень часто бывают случаи неявной дискриминации, когда не говорится, что надо уступить, потому что я женщина, но это очевидно. В начале трудовой деятельности я не предполагала о существовании столь сильной дискриминации женщин в технических науках, но с годами я поняла, что статус женщин в науке несравненно ниже, чем статус мужчин» («Татьяна»). Если «Татьяну» постоянно просили «уступить», то «Милену» «уступить» не просили – просто отобрали вероломно». Респондентка имеет в виду эпизод своей научной биографии, когда она была отстранена от руководства успешным проектом, который позволил научную разработку воплотить в изделие, нашедшее спрос у потребителей. Сначала исполнителей лишили денег, получаемых от реализации продукции, а затем само научное подразделение присоединили к другому, лабораторию закрыли, кадры ушли, производство прекратилось.

Причина – «мы слишком хорошо работали» («Милена»). Средством принижения роли женщин в научном сообществе является и практика публикаций в соавторстве с руководителем: «Научный руководитель никогда не был против публикаций, в которых он присутствовал как соавтор. До определенного момента он присутствовал в списке авторов всегда» («Милена»). «Если в соавторы я брала начальника, то трудностей с публикациями, как правило, не было» («Татьяна»).

Подобные негативные оценки психологического климата в научных подразделениях не единичны. Из 100 белорусских женщин-физиков 80 в ходе анкетирования отметили необходимость улучшения для женщин моральных и производственных условий в физическом сообществе [10]. Об этом свидетельствуют и другие аналогичные опросы. Изучение условий труда 89 женщин – кандидатов наук, работающих в НАН Республики Беларусь, показало, что 40% из них испытывают «трудности в карьере», 40% обеспокоены «невозможностью найти другую подходящую работу», 35% ощущают «гендерное неравенство», 30% живут в «страхе потерять работу», 25% боятся быть уволенными по возрасту, 20% не устраивают «отношения с окружающими на работе», трудность найти дополнительный заработок беспокоит 40% респонденток [11].

В маскулинизированных областях науки женщины в своем большинстве вынуждены довольствоваться менее престижными должностями или работами. Им преимущественно отводятся технические функции исполнителя в выполняемом проекте: «Меня загружали в основном не научной, а инженерной работой, поиском финансирования по неинтересной тематике, связанной с изготовлением установок, выбиванием денег, работой с технической документацией, что не приносило творческого удовлетворения» («Татьяна»). Продвижение женщин по карьерной лестнице затруднено особенно в физико-математических и технических науках. Это прежде всего связано с тем, что в научных центрах указанного профиля большинство сотрудников составляют мужчины, конкурирующие между собой за должности и выгодные проекты и не заинтересованные в «дополнительных» конкурентках, а потому охотно поддерживающие версию о малой эффективности женщин в научных исследованиях: «Мне были предложены обслуживающие функции, поскольку в маленькой лаборатории, куда меня распределили на работу в институте, занимались только конкретными расчетами для технического проекта и не вели научные исследования. Когда я попросила перевести меня в другую лабораторию, в которой занимались научными разработками, мне отказали» («Татьяна»). Неудивительно, что творческие успехи пришли к ней поздно и защита кандидатской диссертации состоялась только в 43 года, поскольку ее загружали работой, не связанной с темой диссертации.

Нетворческая роль не позволяет женщинам стать носителем заслуживающей внимания информации и войти в неформальную сеть научных коммуникаций, что имеет негативные последствия. Не став признанными членами корпорации ученых, они не могут получить поддержку контролируемого мужчинами (как интеллекту-

ально, так и административно) научного сообщества, где нередко важные решения принимаются в ходе неофициального общения лидирующего мужского большинства. Это приводит не только к моральным издержкам, но и к вполне ощутимым потерям. Женщина в статусе научного сотрудника, не получив в своем проекте личного участия руководства, без коллектива исполнителей и доступа к финансовым, информационным ресурсам, лишена возможности от своего имени добиваться выгодных контрактов, реализовывать перспективные проекты и внедрять в производство разработки по теме: «Я не имела совместных проектов с зарубежными учеными и мне не давали возможности работать по тематикам, которые могут представлять интерес для зарубежных ученых. В это время мои коллеги-мужчины равного статуса, но работающие по другой тематике, имели совместные проекты с зарубежными учеными. Коллеги-мужчины получают гораздо больше зарубежных грантов, чем женщины. На мой взгляд, это объясняется несколькими причинами: в основном сокрытием информации от женщин о конкретной возможности получить гранты (какой фонд, какие темы, до какого числа подача заявок и т.д.), играют роль и более высокие должностные позиции мужчин и предвзятое отношение к женщинам» («Татьяна»).

Продолжает существовать практика неравного подхода к оплате труда женщин и мужчин. Статистические отчеты в строке «наука и научное обслуживание» постоянно констатируют, что средняя заработная плата у женщин меньше, чем у мужчин. Ее соотношение с заработной платой мужчин составило: в 1998 г. – 75,5%, в 1999 г. – 76,0%, в 2000 г. – 78,1%, в 2002 г. – 78,2%, в 2003 г. – 83,1% [12]. Применительно к ученым при одинаковых ставках должностных окладов фактическое уменьшение зарплаты происходит вследствие дискриминационного распределения разовых вознаграждений, премий, надбавок. И хотя неравенство в оплате труда практически соответствует ситуации на Западе – в США средняя заработная плата женщин в сфере науки на 22% ниже, чем у мужчин, – это является слабым утешением.

Проблемные отношения складываются у женщин-ученых и с отечественными научными фондами. Вот три мнения: «По моим наблюдениям, только мужчины получают отечественные гранты в области физико-технических наук. Я наблюдала, что отечественные гранты по физико-техническим наукам получают и проекты, написанные женщинами, но научными руководителями этих проектов они записывают своих директоров институтов (мужчин). Я это объясняю и высокими должностными позициями мужчин, и предвзятым отношением к женщинам» («Татьяна»). «Милена»: среди получателей отечественных грантов «мужчин однозначно больше», «женщин мало» и вообще поддержка ученых (в том числе женщин-ученых) «мизерная и коррумпированная». «Юлия»: «Я делала несколько попыток получить гранты по нашим научным фондам, попытка оказалась успешной только тогда, когда мой заведующий лабораторией был формальным руководителем, а я – фактическим. А когда я шла непосредственным руководителем, результат всегда был отрицатель-

ным. Хотя я понимаю, что здесь, может быть, не столько потому, что я женщина, сколько из-за того, что у этой женщины нет личных контактов. А женщине завести личные контакты в мужской среде очень сложно, потому что эти контакты всегда кажутся подозрительными». В грантовой политике необходима позитивная дискриминация: «По крайней мере, это дало бы шанс женщинам наиболее полно реализоваться и заставляло бы мужчин больше считаться с женщинами и прислушиваться к их мнению» («Юлия»).

При высокой степени мотивации к занятиям исследовательской деятельностью женщины одновременно критичны в оценке своих возможностей к достижению высокого статусного положения в науке: «Раньше я считала, что все зависит от самой женщины. Теперь я знаю, что гораздо больше зависит от мужчин, ее окружающих. Высокий статус в науке женщина может достичь только в том случае, если в этом заинтересован стоящий выше ее по рангу мужчина» («Юлия»). По этой причине женщины зачастую предпочитают участвовать в коллективных проектах, но сами не хотят подавать заявки на гранты и выступать в качестве руководителей – их вполне устраивает работа в коллективе, когда не надо думать о финансовых и организационных аспектах выполняемого проекта. Женщины-ученые этой категории не придают значения гендерной дискриминации, а если и видят ее, то оправдывают личностными качествами женщин и мужчин. Следствием заниженной самооценки является признание неравного положения как должного. Если равенство полов в науке пока не достигнуто, то возникает вопрос: нужна ли женщинам специальная поддержка, чтобы создать одинаковые возможности в реализации научной карьеры? В этой связи многие полагают, что специальная поддержка не нужна, поскольку принятие ее означает признание дискриминации женщин, что неправильно. Но подобная точка зрения не единственная.

Имеются и противоположные мнения: «В физике существует гендерная асимметрия... поэтому... необходимо декларировать гендерное равенство и пытаться учить людей реально оценивать результаты труда и мужчины и женщины по достоинству. Нужно очертить существующую проблему, писать об этом, обязывать руководителей иметь женское представительство в ученых советах и т.п.», но... «ликвидировать эту асимметрию в существующих условиях невозможно. Нашему обществу нужны “директивы”, “установки”, “приказы” типа обязательно ввести 1–2 женщины в ученый совет, назначить зав. лабораторией и т.п.» («Милена»). «Татьяна», в свою очередь, разделяет взгляд, что «женщины не защищены от гендерной дискриминации, поскольку официально не признается, что гендерная дискриминация существовала и существует, а значит, и не от чего женщин защищать... В сфере науки и образования необходимо гендерное равноправие. Наличие равных возможностей позволило бы женщинам лучше раскрыть свои таланты, получить более высокие результаты в профессиональной деятельности, в целом возросли бы успехи как в науке, так и в образовании, что было бы очень полезно для общества». Но для этого «женщинам-ученым нужна идея ликвидации гендерной асимметрии. Даже само об-

суждение этой идеи, то есть сам факт признания гендерной асимметрии поможет женщинам достигать больших научных успехов» («Татьяна»). Путь к гендерному равенству может состоять «в позитивной дискриминации в грантовой политике, в гендерном балансе выборных органов, а также в выравнивании гендерной асимметрии на руководящих должностях (доля женщин должна быть пропорциональна их количеству). Позитивная дискриминация – это самый короткий и эффективный путь ликвидации гендерной асимметрии. Надо рассматривать вопросы гендерной асимметрии в науке в Президиуме НАН, обсуждать их и принимать решения по ликвидации гендерной дискриминации. Надо проводить политику позитивной гендерной дискриминации, устанавливать квоты для женщин при назначении на руководящие должности и при решении других важных вопросов» («Татьяна»).

Беларусь находится в группе стран, где уровень образования женщин превышает мужской: среди лиц с высшим образованием они составляют 53,8%, в среде студенчества – 56,8% [13]. Это значит, что образовательный баланс в пользу женщин сохранится в обозримом будущем и, несомненно, принесет свои плоды. Однако установлению фактического, а не формального равенства занятых научным трудом женщин, смягчению нравов в мире науки, устранению из научной среды проявлений сексизма следует целенаправленно способствовать. Для этого (1) необходимо не только признать наличие дискриминации женщин в структурах научных учреждений, но и выработать политику гендерного равенства, исключающую все формы дискриминации, связанной с полом, возрастом, наличием детей, и на этом основании формулировать уставы учреждений науки; (2) нужно сделать прозрачными в научных учреждениях как критерии приема на работу, продвижения по службе, так и распределения ресурсов (оборудования, финансирования); (3) для обеспечения равного для мужчин и женщин доступа к фондам, финансирующим научные исследования, все объявления о конкурсах обязаны публиковаться, критерии для получения конкурсного финансирования должны быть ясны; (4) женщинам необходимо пропорционально включать во все структуры и комиссии, отвечающие за рецензирование выдвигаемых на получение государственного финансирования проектов и принятие решений в научной сфере; (6) следует разрабатывать и продвигать специализированные программы гендерного образования, ориентированные на разные группы населения – студенческую молодежь, административные кадры, преподавателей учебных заведений.

Литература

1. Чикалова И.Р. Женщины в современной белорусской науке // Женщина. Общество. Образование. Материалы 8-й международной междисциплинарной научно-практической конференции. Минск, 16-17 декабря 2005 г. / Женский институт «Энвила». Минск, 2006. С.27–38.

2. Женщина, образование, демократия. Материалы 7-й международной междисциплинарной научно-практической конференции (10–11 декабря 2004 г.). Минск, 2005. С. 235.
3. Женщина. Образование. Демократия. Материалы 4-й международной междисциплинарной научно-практической конференции (7–8 декабря 2001 г.). Минск, 2002. С. 192.
4. Cole J., Zuckerman H. Marriage, Motherhood and Research Performance in Science // *Sci. American*. N.Y., 1987. Vol. 256. № 2. P.83–89.
5. Женщина. Образование. Демократия. Материалы 6-й международной междисциплинарной научно-практической конференции (19–20 декабря 2003 г.). Минск, 2004. С. 265.
6. Подсч. по: Профессора и доктора наук Белорусского государственного университета. Минск, 2001.
7. Женщина. Образование. Демократия. Материалы 7-й международной междисциплинарной научно-практической конференции (10–11 декабря 2004 г.). Минск, 2005. С. 233–234.
8. Женщина. Образование. Демократия. Материалы 6-й международной междисциплинарной научно-практической конференции (19–20 декабря 2003 г.). Минск, 2004. С. 323.
9. Женщина. Образование. Демократия. Материалы 5-й международной междисциплинарной научно-практической конференции (6–7 декабря 2002 г.). Минск, 2003. С. 143.
10. Женщина. Образование. Демократия. Материалы 6-й международной междисциплинарной научно-практической конференции (19–20 декабря 2003 г.). Минск, 2004. С. 322.
11. Женщина. Образование. Демократия. Материалы 4-й международной междисциплинарной научно-практической конференции (7–8 декабря 2001 г.). Минск, 2002. С. 190, 191.
12. Труд и занятость в Республике Беларусь. Стат. сб. Минск, 2000. С. 227; Труд и занятость в Республике Беларусь. Стат. сб. Минск, 2001. С. 354; Труд и занятость в Республике Беларусь. Стат. сб. Минск, 2004. С. 352.
13. Женщины и мужчины Республики Беларусь. Стат. сб. Минск, 2003. С. 78, 81.

Примечания

- ¹ Основная статистика и эмпирический материал почерпнуты из официальных источников. Среди них издаваемые Министерством статистики ежегодные сборники «Труд и занятость в Республике Беларусь», «Статистический ежегодник Республики Беларусь», «Женщины и мужчины Республики Беларусь» (издается с 1999 г.), а также издания «Наука Республики Беларусь», «Образовательный уровень населения Республики Беларусь», «Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь. 2002». Полезная информация почерпнута из издаваемых Министерством образования Республики Беларусь ежегодных сборников «Прафесарска-выкладчыцкія работнікі вышэйшых навучальных устаноў Міністэрства адукацыі», а также из юбилейных информационных изданий «Национальная академия наук

Беларуси: Персональный состав», «Национальная академия наук Беларуси. 1929–1999», «Профессора и доктора наук Белорусского государственного университета».

- ² Результаты обработки эмпирического материала представлены в статье: Чикалова И. Р. Женщины в современной белорусской науке // Женщина. Общество. Образование. Материалы 8-й международной междисциплинарной научно-практической конференции. Минск, 16-17 декабря 2005 г. / Женский институт «Энвила». Минск, 2006. С. 27–38.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ТРАДИЦИОННОЙ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

В условиях трансформации современного общества, разрушения социально-экономических, политических и культурных структур и связей возникают серьезные сомнения в перспективах дальнейшего существования человеческой цивилизации. Стремительное изменение окружающего мира, разрыв связей между поколениями, нарушение механизмов социализации, гендерный дисбаланс не дают человеку возможности приспособиться к внешним условиям, ведут к деформированию самоидентификации личности, моральной деградации, кризису гуманизма.

Отсюда и проистекает необходимость теоретического осмысления феноменов изменяющегося мира, в том числе и через обращение к наследию прошлого. Но сегодня традиционную культуру имеет смысл рассматривать как систему, состоящую из мужской и женской субкультур, каждая из которых обладает определенными свойствами и выполняет свою роль в развитии и функционировании системы в целом.

В исследованиях традиционной культуры белорусов этнография детства считается одной из наименее исследованных тем. Хотя сведения о быте, работе, играх детей, их взаимоотношениях с родителями, соседями, сверстниками встречаются уже в работах этнографов XIX в., однако это фрагментарные сведения, поскольку никто из них не ставил перед собой задачу исследовать детство как феномен. Л.В. Ракова считает основным источником материалов для исследования этнографии детства фольклор, аргументируя это тем, что именно в фольклоре (в народной педагогике) сохранились указания на формы, методы и средства воспитания, показаны особенности детской жизни, взаимоотношения в семье и обществе [1:109]. Из современных

белорусских исследователей изучением народной педагогики занимаются И.И. Калачова, А.П. Орлова, Л.В. Ракова, И.В. Казакова, В.В. Чечет, Т.И. Кухаренок, В.А. Салеев и др. Но при этом никто из них не изучает формирование в традиционной белорусской культуре гендерной идентичности.

Исследуя способы гендерной социализации в традиционном обществе, в частности детский фольклор, можно заметить, что в отличие от других традиционных культур (прибалтийских, кавказских, молдавской) в белорусских колыбельных практически отсутствуют указания на гендерные роли [2; 3; 4]. В них нет обращенных к ребенку рассказов о том, кем он будет, когда вырастет, как он должен будет себя вести в соответствии со своим гендером. Подавляющее большинство колыбельных, потешек, дразнилок может быть использовано как для мальчика, так и для девочки.

Авторы серии «Этнография детства» (этносоциологическая программа И.С. Кона) при описании феномена детства в традиционных культурах азиатских стран кроме этнографических исследований, архивных материалов, социологической и культурологической литературы используют также и художественные тексты – стихи, прозу, произведения мемуарного жанра. И хотя сведения из художественных произведений автобиографического характера исследователи небезосновательно считают не вполне объективными, ценно в них то, что они показывают самовосприятие ребенка и восприятие им окружающих людей и ситуаций.

Гендерный образ детства в произведениях, основанных на автобиографических воспоминаниях белорусских писателей, так же мало различим, как и в белорусском фольклоре. Мальчики и девочки выполняют одинаковую работу, играют в одни и те же игры (разница существует лишь в ролевых играх, где девочки копируют поведение матери, а мальчики – поведение отца) [5; 6; 7]. Возникает предположение, что гендерная социализация в традиционной белорусской культуре происходит достаточно поздно (особенно у мальчиков, которые до 12–14 лет остаются под опекой матери) и в большей степени под влиянием сверстников, чем под влиянием родителей. Это тем более интересно, что гендерное разделение ролей в обыденной жизни взрослых достаточно жесткое – мужчина, например, не может сам взять еду из печи или одежду из сундука. Поэтому остается открытым вопрос, каким же образом и когда происходит гендерная идентификация?

Рассматривая специфику существования и поведения взрослого человека в традиционной культуре, можно выделить две основные формы его самореализации: бытовую, или повседневную, где первичной является хозяйственная деятельность, и ритуальную, где на первом месте стоит символическая сторона жизни. Современные исследователи вычленили в любой традиционной культуре компактную модель мира, которая становится определяющим фактором мировоззрения и исходя из которой выстраивается вся ритуальная жизнь общества. Ритуальная часть жизни для представителя традиционной культуры является наиболее важной, так как каждое событие в жизни человека – рождение ребенка, смена сезонов, болезнь и т.д. – понимается как акт созидания, и именно ритуал воссоздает мифологический сцена-

рий создания и существования мира. Рабочей гипотезой является предположение о том, что именно участие в ритуалах становится основным каналом гендерной социализации.

Часть обрядов в традиционной культуре выполняется совместно всей семьей (родом), включая и детей. Проводятся они либо в доме, либо в пределах своего хозяйства. Такие обряды направлены на обеспечение достатка всей семье (роду). Другая часть обрядов выполняется группой ровесников или людей с одинаковым социальным статусом. Здесь участники чаще выбираются по гендерному признаку. А предполагаемый результат проектируется уже не на отдельную семью, а на всю общину.

В традиционной обрядности обычно выделяют календарные и семейно-бытовые обряды. Календарные обряды исследователи чаще всего классифицируют в соответствии с сезонами и сельскохозяйственными работами, при этом оговаривая упрощенность такого деления. Но можно пойти другим путем и попробовать поделить календарные обряды в зависимости от участия в них мужчин и женщин. Правда, попытка такого деления и, соответственно, исследования женского и мужского участия в обрядах сопряжена с определенными трудностями. Дело в том, что этнографическое фиксирование обрядов началось достаточно поздно и к этому времени роли мужчин и женщин в обрядах во многих случаях затмились или сместились. Исследователи утверждают, что женщины как более консервативная часть общества в обрядах берут на себя функции, оставленные мужчинами.

Л.А. Абрамян при изучении роли и структуры праздника в первобытном обществе использует триаду, предложенную В.Н. Топоровым, и реконструирует идеальный магический обряд в виде схемы: «мысль – слово – дело» [8]. Исполнитель сначала обдумывает проблему, затем проговаривает идею и, наконец, производит действие. Однако в реальном обряде, как отмечает автор, некоторые из элементов этой схемы могут отсутствовать. Кроме того, исполнителями каждого из элементов бывают разные участники ритуала. Но, тем не менее, целесообразно попытаться применить эту схему и к гендерному исследованию обрядов традиционной белорусской культуры.

Так, анализ обрядов календарного цикла показывает, что все участники обряда знают, для чего исполняется обряд, т.е. и мужчины и женщины являются носителями *мысли* как элемента структуры обряда. *Слово* также используют и мужчины и женщины, однако женщины им пользуются гораздо чаще, чем мужчины. Зато мужское слово имеет больше возможностей для импровизации, поскольку мужчина использует слово в основном индивидуально. Таким образом, в большинстве случаев именно женщина с помощью слова организует обряд, охраняет место его проведения и участников и проговаривает желаемый результат обрядовых действий. Что же касается *дела* как элемента структуры обряда, то и здесь заметны некоторые отличия. Обряды, в которых участвуют только мужчины, – это преимущественно ритуалы обхода некоего пространства. Во всех остальных обрядах мужчины либо

не участвуют совсем, либо участвуют вместе с женщинами. Следует отметить, что обычно мужчины выполняют очень мало ритуальных действий. Причем если женщины закапывают свои вещи в землю во время обряда “*пахаванне стралы*”, перекатываются по сжатой ниве или завивают березки, то мужчины делают первый прокос, мастерят качели, раскладывают костер и др.; т.е. мужские действия несут гораздо меньше символической нагрузки, чем женские, они, если можно так выразиться, «более практические».

Семейные обряды в концепции А. ван Геннепа называются *rites de passage* (ритуалы перехода, изменения социального статуса). В них отразились архаичные верования, сконцентрированные возле универсального представления о новом рождении через смерть. Цель этих обрядов всегда остается неизменной: обеспечить человеку успешный переход из одного определенного состояния в другое, настолько же определенное [9:9]. При этом после перехода статус изменяется не только у «главного героя» обряда, но и у всех остальных, даже у тех, кто не принимает в обряде непосредственного участия. Особенностью обрядов перехода, а значит, и большинства обрядов семейного цикла, является специфическое состояние центральной фигуры. Как отмечает А. Байбурин при анализе коммуникативного аспекта ритуала, с одной стороны, весь сценарий ритуала разрабатывается с точки зрения «главного героя», но, с другой стороны, ему свойственна подчеркнутая пассивность: все действия проводятся либо вместо него, либо над ним [10:197]. Таким образом, главный участник является объектом, а не субъектом ритуала, и это объясняет, почему относительно его предписаны значительные ограничения – как в действиях, так и в словах.

Если анализировать белорусские обряды семейного цикла, используя схему В.Н. Топорова, главной их *мыслью* можно считать не только обеспечение урожайности и плодovitости, но и магическую защиту (и предсказание) будущему представителю рода. Думается, что женщина в данном случае более осведомлена о смысле и цели обрядовых слов и действий и в большей, чем мужчина, степени является носителем *мысли* как элемента структуры обряда. Ритуальные *слова* лишь изредка проговариваются самим объектом обряда, а чаще – теми персонажами, которые представляют его во время различных частей ритуала (это могут быть и мужчины и женщины). Но ритуальные песни во время обрядов семейного цикла практически всегда исполняют женщины. Как и в календарных обрядах, песни могут направлять ход обряда, охранять место проведения и самих участников, а также проговаривать желаемый результат (практически каждая женщина является носителем и хранителем «текста»). Что же касается *дела*, то мужчина выполняет какие-то функции лишь в том случае, если ему необходимо заменить на некоторое время главного персонажа или выступать от его имени. Женщина чаще выполняет магические ритуалы охранительного характера. Мужские действия и в семейных обрядах несут небольшую символическую нагрузку. Особенно это заметно в похоронном обряде, где большинство практических задач решают мужчины, а женщины прерывают их

действия словами (голошениями). Я. Крук отмечает ритмические чередования в обряде похорон слов и действий [11:71].

Таким образом, мужская и женская субкультуры достаточно четко различаются в рамках традиционной белорусской культуры. Женская субкультура жестко регламентирована, женщины исполняют большую часть обрядовых слов и и символических действий. Мужская субкультура менее ритуализирована и, возможно, поэтому более открыта инновациям.

Особенности существования мужской и женской субкультур, отличия трансляции каждой из субкультур и гендерной социализации в рамках традиционной культуры требуют дальнейшего более глубокого изучения.

Литература

1. Беларусы. Т. 5. Сям'я. Мінск: Бел. навука, 2001.
2. Аурило В. Детская литература Литвы. М., 1991.
3. Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991.
4. Бэешу Н. М. Воспитательное значение детского фольклора. Кишинев, 1980.
5. Васілевіч А. Пачакай, затрымайся... Мінск, 1979.
6. Улашчык М. Была такая веска... // М.Улашчык. Выбранае. Мінск, 2001.
7. Брыль Я. Ніжнія Байдуны // Я. Брыль. Запаветнае. Выбраныя творы. Мінск, 1996.
8. Абрамян Л. А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983.
9. Геннеп А. ван. Обряды перехода. М., 1999.
10. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
11. Крук Я. Сімволіка беларускай нацыянальнай культуры. Мінск, 2001.

МЕДИА-ЛАНДШАФТ БЕЛАРУСИ КАК МОДЕЛЬ ПОГРАНИЧЬЯ

В основании данного текста находятся результаты исследовательского проекта «Культурная идентичность в контексте Пограничья», а сам проект осуществлялся в рамках программы «Социальные трансформации в Пограничье (Беларусь, Украина, Молдова)», которую администрирует Центр перспективных научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE).

Чтобы не пытаться «описать неопишемое», я сконцентрируюсь на проблемах одного вида масс-медиа, действующих в Беларуси, – FM-радиостанции. Выбор в пользу радиостанций, вещающих в FM-диапазоне, не является произвольным. Приведем лишь несколько аргументов в его пользу, которые указывают на значимость FM-вещания для социально-культурных преобразований на постсоветском пространстве вообще и для Беларуси в частности.

Во-первых, этот сектор в системе масс-медиа возник и начал развиваться лишь после распада СССР. Раньше подобное вещание у нас отсутствовало и поэтому оно было полностью заимствовано из медийного опыта Запада. (К тому же FM-станции подчеркивали разрыв с советским каноном.)

Во-вторых, поскольку выпускаемая в СССР радиотехника не могла принимать верхний УКВ-диапазон, то развитие FM-вещания активизировало потребление приемников импортного производства. Во времена холодной войны вещание иностранных радиостанций на территорию СССР осуществлялось в тех диапазонах, что были в наличии у большинства советских радиоприемников (КВ, СВ), но с появлением FM-вещания требовались уже иные аппараты, которые и приобретались любителями этого вещания.

В-третьих, FM-радио стало пионером в рекламном бизнесе. В СССР существовали рекламно-информационные газеты, но это были газеты частных объявлений. FM-радио первым начало размещать в эфире рекламу коммерческого характера за деньги. Стоит отметить, что FM-рынок можно вообще рассматривать как синоним рекламного рынка.

В-четвертых, после появления FM-вещания радио из голоса Кремля превратилось в наиболее оперативный вид локальных масс-медиа. Теперь параллельно с системой традиционного государственного радио развивается заимствованное на Западе «форматное» вещание, которое предполагает выстраивание масс-медиа как бизнеса, как вещания не для всех, а для «целевой аудитории».

От ландшафта к медиа-ландшафту и обратно

Прежде чем начать рассуждать о медиа-ландшафте, попытаемся кратко обосновать валидность и необходимость заимствования из географического дискурса понятия ландшафта. Затем попробуем реконструировать социально-культурные трансформации белорусского медиа-ландшафта и предложим одну из возможных его моделей.

Первоначально понятие ландшафта возникло и функционировало в географическом дискурсе, но сегодня оно становится все более употребляемым термином, применительным к социальным и культурным феноменам. Концептуализация ситуации пограничья тоже подталкивает к его использованию. Даже на неакадемическом уровне система масс-медиа часто «схватывается» через медиа-ландшафт, когда описания и классификации осуществляются в рамках концепции медиа-ландшафта. По аналогии это социальное измерение ландшафта вполне могло бы именоваться «социошафтом» [2, с. 54], однако данный неологизм не прижился.

С точки зрения географии понятие ландшафта применимо в натурализме, геоморфизме, проектизме, эстетизме, эскапизме и пр. (см. подробнее: Каганский В. Л. «Основные подходы к ландшафту» [7]). При этом предельно широко ландшафт может быть определен как *«территориальная система, состоящая из взаимодействующих природных или природных и антропогенных компонентов, а также комплексов более низкого таксономического ранга»* [1, с.79]. Или как *«сплошное разнообразное пространство земной поверхности, живая среда мест, освоенных утилитарно и символически, пронизанных смыслом для живущих в них людей»* [8].

В ландшафтоведении выделяется базовая единица – «элементарный ландшафт», под которым понимаются *«простейшие частицы компонентов, из комбинаций которых складывается многообразие реального мира»* [1, с. 53], а если говорить на языке картографии, то это *«геокомплекс, который исследователь с одной точки может видеть целиком»* [4, с. 15]. Но, отмечая понимание ландшафта как некоей целостности, следует сказать и о его границах. В ландшафтоведении границы ин-

терпретируются как «поверхности раздела соседних ландшафтов, смены их качества, свойств; а также поверхности, которыми ландшафт как бы отделен от других неландшафтных образований» [1, с. 48]. Из определения следует некий внешний, сторонний статус границы. Это то, что отделяет, но не является частью ландшафта.

При переносе вышеназванных терминов в сферу масс-медиа можно сформулировать два ключевых понятия медиа-ландшафта – пространство и структура.

I. Пространство. Здесь неизбежен перенос географических понятий в сферу масс-медиа, поскольку «погруженный в культурное пространство человек неизбежно создает вокруг себя организованную пространственную сферу» [10, с. 334]. Это происходит в силу того, что «понятие географического пространства принадлежит к одной из форм пространственного конструирования мира в сознании человека» [10, с. 297]. Алгоритм описания (картографирования) ландшафта может (или должен) быть перенесен на карту (модель) медиа-ландшафта. Часто описание медиа-ландшафта редуцируется к описанию медиа-системы через простое перечисление, при этом игнорируются такие характеристики ландшафта, как **непрерывность** (т.е. не бывает так, что здесь ландшафт есть, а через 200 метров его нет) и **протяженность** (т.е. ландшафт – это всегда отношения доминирования и подчинения). Подобная описательность медиа-ландшафта приводит к тому, что он понимается как изящная метафора медиа-системы. Пример такого подхода к медиа-ландшафту предоставлен в [15].

II. Структура. Модель масс-медиа должна выстраиваться в трехмерном пространстве, где есть медийные пики и хребты, долины и впадины. Тогда возникает не просто схема масс-медиа, а объемная модель, представляющая различные силы и интересы. Можно добавить, что понятие ландшафта успешно вписывается в дискурс Нового времени и новой рациональности, когда природа должна быть не просто освоена, но и преобразована – подобное при(о)своение и можно рассматривать как картографирование. Принципиальное отличие между описанием взаимодействия различных видов масс-медиа и концепцией медиа-ландшафта состоит в том, что система масс-медиа «разворачивается» на плоскости в двух измерениях, тогда как медиа-ландшафт предполагает конструирование отношений в трех измерениях. Это значит, что он требует наличия структуры, описывающей положение ее элементов относительно друг друга.

(Здесь следует сделать еще одну оговорку. Стремление исследователя обнаружить структуру изучаемого феномена неизбежно связано с тем, что на основании полученных в ходе исследования данных им будет построена некая модель. Но в силу того, что «структуры не выходят на улицы», исследователь может найти или сконструировать то, чего просто нет, породив очередной «класс на бумаге» (см. подробнее [3]). Подобная опасность существует и в случае с конструированием медиа-ландшафта.)

Событие обретает свое существование через репрезентацию, а реальность пограничья проявляется в структурировании и описании как ее географического, так и медиа-ландшафта. В этом смысле описание или конструирование медиа-ландшафта может рассматриваться как вариация классической проблемы репрезентации реальности, когда «объективное отражение» (при детальном рассмотрении) оказывается субъективным конструированием репрезентируемой реальности.

Ландшафтоведение эту ситуацию определяет следующим образом: *«Глубинная сущность ландшафтного картографирования – установление наиболее значимых (системообразующих) связей между отдельными природными телами (компонентами) в пределах данной территории»* [4, с. 40]. Здесь сформулирован один из базовых принципов конструирования ландшафтов посредством структурирования, когда исследователь выстраивает иерархические отношения между отдельными элементами. При этом следует учитывать, что если мы не говорим о ландшафте (в контексте соответствующего дискурса), то и само существование ландшафта для нас будет неочевидным. Можно сказать, что *«ландшафт существует во многом в меру нашего с ним взаимодействия как с ландшафтом»* [5, с. 41].

В случае с медиа-ландшафтом точнее будет говорить о ландшафтном переживании – это *«такого рода видение, которое определяется как “зримое становление незримого”* [14, с. 27]. Короче говоря, описание медиа-ландшафта – это попытка описать реальность, которая растворена в нашем повседневном опыте и о существовании которой мы не задумываемся. Это задача сопоставима с описанием гетеротопий, и даже утопий (см. подробнее [16]).

После распада СССР Беларусь попыталась реконструировать советскую модель медиа на основании ее уцелевших фрагментов (под советской моделью масс-медиа мы понимаем принципиальную схему взаимодействия масс-медиа и власти, описанную Денисом МакКьюэйлом [12, гл 5.]). По аналогии с тем, что *«любой обломок семиотической структуры или отдельный текст сохраняет механизмы реконструкции всей системы. Именно разрушение этой целостности вызывает ускоренный процесс “воспоминания” – реконструкции семиотического целого по его части. Эта реконструкция утраченного уже языка, в системе которого данный текст приобрел бы осмысленность, всегда практически оказывается созданием нового языка, а не воссозданием старого, как это выглядит с точки зрения самосознания культуры»* [11, с. 18]. Культурные фрагменты советского прошлого в Беларуси бережно собираются для воссоздания идеальной модели прошлого. При этом можно уверенно говорить, что белорусский ландшафт вообще, а не только медиа-ландшафт, все еще остается советским. Но воссоздание оказывается не повторением, а конструированием чего-то нового. В случае с масс-медиа это проявляется достаточно отчетливо. Советская модель масс-медиа при воссоздании в новых условиях и на новом техническом уровне оказывается достаточно далекой от своего прототипа.

Мутация коммуникации: от советской модели к модели Пограничья

Прежде чем представить модель, претендующую на презентацию актуальной ситуации, предлагаю рассмотреть одну из версий генезиса данной модели: от советской модели (ставшей уже классической) к постсоветской пограничной модели (являющейся уже пост-классической).

Выбирая из шести нормативных теорий медиа (Авторитарная теория, Теория свободной прессы, Теория социальной ответственности, Советская теория, Теория развития и Теория демократического участия), предложенных Д. МакКуэйлом [12, гл. 5], трудно подобрать что-то подходящее для медиа-системы сегодняшней Беларуси. Поскольку мутации, произошедшие с советской системой в Беларуси после распада СССР, не позволяют говорить даже о ее «советскости» как атрибутивной характеристике.

Чтобы вписать белорусскую модель в определенную систему координат, воспользуемся двумя парами понятий: Канон – Контекст (ось Y) и Генезис – Перспектива (ось X). Кстати, подобная система координат может весьма пригодиться и для дальнейшего структурирования медиа-ландшафта.

Канон

Западноевропейский и советский опыт использования и выстраивания системы масс-медиа существенно расходятся в понимании функций и задач медиа. В первом случае можно говорить о достаточно разработанной теории коммуникации или теории медиа, в рамках которой все виды и типы масс-медиа классифицированы и структурированы исходя из их социальной и политической направленности. К тому же на Западе уже давно сложилась традиция использования общественно-правовых масс-медиа как реального института четвертой власти.

Советский опыт создал традицию понимания медиа как рупора власти и идеологической обработки аудитории, которая должна была формировать определенное видение социальной реальности. Поэтому профессионалы из сферы медиа находились на особом положении и осознавали важность своей работы как пропагандистско-информационной. Естественно, никакого критического осмысления роли и задач масс-медиа, как, впрочем, и теории, описывающей медийное пространство, в советское время не было, да и быть не могло.

Поэтому говорить о наличии канона относительно белорусских медиа достаточно проблематично, поскольку все они были искусственными образованиями, созданными вышестоящими идеологическими органами.

После распада коммунистической империи последовало естественное отрицание прежнего опыта, но собственных форм в сфере медиа создано не было. Просто заимствованные на Западе модели масс-медиа наполнялись собственным содер-

жанием, которое могло принципиально не соответствовать используемой форме. И тогда мы получали странных мутантов: общенациональное телевидение вместо общественного, вульгарный таблойд вместо «солидной общественно-политической газеты» и т.д. Иначе говоря, новая организация медиа просто формулировалась исходя из габитуса и повседневной практики советского человека.

Контекст

Постсоветское отсутствие политики в сфере масс-медиа длилось не долго. Весьма скоро произошел возврат к медийному опыту СССР. Влияние российских медиа на белорусский медиа-ландшафт по-прежнему оставалось значительным, а в некоторых медиа-сферах имело доминирующий характер. Это проявлялось не только там, где подобная зависимость была сформирована еще в советские годы (например, телевидение), но и в новых медиа – трафик белорусского Интернета имеет одно основное направление – рунет (русская зона Сети).

Формирование независимой системы масс-медиа проходило одновременно с освоением новых технологий. Отставание Беларуси в этом плане исчислялось несколькими десятилетиями. В результате функции и значение некоторых медиа приходится открывать лишь теперь. Частично это касается даже и тех медиа, которые имеют уже достаточно длительную историю, например телевидение или радио. К тому же заметим, что в СССР белорусские медиа не являлись национальными (т.е. формально они были таковыми, но в действительности не выполняли задач, присущих национальным медиа).

Генезис

Еще одно замечание, упреждающее некоторые вопросы. В годы существования СССР восточноевропейского пограничья как такового не было. Скорее можно говорить о традиционной иерархической модели, присутствующей в практике взаимоотношений любой империи относительно своих колоний: Центр – Провинция – Периферия – Граница (см. подробнее [6]). Поэтому одним из самых значительных последствий социально-политических трансформаций нашего времени можно считать появление новых или изменение существовавших границ Европы.

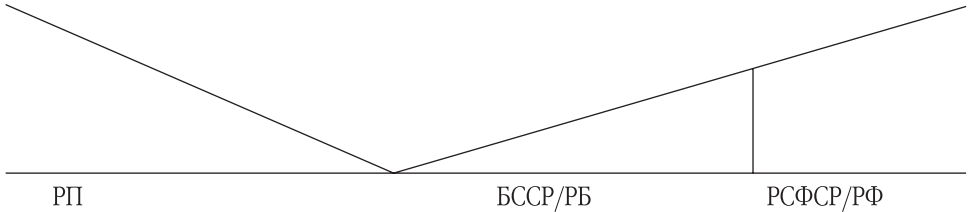
Переходя непосредственно к модели медиа-ландшафта, предлагаю именовать ее «**ОКОПНОЙ**», почему – станет понятно из нижеследующих размышлений.

На рис. 1 условно представлена принципиальная схема взаимоотношений между Метрополией (Москва) и ее провинциальными и периферийными территориями. Говорить о двусторонней коммуникации здесь не приходится.

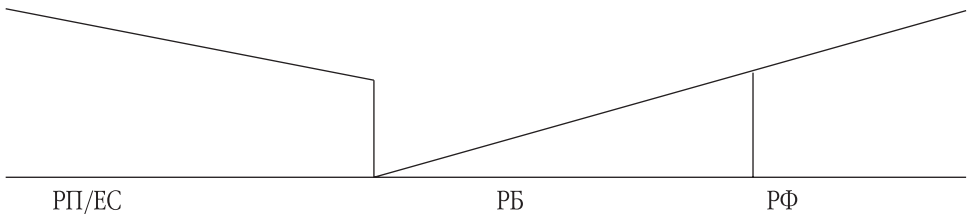
На рис. 2. можно видеть постепенное расхождение между Польшей, обретающей независимость, и Советским Союзом. (Польша была своего рода экспериментальной площадкой для будущих социально-экономических трансформаций СССР.)

Рис. 2. 1980-е годы

Информация из Москвы о событиях в Польше и собственно польский взгляд на происходящее существенно различались. БССР тогда все еще оставалась в информационной власти Москвы, поэтому «польский взгляд» белорусам был недоступен.

Начало 90-х гг. было временем обретения независимости «братскими» советскими социалистическими республиками. Вместе с тем параллельно шла реконструкция рассыпающихся без вертикали власти отношений между уже независимыми странами. Следствием чего было создание СНГ. Но в то же время Европейский союз открыто заговорил о возможном расширении на Восток (рис. 3).

Рис. 3. 1990-е годы

В Беларуси все еще сохранялась ориентация на Россию и, соответственно, информационная зависимость от деятельности российских масс-медиа. К примеру, вспомним ретрансляцию FM-станции «Радио Рокс» из Москвы. Идея (вос)создания союзного государства породила медиа-группы «Союз» и Межгосударственную телерадиокомпанию «Мир» (СНГ), которая вещает, конечно, из Москвы.

В FM-диапазоне в Беларуси долгое время работало только две станции: московский «Рокс» и минское радио «Би-Эй». В силу различных причин этот сектор медиа был как бы заморожен. По-прежнему оставалась достаточно сильная зависимость содержания белорусских медиа от российских. Отношение и роли участников медиа-коммуникации в Беларуси за время трансформаций практически не изменились. Как и раньше доминировал вопрос: «А что скажет Москва?»

Обратного влияния практически не было. Если не считать того, что в середине 90-х гг. Белтелерадиокомпания развернула на 180 градусов доставшиеся в наследство от СССР мощные передатчики (они использовались в качестве генераторов шумов – «глушилок» вражеских голосов), чтобы вещать на Россию (до Урала). Однако вопрос о слушателях этого вещания остается открытым.

Сложные экономические отношения, а также различия в политических интересах в конце концов привели к тому, что информационная зависимость от России стала представлять реальную опасность для белорусской власти. Особенно после смены российского руководства, когда выяснилось, что белорусские события оцениваются весьма неоднозначно российскими медиа, а повлиять на этот процесс в ситуации активной ретрансляции Минск не может. Поэтому в 1999 г. была прекращена ретрансляция российских радиостанций «Маяк» и «Юность» (между прочим, за счет средств белорусского бюджета!) и расширено белорусское вещание на Россию.

Стремлением ограничить влияние масс-медиа соседей обусловлено и введение обязательных квот для белорусской музыки – сначала 50% (2003), а потом и 75% (2005). Подобные процессы имеют место и на телевидении. Например, Второй национальный телеканал (ОНТ) создан на основе российского Первого канала, а СТБ – на основе также российского Ren-TV.

На сегодняшний день у белорусской медиа-системы нет ни ресурсов, ни возможностей, чтобы преодолеть материально-технические трудности и выйти на качественно иной уровень. Но дело не только в этом. Есть определенные проблемы со встраиванием страны в целом в процессы глобализации и европейской интеграции. О мировых новостях мы узнаем по отражениям на стенах глубокого окопа, в котором укрылись от мира, а высунуться над бруствером – боязно. И поэтому судить о происходящем можем только по бликам и теням на стенах. Хотя влияние этих «теней» по своему воздействию не уступает белорусским телерадиоканалам (рис. 4).

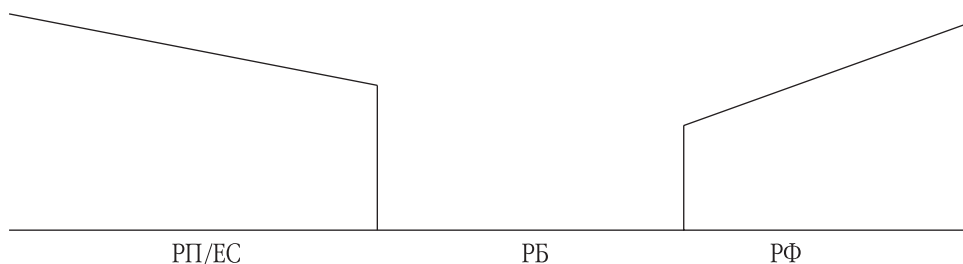

Рис. 4. Конец 90-х и наше время

При этом каждая из стран-соседей Беларуси небезразлична к использованию своего частотного ресурса.

Частотный ресурс – весьма существенная медийная возможность для любого, даже самого крошечного, государства, поскольку таким образом оно способно вещать не только на свою территорию. Например, польские FM-станции можно свободно слушать и в Гродно, и в Бресте. Информационное пространство соседей Беларуси не совпадает с их территориальными границами, и поэтому Беларусь подпадает под их влияние, а в силу политических и экономических причин об обратном влиянии говорить достаточно проблематично. Создавая свое предельно изолированное информационное пространство, Беларусь лишь углубляет «окоп».

Размышляя над своей моделью под названием «окоп», я в какой-то момент вспомнил, что более чем две тысячи лет назад нечто весьма похожее, но в другом контексте предложил Платон (см. подробнее: Платон. Символ пещеры // Государство, книга седьмая):

«...люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная [...] невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол. [...] За этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат. Прежде всего разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?» [13, с. 514–515].

Перспективы

Не претендуя на универсальность, можно предложить четыре варианта трансформации «окопно/пещерной» модели Беларуси как модели ее медиа-ландшафта. Вследствие углубления и расширения стены «окопа» обвалятся:

- с Запада (вариант 1);
- с Востока (вариант 2);
- с двух сторон (вариант 3);
- слишком углубившись, белорусская медиа-система просто задохнется в этом «окопе», превращенном ею в «колодец» (вариант 4).

В этой работе не ставилась задача создать карту, отражающую белорусский медиа-ландшафт, а лишь проводились подготовительные работы.

Реальным медиа-ландшафт становится только в нашем воображении, без него мы нигде и никогда не сможем увидеть пространственные черты медиа-ландшафта. В чем-то он похож на собственно ландшафтный образ, который *«определяется геометрией сложной кривой, что связывает точки земли и неба в той конфигурации, которая отражает силу их взаимодействия»* [14, с. 26].

Во время интервью с руководителями минских радиостанций (программные директора и генеральные директора) выяснилась следующая особенность. На просьбу описать свое место и место других станций в белорусском медиа-ландшафте, используя географические понятия, они отвечали: *«Мы будем вещать на всю страну – вот наши географические прилагательные»*, или *«Наши холмики расположены во всех районах этого города»*. (Из наиболее колоритных метафор о своей станции и ее топологизации в пространстве отметим следующую: *«Если искать образные сравнения, то, наверное, это опушка леса. Бредешь по лесу, а тут бац – опушка! Опушка леса»*.)

Вместо выводов:

- Описание медиа-ландшафта возможно лишь через его конструирование. Медиа-ландшафт – в чем-то утопическая модель. Это то, чего в реальности не существует (здесь его ключевое отличие от географического ландшафта, в котором социокультурно детерминированная оптика выхватывает из тела поверхности классифицированные ранее фрагменты: пики, хребты, ущелья и пр.). Пространство медиа-ландшафта трудно локализуется в географическом пространстве. Во всяком случае, оно не совпадает с географическими или административными границами. Это виртуальное многомерное пространство, в котором совершаются только коммуникативные процессы.
- Попытка описать медиа-ландшафт пограничья можно сравнить с попыткой описания гетеротопий, а в белорусском случае – утопических пространств. Конструирование пространства пограничья приводит к членению влияния стран-соседей, во многом отрицающих принципиальную возможность самостоятельного существования культуры пограничья. Это тот случай, когда описание совпадает с наименованием, а через наименование и с присвоением.
- Модель «окопа/пещеры» представляется перспективной. Она пригодна для оценки возможных трансформаций медиа-ландшафта и в качестве пространства для структурирования. Если говорить о «белорусской аудитории», то модель медиа-ландшафта хорошо подходит для понимания принципов организации и структурирования этого воображаемого сообщества. Но само воображаемое сообщество существует не в вакууме, оно реализуется в социальной реальности и на территории распространения/вещания тех или иных медиа.
- Предложенная модель «окопа/пещеры» структурирует медиа-ландшафт и вписывает белорусскую систему масс-медиа в контекст ситуации пограничья

Восточной Европы. Степень взаимодействия с медиа-системами стран-соседей, в контексте нашего исследования, представляет интерес как индикатор востребованности и как символическая фигура Другого. Непрерывность медиа-ландшафта диктует необходимость говорить о Другом как о «зеркале», рассматривая которое в надежде увидеть этого Другого мы изучаем самих себя.

- Сегодняшние «тени», которые видны обитателям «окопа/пещеры», в белорусской ситуации представлены как репрезентации, созданные Другим для потребления в иных культурах. Они не готовятся специально для «жителей пещеры», но помогают им увидеть свое отражение во взгляде Другого. При этом метафора «тени» не означает, что есть некая объективная репрезентация реальности, недоступная некому лишь по той причине, что он находится в «окопе/пещере». Многообразие и различие «теней» понимается нами как множественность репрезентаций, ни одна из которых не претендует на истинность или объективность. «Тени» – это мазки, которыми масс-медиа создают полотно реальности в нашем сознании.

Литература

1. Александрова Т.Д. Понятия и термины в ландшафтоведении / АН СССР Институт географии. М.: ЦНИИТЭлегпром, 1986.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. (Малая серия «Conditio Humana» в серии “Публикации Центра Фундаментальной Социологии”.)
3. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 53–98.
4. Исаченко Г.А. Методы полевых ландшафтных исследований и ландшафтно-экологическое картографирование. Курс лекций. СПб., 1998.
5. Каганский В.Л. Мир культурного ландшафта // Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 23–43.
6. Каганский В.Л. Основные зоны и типы культурного ландшафта. Центр – провинция – периферия – граница // Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 60–95.
7. Каганский В.Л. Основные подходы к ландшафту // Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 44–59.
8. Каганский В.Л. Национальная модель культурного ландшафта / Русский Журнал [URL: www.russ.ru/culture/20040616-kagg.html]
9. Ландшафты Беларуси. Исходные картографические материалы. Белорусская сельскохозяйственная академия / сост. В.А. Свитин, Е.А. Косач. Горки, 1998.

10. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Ю.М. Лотман. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 150–391.
11. Лотман Ю.М. О семиосфере // Ю.М. Лотман. Избранные статьи. Том 1. Таллинн, 1992. С. 11–24.
12. МакКуэйл Д. Введение в теорию массовой коммуникации. Минск: БГУ, 1997.
13. Платон. О государстве // Диалоги. Кн. 7.
14. Подорога В.А. Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии: С.Киркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Пруст, Ф. Кафка. М.: Ad Marginem, 1995.
15. Фоссато Ф. Медиаландшафт: 1991–2003 // Отечественные записки. 2003. №4 [URL <http://magazines.russ.ru/oz/2003/4/>]
16. Foucault M. Of Other Spaces: Utopias and Heterotopias // Diacritics. Vol.16. № 1 (spring 1986), / Translated by Jay Miskowec.Forthcoming in M.Francois Ewald.ed., Dits et Ecrits de Michel Foucault (Pans Editions Gallimard). P. 47–51.

ПОГРАНИЧЬЕ: ПОЛЬША-УКРАИНА*

Современные украинско-польские культурные отношения формируются на фоне взвешенной государственной политики: президенты обоих государств стремятся к взаимопониманию и активному межгосударственному партнерству. Поэтому успешно развиваются и контакты между украинскими и польскими научными, образовательными, культурными институциями, ученые двух стран ищут и находят общее интеллектуальное время-пространство, в котором взаимные обиды блокируются «как чужое тело». Продолжить этот интеллектуальный диалог призван созданный двумя близкими учебными и научными центрами региона – Дрогобычским государственным педагогическим университетом имени Ивана Франко и Люблинским университетом Марии Кюри-Склодовской – междисциплинарный научный ежегодник, название которого вынесено в заглавие. Инициатива университетов – это очередное проявление обмена опытом между научными сообществами и культурными институциями Польши и Украины. С польской стороны ее проявил университет, для которого сотрудничество с украинскими коллегами всегда было приоритетным. Здесь уместно хотя бы вспомнить созданный при Университете Марии Кюри-Склодовской, при заинтересованном участии украинских высших учебных заведений, Польско-украинский коллегий университетов, а также активный обмен научными работниками и студентами, многочисленные общие научные проекты. Таким образом, новое периодическое издание, продолжая начатую уже более десяти лет

* Пограниччя. Польща-Україна. Науковий щорічник / Pogranicze. Polska-Ukraina. Rocznik naukowy / під науковою редакцією проф. Веслава Камінського та проф. Валерія Скотного. Дрогобич-Люблін, 2006.

назад традицию, становится источником дополнительного знания об украинской и польской культуре, что, безусловно, будет иметь значение не только для научного мира. Ведь, по замыслу учредителей, ежегодник должен быть изданием, на страницах которого польские и украинские гуманисты, исследующие общее пограничье, смогут обмениваться взглядами, участвовать в творческих дискуссиях и полемиках. Название сборника, как сообщают читателю его редакторы, выбрано вовсе не случайно. Оно содержит в себе приглашение для участия в диалоге, причем не только польских и украинских ученых, но также и исследователей из других стран. Ведь вся Центрально-Восточная Европа – это большое пограничье, поскольку ее формировали разные народы и традиции. В наше время, когда проблема функционирования многокультурного общества становится ключевой, важно не только самим изучать, но и транслировать соседним народам накопленный опыт сотрудничества. Примечательно, что ежегодник выходит в год, провозглашенный годом украинской культуры в Польше. Поэтому издание становится своеобразным знаком украинско-польского взаимопонимания, которое отбрасывает прежние исторические и политические стереотипы и открывает новые горизонты сотрудничества.

Главными редакторами сборника выступили ректоры университетов, которые, как сказано во вступлениях, будут издавать его по очереди (ректор Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франко профессор Валерий Скотный, ректор Люблинского университета Марии Кюри-Склодовской профессор Веслав Каминьский). Впечатляет состав редакционного совета сборника, в который вошли такие, без преувеличения, знаковые гуманитарии Центрально-Восточной Европы, как Ежи Аксер, Тадеуш Бодьо, Ришард Радзик, Владимир Ильин, Людмила Краснова и др. Научный авторитет институций, взявших на себя издание ежегодника, а также состав редакционного совета свидетельствуют о перспективности и амбициозности начатого проекта.

Предваряют ежегодник предисловия главных редакторов. В своем «Вступительном слове» Веслав Каминьский, вспоминая высказывания Чеслава Милоша об исторических судьбах Центрально-Восточной Европы, определяет цель нового издания как попытку расширения знаний о своем соседе по региону, которая иницируется желанием лучше понять его видение сложившейся ситуации. Можно согласиться с автором, что необходимость такого форума кажется сегодня очевидной, особенно учитывая, что поляки и украинцы пытаются избавляться от стереотипов, накопленных веками сложной истории, и сотрудничать, чтобы в добрососедском согласии строить будущее. Граница, отмечается в предисловии, теперь уже перестает нас разделять, а взаимные обиды стоит помнить не для того, чтобы они ранили, а для того, чтобы их не повторять. «Наконец, – пишет в завершение Веслав Каминьский, – в приграничном пространстве, между Люблином и Дрогобычем, пути поляков и украинцев столько раз пересекались, что мы никогда не поймем, куда они ведут сегодня, если каждый сосредоточит внимание только на одном из них».

Валерий Скотный, в свою очередь, отмечает важность появления нового издания в деле формирования современной перспективы украинско-польских контактов как в культурно-гуманитарном, так и в общественно-экономическом дискурсе. Это обстоятельство определено той историко-логической парадигмой, которой мотивировано переплетение судеб украинского и польского народов в общем культурном пространстве, и зарождением в наше время нового качества украинско-польского культурного диалога. Создание украинско-польского научного междисциплинарного ежегодника «Пограничье: Польша-Украина», считает В. Скотный, свидетельствует о формировании общего научного контекста. Соединение инициатив двух университетов говорит о перспективности и открытости наших действий. Дрогобыч, имея многовековой опыт культурной и межнациональной коммуникации, вполне логично стал инициатором этого издательского проекта. Заканчивая свое вступление, украинский редактор подчеркнул: «Перед Польшей и Украиной открываются достаточно большие перспективы и с обеих сторон очевидно стремление к сотрудничеству, а поэтому появление на свет ежегодника “Пограничье: Польша-Украина” только укрепит это стремление».

Согласно подходам редакторов ежегодника, его структура предполагает деление на три дисциплинарных блока. Первая часть, озаглавленная «Гуманитарные науки», сформирована работами польских и украинских ученых из различных научных центров. Польская сторона представлена исследованием люблинского ученого Феликса Чижевского «Этнолингвистические исследования на польско-восточноевропейском пограничье – методологические заметки». Украинскую сторону представляют статьи ученых из нескольких научных центров: дрогобычского (Марк Гольберг «Поэзия в поисках абсолюта (заметки о творчестве Виславы Шимборской)», Людмила Краснова «Своеобразие поэтической манеры Казимежа Вежинского в его последнем цикле “Sen mara”», Надежда Скотная «Самоопределение личности в реалиях украинской модернизации», Валерий Скотный «Философия преодоления стереотипов: историко-культурные факторы украинско-польских взаимосвязей»), киевского (Владимир Ильин «Любовь к мудрости: деструкция или трансформация?»), львовского (Владимир Мельник «Философия техники: методологический анализ», Тарас Салыга «Национальная идентичность лирического “Я” в историософской поэзии Евгения Маланюка»), харьковского (Надежда Вандышева-Ребро «Философское видение реальности чувственного и иллюзорного в художественном творчестве (рациональное и иррациональное в концепции реализма)»).

Вторая часть озаглавлена «Общественные науки и право». Здесь география расширяется за счет Варшавы (Тадеуша Бодьо «Майдан по-азиатски (фестиваль бархатных революций)», Кшиштоф Козловский «Украина перед угрозой организованной преступности») и Люблина (Кристина Гарасимьюк «Географический институт во Львовском университете в 1883-1914 годах», Марьян Гарасимьюк и Здислав Мальярчик «Научное сотрудничество в деле уравновешенного развития пространства польско-украинско-белорусского пограничья», Ришард Радзик «Беларусь как терри-

тория польско-белорусского пограничья в XX веке»). Украинская сторона представлена работами исследователей из Львова (Михаил Мацяк «Проблемы научного обозначения понятий международных конфликтов и международной безопасности», Маркиян Мальский «Проблемы научного обозначения и особенности научной интерпретации понятия внешняя политика», Владимир Ортинский «Ликвидация экономической основы деятельности преступных организаций, которые занимаются контрабандой (вопросы двухстороннего сотрудничества Украины и Польши)») и Киева (Александра Пыриг «Предпринимательство в украинских землях литовско-польского периода»).

Часть третья – «Экономика и охрана окружающей среды» – представлена всего тремя текстами. Два из них принадлежат авторам из Люблина (Цезарий Косиковски «Свобода экономической деятельности в Польше (правовые вопросы)», Марьян Жуковски «Бюджетная система в Польше») и один – из Дрогобыча (Александр Свинцов «Особенности развития рекреационной индустрии в Карпатском регионе»).

Характеризуя ежегодник, отдельно хочется обратить внимание на высокий уровень полиграфической культуры издания, которая, несомненно, соответствует европейским стандартам современного дизайна. Отметим также качественную редакторскую работу – все тексты прекрасно отредактированы, а не поданы в пресловутой «авторской редакции».

Как видим из содержания, рецензируемый сборник представляет интерес для специалистов разных отраслей знания. В то же время отсутствие опыта подобного издания не могло не сказаться на его первом выпуске. Поэтому редакторам хочется высказать некоторые пожелания. Так, по нашему мнению, следует еще раз продумать названия разделов сборника и более равномерно распределять между ними материалы. Также необходимо упорядочить объемы и стилистику аннотаций к предоставленным статьям. И, наконец, выскажем пожелание проводить более строгую селекцию при отборе материала, так как некоторые материалы ежегодника не в полной мере соответствуют заявленной стратегии на полномасштабное исследование проблем пограничья.

Подводя итоги, подчеркнем, что ежегодник является одной из первых попыток формирования интеллектуального пространства для украинско-польских диалогических концепций. В этом видна как определенная отвага, так и необходимость создания общего основания для науки и культуры Украины и Польши.

ДРАМА БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ*

Белорусско-польское пограничье все чаще становится предметом серьезных научных исследований. Об этом свидетельствует и рассматриваемая нами коллективная монография белорусских и польских историков и социологов, изданная Белостокским университетом. Эту работу, без сомнения, можно считать подведением определенных итогов в разработке данной проблематики. Авторы монографии (Сергей Токть, Евгений Миронович и Рышард Радзик) сами непосредственно связаны с пограничьем и в своих исследованиях во многом опираются на личный опыт.

Книга изобилует достоверной и компетентной информацией. Она содержит 75 таблиц со статистическими данными и даже с социологической точки зрения достаточно интересна. Отсутствуют, правда, карты пограничья, которые здесь были бы весьма уместны.

Пожалуй, основная заслуга монографии в том, что она позволяет сопоставить процессы изменения территориального распределения национальных групп по обе стороны границы. Современная граница, разделившая белорусов и поляков, появилась лишь в середине 40-х гг. XX в. Добрососедский *modus vivendi* православных и католиков, разговаривавших на белорусских диалектах на протяжении первой половины века, разрушился вместе с традиционным крестьянским укладом [3]. Контакт между жителями Польши и Беларуси на пограничье постепенно затруднялся (если не прерывался вообще), проис-

---

* **Mironowicz Eugeniusz, Tokć Siarhiej, Radzik Ryszard.** *Zmiana struktury narodowościowej na pograniczu polsko-białoruskim w XX wieku.* Białystok. Wydawnictwo uniwersytetu w Białymstoku, 2005. 171 с.

ходило их перемещение, коренным образом менявшее этнонациональную структуру и демографический баланс в регионе. Крестьянские сообщества, составлявшие основную массу населения пограничья, оказались в ситуации, когда им надлежало выбирать не просто национальную принадлежность, но и дальнейшую судьбу. «Нежелательная» национальность могла навлечь на выбравших ее самые неблагоприятные последствия (депортации, репрессии, физическое уничтожение).

Пожалуй, ничто иное, кроме общей конфессиональной принадлежности, не могло сплотить социально и территориально фрагментированное польское сообщество белорусских губерний конца XIX – начала XX в. Различные группы населения, по-разному понимавшие свою польскость, имели больше общего с местными жителями, нежели с этническими поляками из австрийской Галиции или дальних районов Королевства Польского (с. 13). Ришард Радзик склонен считать, что польскость в Беларуси на рубеже XIX–XX вв. имела разнородный характер: у польских помещиков (обшарников) она выступала в национальной (преимущественно политической) форме; католической белорусскоязычной мелкой шляхтой с польской национальной ориентацией польскость понималась в духе традиций Речи Посполитой; католическая церковь (духовенство) была антироссийской и пропольской по своей природе, этнически польские «мазуры» не имели польского национального самосознания так же, как и белорусские крестьяне-католики с польской культурной ориентацией (с. 153).

Первым катастрофическим опытом для пограничья в XX в. было беженство 1915 г. Оно имело тяжелые последствия прежде всего для судеб православных белорусов (с. 25–28). Тема беженства, как и вообще миграции времен Первой мировой войны (по замечанию Евгения Мироновича), относится к разряду недостаточно описанных в историографии (с. 25). Некоторые местности обезлюдели на 80–90% [3, с. 110]. Евгений Миронович также не может обойти вниманием тот факт, что слабость национального движения на оккупированных немцами территориях прежде всего была обусловлена изгнанием, в котором тогда находилась основная масса белорусов пограничья. В этом же свете следует рассматривать и данные немецкой переписи населения 1916 г. (с. 27).

В межвоенной Польше возникла идея скорректировать структуру населения в силу *raison d'état*, исходя из современных возможностей с использованием экономических расчетов и прогнозирования. Проект Виктора Орницкого (с. 51–53) был аналогичен тем, которыми потом руководствовалось правительство СССР, депортируя большие массы людей из Беларуси в отдаленные районы России. Можно сказать, что проект Орницкого был реализован, но, по иронии истории, уже относительно самих поляков.

Евгений Миронович проследил, как изменялась советская национальная политика на территории БССР в 20–30-е гг. Исходя из *высшей целесообразности*, советская власть не считалась с интересами тех или иных национальных групп. К примеру, в Дзержинском польском автономном районе белорусы и евреи вынуждены были

изучать польский язык, поскольку на территории района он был обязателен для всех (с. 58). Противопоставление белорусской культуры культурам национальных меньшинств не было изобретением большевиков, однако активно ими использовалось (с. 57–58). Но это была всего лишь прелюдия к массовому истреблению всех нежелательных национальностей, и прежде всего национальных элит (с. 61–66).

Периодом самых катастрофических демографических потерь стало время Второй мировой войны. Именно эта война полностью изменила этнонациональный ландшафт Беларуси, который из центральноевропейского превратился в восточно-европейский, после того как в результате холокоста погибло подавляющее большинство еврейского населения [4]. Пограничье в этот период стало зоной конкурентной борьбы за выживание между поляками и белорусами (с. 80–81, 86).

Авторы замечают, что исследование национальной структуры населения пограничья часто сталкивается с фальсифицированным, недостоверным и неполным характером советских статистических источников, особенно переписей населения (с. 66, 77, 132). К тому же невозможно оценить динамику изменения в структуре населения Беларуси после войны из-за все еще ограниченного доступа к информации об этом периоде (с. 119, 133). Доступные материалы дают возможность проследить лишь две тенденции: выезд из страны этнических белорусов-католиков и количественный рост русских, которым отводилась первостепенная роль в строительстве советского государства на территории Беларуси (с. 133, 137). Завоевание культурного и коммуникативного пространства русским языком сильнее всего выявилось как раз после войны [2, с. 280–281].

Малый процент местных жителей среди руководящих кадров всех уровней в Гродненской области, отмечает Сергей Токть, был связан с тем, что они рассматривались советской властью как элементы, потенциально или действительно нелояльные к «стране советов», а значит, и небезопасные (с. 126–128). В литературе отмечается, что недоверие к местным жителям и привлечение этнически русских кадров из глубинных районов СССР было характерной чертой для советской политики во всех пограничных районах [1, с. 5–6, 59, 66]. Тем более это касалось Западной Беларуси, которая почти два десятилетия оставалась в составе Польши, а затем оказалась под немецкой оккупацией (1941–1944). Поэтому в последующие десятилетия здесь отмечался постоянный приток гражданских и военных кадров всех уровней и профилей из России и, наоборот, отток местных жителей. Тема эта не исследовалась до сих пор подробно и глубоко, хотя и ранее отмечалось, что белорусы, выезжавшие за пределы республики, были подвержены большому ассимиляционному давлению, чем остававшиеся в ее пределах [2, с. 277].

Неопределенностью относительно собственной национальной принадлежности Сергей Токть объясняет и колебания значительного количества польского населения в Беларуси в 70-е гг. (с. 133, 136, 138). Думается, что большая, чем в целом по стране, доступность для жителей Гродненщины в конце 70-х и в 80-е гг. польской культуры (в том числе и кинематографа), а особенно польского телевидения,

сыграла существенную роль в самоидентификации местных поляков. Но в полную силу польское национальное самосознание стало развиваться только с конца 80-х гг., когда появились польские культурно-просветительские организации и школы. Однако на этот процесс негативно повлияло уменьшение числа поляков с 538,9 тыс. человек в 1959 г. до 395,7 тыс. человек в 1999 г. Кроме причин, связанных с естественной убылью, можно предположить, что эта разница пошла в пользу белорусов. Многие молодые поляки Беларуси, отрываясь от мест своего рождения, на новом месте идентифицировали себя белорусами, делая это либо добровольно, либо из конъюнктурных соображений. Вряд ли они испытывали какое-то давление извне: здесь велика была роль образования и личного окружения. Однако эта ассимиляция в белорусскость происходила при одновременной русификации, о чем свидетельствуют и цифры говорящих по-русски поляков – 149 тыс. человек (с. 147).

Обращаясь к тому факту, что значительная часть поляков (58,9%) и белорусов (60,5%) Гродненщины назвало во время переписи населения Беларуси 1999 г. белорусский своим языком домашнего общения, необходимо отметить следующее: речь прежде всего идет о сельском населении, в возрастной структуре которого доминировали люди пострепродуктивного возраста (с. 148). Именно ими, а не молодым поколением, стремящимся к перемещению в город, русский язык и культура воспринимаются как нечто чуждое.

А вот постепенное превращение белорусскоязычных католиков в поляков на территории Польши, по мнению Евгения Мироновича, в 70-е гг. XX в. вступило в свою финальную фазу (с. 112–113). Для ассимилировавшихся в польскую культуру православных по-прежнему остается актуальной раздвоенность их культурного бытия на внутреннее пространство, связанное с православием (и в меньшей степени с белорусской этнической культурой), и внешнее, где доминирует польский язык и ценности, заложенные в польской национальной идеологии. Такая раздвоенность очень болезненна в ситуациях выбора позиции относительно важнейших событий в общественной и политической жизни Польши. Поэтому православные поляки скорее настороженно, чем с энтузиазмом, относились к фигурам Юзефа Пилсудского, Леха Валенсы, Кароля Войтылы, движению «Солидарность». Отсюда и их симпатии к Александру Лукашенко, который является для них олицетворением борца за единство и достоинство православных (с. 116). Интересно в этой связи было бы сравнить моральные и политические приоритеты поляков Беларуси и белорусов Польши (их моральные авторитеты и политических пристрастия). К сожалению, эта проблема выпала из внимания авторов монографии. Но скорее всего предпочтения белорусских поляков такие же, как у остального населения Беларуси. Хотя часто в 90-е гг. симпатии белорусского католического и польского населения оказывались на стороне национально-демократического лагеря, сегодня выказывание лояльного отношения к действующему политическому руководству республики и существующему политическому режиму слышны не только во время выборов, но и

в обычной жизни. Хотя, возможно, под формальной лояльностью кроется молчаливая оппозиция.

Ришард Радзик в заключительной статье настойчиво повторяет, что белорусы все еще не представляют из себя нации (с. 149, 171). Но сам факт того, что жители Беларуси при переписях населения демонстрируют свою привязанность к белорусскому языку, свидетельствует о их восприятии себя как отличных от других. Естественно, что возможный спектр представлений о белорусскости, белорусской идентичности у жителей страны самый разнообразный, и они чаще всего не совпадают с историческими мифами, сформированными в период национального возрождения. Однако эти представления уже привязаны к самому факту существования независимой Беларуси. Выросло целое поколение, для которого независимость Беларуси является естественной ценностью. Это в целом не противоречит выводу авторов о том, что сегодня национальное самоопределение жителей Польши и Беларуси все больше зависит от самого факта их нахождения в рамках одного из этих государств (с. 9).

С общим выводом Ришарда Радзика о том, что Беларусь в XIX–XX вв. поэтапно переходила из европейской латинской культуры в культуру русскую и соответственно этому изменялся характер пограничья (с белорусско-польского на белорусско-русское), нельзя не согласиться (с. 171). Этот переход и составил драму истории белорусско-польского пограничья, а в месте с ним и Беларуси, всю территорию которой можно рассматривать в дискурсе пограничья.

Литература

1. Chandler Andrea. Institutions of Isolation. Border Controls in the Soviet Union and Its Successor States, 1917-1993. McGill Queens University Press, Montreal&Kingston-London-Buffalo, 1998.
2. Guthier Steven L. The Belorussians: National Identification and Assimilation, 1897-1970. Part 2. 1939-70 // Soviet Studies. Vol. XXIX. No 2. April 1977. P. 270–283.
3. Pawluczuk Włodzimierz. Światopogląd jednostki w warunkach rozpadu społeczności tradycyjnej. Warszawa: PWN, 1972.
4. Snyder Timothy. The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus. 1569-1999. New Heaven and London, 2003.

ДРОГОБЫЧСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК (обзор IX выпусков)

Большой проблемой современных гуманитарных исследований является отсутствие координации между региональными научными центрами, которое не позволяет полноценно воспользоваться плодами научного творчества своих коллег по цеху. Особенно ярко такая ситуация проявляется в случае с периферийными профессиональными сообществами, находящимися на окраинах современных национальных государств Восточной Европы: с одной стороны, они вдалеке от центров научной жизни своей страны, с другой – в тесном контакте с представителями ученого мира соседних народов. Поэтому стоит всячески приветствовать редакционную политику «Перекрестков», направленную на ознакомление широкого круга читателей с научными разработками ученых пограничья. Это вселяет надежду на возможность встречи заинтересованных друг другом гуманитариев на различных профессиональных и национальных перекрестках.

Одним из таких региональных изданий является «Дрогобычский краеведческий сборник» (далее – ДКС), основная проблематика которого посвящена изучению разнообразных аспектов исторического прошлого региона (Перемышльской земли), который объединяет современное польско-украинское пограничье с центром в древнем Перемышле. Издание впервые увидело свет в 1995 г. На сегодняшний день – это научное издание исторического факультета Дрогобычского государственного университета имени Ивана Франко, Украинского исторического общества и Института Центрально-Восточной Европы. Отдельные выпуски ДКС уже были предметом библиографических обзоров¹. Однако на сегодня отсутствует целостное описание содержательного наполнения всех опубликованных выпусков.

Первый выпуск ДКС был сформирован на основе Второй Дрогобычской краєведческой конференции, проведенной в Дрогобычском педагогическом институте имени И. Франко 26–27 ноября 1993 г. к 500-летию со дня смерти Юрия Дрогобыча². Материалы сборника посвящены историко-краєведческой и литературно-франковедческой проблемам. Первая представлена следующими материалами: *Шалата М.* Юрій Дрогобич і його доба (До 500-річчя пам'яті видатного українського вченого); *Тимошенко Л.* Спроба створення моделі початкового етапу формування середньовічних міських структур Дрогобича; *Козак В.* Археологічні дослідження на Дрогобиччині (До 100-річчя перших розкопок); *Гошко Ю.* Промисли і торгівля в місті Дрогобичі XVI—XVIII ст.; *Мацюк О.* Пам'ятки оборонного будівництва Трускавця; *Кутняк І. і Тимошенко Л.* Проблеми дослідження історії середньовічного Дрогобича у працях Я.Ісаевича; *Футала В.* Козаччина і Дрогобицький край; *Мовна У.* Господарська діяльність населення Бойківщини у дзеркалі галицької преси першої половини XIX ст.; *Марущенко А. і Педич В.* Професор С.Шараневич як історик Галичини; *Гаврилик В.* М. Драгоманов і польський громадсько-політичний рух кінця 50-х – поч. 60-х років XIX ст.; *Ягнищак В.* З історії Греко-Католицької церкви містечка журавка; *Загородний О.* Володимир Навроцький. Економіст, дослідник, громадський діяч; *Загородня Н.* Творець професійної музики Д. Січинський; *Ашиток Н.* Мікротопоніми м. Дрогобича у кін. XIX – поч. XX ст.; *Сеньків М. і Мясоедов С.* Українські Січові Стрільці на Дрогобиччині; *Совьяк П.* Дрогобицький аматорський театр (1890—1941); *Добрянський Б.* З історії Дрогобицької української жіночої учительської семінарії сестер Василянок; *Сеньків М.* Розвиток кооперації на Дрогобиччині в міжвоєнний період; *Ковба Ж.* Дрогобицька періодика першої половини XX ст. як репрезентативне історичне джерело; *Савчин М.* Боротьба робітників і селян Дрогобиччини за поліпшення свого соціального становища у міжвоєнні роки (1920-1938); *Добрянський Б. і Добрянський В.* До історії діяльності читальні «Просвіта» ім. Т.Шевченка та гуртка ім. М. Шашкевича товариства «Рідна школа» в Унятичах; *Волошин М. і Волошин Р.* Сторінки змагань за рідну школу в Галичині (1772-1939); *Мирчук В.* Шкільництво та вчителство Дрогобиччини на початку Другої світової війни; *Сльмаковський О.* Спортивне життя м. Дрогобича в період між двома світовими війнами; *Сльмаковський О. і Кравчук В.* Виникнення та діяльність спортивно-руханкового товариства «Сокіл» у м. Дрогобичі; *Герасимьяк І.* Українська ідея на перехрестях історії (Концепція І. Франка); *Гаврилик Н.* Світоглядні і політичні концепції І. Франка у національному питанні; *Андрийчук М.* З історії Дрогобицького пединституту ім. І. Франка (За матеріалами газети «Радянський педагог» – «Франківець», 1985-1993 рр.).

Літературно-франковедческая проблематика представлена следующими публикациями: *Гузар З.* Локальний колорит у романі І. Франка «Перехресні стежки»; *Нахлік О.* Проблеми «Франка незнамого» в трактуванні Є. Маланюка; *Мельник Я.* «Wielka Utrata» в контексті Франкового комплексу Адама Міцкевича; *Габат Г.* Портрет у системі художнього простору і часу роману «Борислав сміється» І. Франка; *Барна І.*

Творчість Луки Данкевича в оцінці Івана Франка; *Чопик Г.* До проблеми літературних взаємин І.Франка та В.Пачовського; *Баран Г. В.* Винниченко у контексті Франкової оцінки літератури про майбутнє; *Яким М.* Фразеологізми села Нагуєвичі (Історико-культурологічний аспект); *Шалата О.* Даніель Дефо і Джонатан Свіфт у колі наукових інтересів І.Франка; *Кравців М.* Твори Івана Франка в англomовному світі; *Кузик Д.* Питання перекладознавства в епістолярній спадщині Івана Франка; *Чехівський О.* Особливості стилістичного синтаксису І.Франка (На матеріалі збірки «Зів'яле листя»); *Огриза Г.* Літературно-педагогічна спадщина Уляни Кравченко; *Куниць В.* Історичні реалії міста як фактор формування жанрового світу поеми С.Ф.Кльоновича «Роксоланія»; *Скибак І.* Трускавець у споминах о. Олекси Пристая; *Криль К.* Родина Озаркевичів (Сторінки громадсько-культурної діяльності в Галичині); *Чайковська О.* «Книга бовванізму» (Мистецька творчість Бруно Шульца).

Второй випуск ДКС сформирован на основе материалов Третьей краеведческой конференции, проведенной в Дрогобычском педагогическом институте имени И. Франко 17–18 мая 1996 г.³ Материалы сборника посвящены историко-краеведческой и литературно-франковедческой проблематике. Историко-краеведческая проблематика представлена следующими материалами: *Мацкевий Л.* Нове в археології Дрогобицького передгір'я і суміжних територій; *Козак В.* Городище в селі Кульчиці; *Мацюк О.* З історії Трускавця; *Тимошенко Л. і Царева Н.* Документи до історії міжконфесійних стосунків у Дрогобичі в XVI ст.; *Батюк Т.* Шкільництво Дрогобиччини в роки Західноукраїнської Народної Республіки; *Савчин М.* Участь галицької інтелігенції в здійсненні політики коренізації в УРСР; *Кеминь В.* Українське шкільництво на Лемківщині в 20–40-х рр. XX ст.; *Четиль М.* Читальні «Просвіти» та формування духовних основ українського села на Дрогобиччині; *Савчин М. і Шевців К.* Жіночі громадські організації Прикарпаття та їх просвітницько-культурна діяльність; *Пантюк Н. і Пантюк Т.* Пласт на землі Івана Франка та його рукописні часописи; *Мирчук В.* Західноукраїнське вчителство у 1939-1941 рр.; *Сеньків М.* Підготовка масових сільськогосподарських кадрів на Дрогобиччині (1944–1950 рр.); *Футала В.* Преса як джерело вивчення культурного життя Дрогобича (кін. 80-х – поч. 90-х рр.); *Гаврилив Н.* Деякі проблеми формування національної свідомості студентів Дрогобицького педінституту (соціологічний аналіз); *Мащак С.* Аналіз сучасної духовної культури молоді Франкового краю; *Лозинська І.* Використання зерна в сімейних обрядах Дрогобиччини; *Нагловский В.* Приміське городництво і садівництво міста Борислава (спроба етнографічного дослідження агрокультури провінційного міста); *Кузан Н.* Роль провідних діячів культури у відродженні народних промыслов Дрогобиччини (кін. XIX – поч. XX ст.); *Филоненко Л.* Ярослав Барнич – видатний діяч української сцени; *Яцків О.* Священик, диригент, громадський діяч (до 100-річчя від дня народження Северина Сапруна); *Петречко О.* Оцінка Тіберія у творчості Михайла Драгоманова; *Пастух Р.* «Галицько-руські народні приповідки» Івана Франка як джерело вивчення історії, краєзнавства і народознавства; *Тимошенко Л.* Чи був об'єктивним Іван Франко в оцінці Берестейської унії?; *Батюк В.*

Причини і наслідки Хмельниччини в оцінці Івана Франка; *Андриїчук М.* Історія монастирів у творчій спадщині Івана Франка; *Тельвак В.* Дрогобиччина у дослідженнях Михайла Грушевського.

Літературно-франковедческая проблематика представлена наступними публікаціями: *Яцків Л.* Колискові пісні Франкового краю; *Борецький М.* Іван Франко і античність; *Биленко Т.* Слово християнської науки в тлумаченні Івана Франка; *Запольська Ж.* Осмислення соціальної дійсності і образ шукача правди (За творами Івана Франка і Наталії Кобринської); *Баран Г.* Франкові думки та ідеальний соціальний устрій в контексті світових утопій; *Здоровенко Віктор* і *Здоровенко Валентина.* Іван Франко про роль підсвідомого в процесі художньої творчості; *Подоляк Н.* Проблеми вікової та педагогічної психології у творчості Івана Франка; *Зварич В.* Микола Зеров про поезію Івана Франка; *Слободяник В.* і *Тельвак В.* Іван Франко про історичні концепції Михайла Грушевського; *Гладкий М.* Специфіка скотарства бойків у етнографічній спадщині Івана Франка; *Ашишок Н.* Про походження прізвищ дрогобичан; *Яким М.* Фразеологізми Бойківщини як кодифікатори етнокультурної інформації; *Яремко Я.* Українська військова лексика в Галичині на поч. ХХ ст.; *Пуряєва Н.* До питання про принципи укладання регіонального словника ойконімів; *Сабат Г.* Портрет у системі художнього твору Л.Мартовича (За повістю «Забобон»); *Билецький Р.* Євген Маланюк і Галичина; *Онищак Н.* Ліна Костенко і Галичина; *Проць О.* Символ хреста в українській поезії ХХ ст. (П.Карманський і Л.Костенко).

Третій випуск ДКС посвящен 350-й годовщине начала украинской национальной революции середины XVII в. под началом Богдана Хмельницкого⁴. Издание вышло уже как периодический научный сборник исторического факультета Дрогобычского государственного педагогического университета имени И. Франко и Дрогобычского филиала Украинского исторического общества. Этот выпуск существенно отличается от предыдущих, поскольку в нем доминируют историко-краеведческие материалы. Отметим и обновленную структуру издания, которую составляют разделы: *статьи и сообщения; документы и материалы; обзоры и рецензии.* Эта структура сделалась традиционной.

Раздел «Статьи и сообщения» представлен следующими публикациями: *Тимошенко Л.* Хмельниччина і міщансько-селянське повстання в Дрогобичі 1648 р.; *Футала В.* Народні рухи 1648 р. в Галичині (До історіографії проблеми); *Совьяк П.* Фольклор Дрогобиччини як вияв всенародної пам'яті і шани до козаків і Б. Хмельницького; *Тельвак В.* Хмельниччина в історіософії Михайла Грушевського; *Бортняк Н.* Наукові праці Степана Томашівського з історії Хмельниччини; *Анисимов К.* Проблеми розбудови козацько-гетьманської держави Богдана Хмельницького в англо-американській історіографії; *Батюк В.* Іван Франко про українську козацьку державу Богдана Хмельницького; *Яремко Я.* Особливості української військової термінології козацької доби; *Шалата М.* Козаччина у творах письменників Галичини середини ХІХ століття; *Шевців К.* Дрогобицькі знахідки Івана Франка; *Вирський Д.* С.Оріховський-Роксолан і козацьчина (До проблеми витоків ідеології українського козацтва);

Мацкевий Л. Питання палеоліту і мезоліту Дрогобицького передгір'я; *Могитич І.* Давньоруські архітектурні пам'ятки Дрогобича; *Гаврилюк М.* Історична топографія середньовічного Дрогобича; *Мацюк О.* Пам'ятки оборонного будівництва Дрогобича (Короткий історіографічний огляд); *Гречило А.* До питання про герб Дрогобича; *Сов'як П.* Символіка та написи на печатках територіальних громад Дрогобиччини; *Скочиляс І.* Парафіяльні печатки Дрогобицького деканату Перемиської єпархії в кін. XIX – на поч. XX ст.; *Гошко Ю.* Роль і місце Дрогобича в економічному розвитку краю в XVI–XVIII ст.; *Стецьк Ю.* Причинки до історії монастирів Дрогобиччини; *Була С.* Унійна програма Галицької ієрархії (кін. XVII ст.); *Скочиляс І.* Перший візитаційний опис церкви Дрогобицького деканату з 1743 р.; *Смольський І.* Зельман Вольфович (Штрихи до біографії); *Ольховий Я.* Переваги і перспективи краєзнавчого дослідження топонімії; *Лозинська І.* Деякі аспекти вживання зерна у похоронній і поминальній обрядовості українців; *Петречко О.* Антикозnavство у Львівському державному університеті ім. І. Франка в другій пол. XX ст.; *Батюк Т.* Програмні та організаційні засади Української Народної Трудової Партії.

Раздел «Документы и материалы» включает в себя исследования следующих авторов: *Тимошенко Л. и Царьова Н.* Актові джерела до історії Дрогобицького повстання 1648 р.; *Смуток І.* Організація управління Самбірської економії в XVI–XVIII ст. (Характеристика документальних матеріалів); *Потт Р.* Два документи з особою справи М. Попова.

Раздел «Обзоры и рецензии» содержит материалы: *Козий А.* Огляд вибраної польської історіографії про Дрогобиччину; *Козак В.* [Рецензія] Телегін Д.Я., Винокур І.С., Титова С.М., Свешніков І.К. та ін. Археологія доби українського козацтва XVI–XVIII ст. Навчальний посібник. К., 1997; *Добрянський Б.* [Рецензія] Дрогобиччина – земля Івана Франка. Дрогобич, 1997. Т. 4; *Гошко Ю. и Глушко М.* «На нашій ниві колосся, як у шолудивого волосся (Ремікси “культурного релятивізму” чи космополітизм “кабінетної етнології”?»).

Четвертый выпуск ДКС сформирован на основе материалов V Дрогобычской Международной научной историко-краеведческой конференции, посвященной 2000-летию Рождества Христова и 300-летию перехода галицких епархий на унию. Конференцию 24–25 ноября 2000 г.⁵ организовали Дрогобычский государственный педагогический университет имени И.Франко, Дрогобычский филиал Украинского исторического общества имени М.Грушевского, Дрогобычский филиал Института Центрально-Восточной Европы, Львовское отделение Института археологии и источниковедения Национальной академии наук Украины и Самборско-Дрогобычская епархия Украинской Греко-католической церкви.

Открывает сборник статья ректора Дрогобычского государственного педагогического университета «Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка на зламі століть».

Раздел «Статьи и сообщения» представлен следующими публикациями: *Мацкевий Л.* Найдавніше минуле Жидачева в світлі археологічних досліджень; *Артур В. и*

Ідзьо В. Зародження та становлення християнства на Прикарпатті та Подністров'ї; Милан Т. Спорядження і озброєння із поховання воїна пшеворської культури поблизу м. Трускавця; Махник Я., Павлів Д., Петегирич В., Принада І. Дослідження курганних некрополів Дрогобицько-Моршинського передгір'я; Петрик А., Петрик В., Тимошенко Л. Проблеми та перспективи історико-археологічних досліджень Дрогобича; Петречко О. Переслідування християн у ранній Римській імперії; Петрик А. Боярські політичні угруповання та їх роль у процесі становлення Галицько-Волинської держави; Вирський Д. С.Оріховський: «Solo tidi» проти «solo fide» (східноєвропейський інтелектуал і тупики Реформації); Пирко В. Село Волошиново Старосамбірського району в XV–XIX ст.; Ольховий Я. Дрогобич – назва з глибокої давнини; Jaworska K. Książę Konstanty Wasyl Ostrogski Wojewoda Kijowski a Unia Brzeska; Біла С. Перехід перемиської єпархії до унії (кін. XVII–поч. XVIII ст.); Гошко Ю. Збереження народних моральних звичаєвих традицій у Дрогобичі XVIII ст.; Стецьк Ю. Із життя чернецтва у монастирях Дрогобиччини; Козий А. Маловідомі аспекти проведення селянської реформи 1861 року на Правобережній Україні; Гузар З. Оповідання І.Франка «У столярні» (до літературної історії Дрогобича і проблеми локального колориту); Переверва В. Протидія Київських митрополитів використанню греко-католицьких богослужбових книг у Київській єпархії XIX ст.; Шенавичене Є. Национальная концепция движения трезвости в Литве; Левкович Н. Маловідомі споруди архітектора Фридерика Баумана в Україні; Тимошенко О. Діяльність Революційної української партії зі здійснення програмних вимог національно-державного будівництва; Dąbrowski S. Ukraińcy na Podlasiu i Chełmszczyźnie przed i w czasie I wojny światowej (do 1919 r.); Тельвак В. Християнство в історіософії Михайла Грушевського; Футала В. Місто Дрогобич у XIX–XX ст. (Історіографія проблеми); Савчин М. Політика ОУН-УПА щодо українсько-польських відносин під час Другої світової війни та в перші повоєнні роки; Гнатюк В. Із львівського періоду революційної діяльності Дмитра Грицяя (1929–1934); Пащенко В. Програма війна; Потт Р. До питання про ліквідацію греко-католицької церкви на Львівщині; Василяускене А. Литовська Католицька Наукова Академія: минуле чи майбутнє?; Лозинська І. Зерно в зимовій обрядовості українців; Гладкий М. Породи домашніх сільськогосподарських тварин у господарствах поліщуків (II пол. XIX – поч. XX ст.).

Раздел “Документы и материалы” представлен следующими публикациями: Петрик В. Пам'ятки церковної архітектури Перемишля X–XVI ст.; Вуйцик В., Лукомський Ю., Петрик В. Різблений камінь XII ст. з Галицького дитинця; Александрович В. Привілей перемиського архієпископа Антонія Радилівського для дрогобицького Хрестовоздвиженського братства з 1556 року; Тимошенко Л. Справа про фальшування документів Берестейської унії: нові джерельні матеріали; Александрович В. Розпорядження руського воеводи Яна Даниловича щодо погамування “сваволі” між поспільством у м. Олеську з 1625 року; Смуток І. Адміністратори Самбірської економії кінця XVI–XVIII ст.; Микулич О. Борислав та його околиці за актами ревізії Перемиської землі 1692 року; Kaznowski M. Beneficja ziemskie parochii unickiego

dekanatu Wysoczańskiego w latach 1743-1777; Тимошенко Л. Візитаційні описи дрогобицьких церков 1764 року; Bodzioch-Kaznowska B. Cerkwie w Drohobyczu w latach 60-tych XVIII wieku; Гречило А. Печатки сіл дрогобицької округи кінця XVIII ст.; Лысенко С. «Галицька» лінія шляхетського роду Незабитовських (др. пол. XVII – сер. XX ст.); Скочиляс И. Парафіяльні печатки височанського деканату Перемиської єпархії XIX – поч. XX ст.; Тымиш Л. Микола Андрусак: матеріали до біографії.

Раздел «In memoiam» включает в себя два материала: «Памяти земляка» (Орест Мацюк) и «Памяти товарища» (В.С.Батюк).

Основной темой пятого выпуска ДКС снова выступает история Дрогобыччины⁶. Раздел «Статьи и сообщения» представлен следующими материалами: Петрик А., Петрик В., Тимошенко Л. Розвідкові археологічні дослідження церквища Пресвятої Діви Марії в місті Дрогобичі у 2001 році; Осаульчук О. Описова документація в польових археологічних дослідженнях: картка опису шару; Петрик А. До історії боярських родів Кормильчичів, Доброславичів та Дядьковичів; Микулич О. Найдавніший Борислав (походження топоніма, перші писемні згадки); Капраль М. Соціотопографія львівського середмістя середини XVI ст.; Петрушак Н. До історії створення надгробка Рамултової з дрогобицького костюлу; Вирський Д. «Зразковий громадянин» Станіслава Оріховського-Роксолана: шляхетські «вольності» на античному тлі; Тимошенко Л. Василянські життєписи митрополитів Михайла Рогози, Іпатія Потія та Йосифа Рутського з віденського монастиря Святої Трійці; Скоп Л. Ікона «Св. Миколай та Св. Стефан» поч. XVII ст. з с. Медвежа (Дрогобыччина); Стецьок Ю. Лішнянський монастир Св. пророка Іллі (XVII-XVIII ст.); Біла С. Перехід до унії Перемишльської, Львівської та Луцької єпархій в російській історіографії другої половини XIX ст.; Козубска О. Львівський катедральний костюл в історіографії; Ляльков И. О белоруском дворянстве французского происхождения: постановка проблеми; Тельвак Виктория. Михайло Грушевський про українську історіографію кінця XIX – початку XX століття; Лисовский С. Політика Польщі щодо православної церкви на Поліссі в 1918–1926 рр. (майновий аспект); Панько О. Уряд БНР і білоруське питання на Ризькій мирній конференції (1920–1921 рр.); Тельвак Виталий. Проблема рушійних сил еволюції в історіософії Михайла Грушевського; Тымиш Л. Археографічна діяльність наукових осередків міжвоєнного Львова (до проблеми формування архівно-джерельної бази дослідження історії української церкви); Демидов С. Початки УПА в українській історіографії; Сеньків М. До проблеми колективізації західноукраїнського села (1939–1941 рр.); Петречко О. Династична політика Октавіана та перша зміна правителя у Римській імперії.

Раздел «Документы и материалы» включает следующие исследования: Тимошенко Л. Пом'яник дрогобицької церкви Св. Трійці; Чернецкий Е. Паустовські на Київщині; Гречило А. Символи міста Борислава; Бевз М. и Петрик В. Дрогобич на карті Ф. фон Міга; Лысенко С. Тестамент галицької благодійниці Людвіки Незабитовської з 1884 року; Скочиляс И. Культ святої великомучениці Параскеви в церковній сфрагістиці Перемишльської греко-католицької єпархії XIX – початку XX століть.

Раздел «Обзоры и рецензии» представляет материалы: *Смуток И.* [Рецензия] Jawor G. Osady prawa wołoskiego i ich mieszkańcy na Rusi Czerwonej w różnym średniowieczu. Lublin, 2000; *Микулич О.* [Рецензия] Mazur M. Neudorf-Polminowice. Współzycie narodowości na ziemi drohobyckiej. Warszawa-Poznań: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998; *Дуба Ю.* [Рецензия] Pianowski Z., Proksa M. Rotunda Św. Mikołaja w Przewyślu po badaniach archeologiczno-architektonicznych w latach 1996–1998. Przemysł: Archiwum Państwowe w Przewyślu, 1998; *Галик В.* [Рецензия] Пастух Р. Уголна – мое село. Стрий: Щедрик, 1999; *Гладкий М.* [Рецензия] Иванцюра І. Доброгостів: історико-географічний мемуарний нарис / Ред. В. Демків (Бібл. соборності). Дрогобич: Коло, 2001; *Тимошенко Л.* [Рецензия] Drohobycz Ю. Verba magistri: пророцтва і роздуми / Наук. ред.-укл. В. М. Вандишев, відп. ред. В. Г. Скотний (Дрогобицький держ. пед. ун-т ім. І. Франка / Бібл. ректора). Дрогобич: Вимір, 2001; *Тельвак Виталий.* [Рецензия] Педич В. Історична школа М. Грушевського у Львові (1894–1914 рр.). Івано-Франківськ, 1997.

Шестой выпуск ДКС сформирован на основе материалов VI Международной научной историко-краеведческой конференции «Перемышльщина в контексте истории Центрально-Восточной Европы», которая проходила в Дрогобиче с 29 по 30 октября 2002 года⁷.

Раздел «Статьи» представлен следующими публикациями: *Рожко М.* Наскельные дерев'яне будівництво Перемишльської землі (проблеми дослідження та інтерпретації); *Милян Т.* Ранньослов'янські пам'ятки Перемишльщини; *Kutłowska I.* Grody Czerwienińskie wymienione pod 1018 i 1031 rokiem; *Мацкевий Л.* Проблеми заселення території сучасного Трускавця (до першої писемної згадки); *Походай О.* Богдан Януш про давні пам'ятки Перемишльського повіту; *Бевз М. и Петрик В.* Містобудівельна структура ранньосередньовічного Перемишля; *Дыба Ю.* Архітектура ротонди Св. Миколая в Перемишлі; *Гречило А.* До генези герба Перемишльської землі; *Ермолин А. и Юрочкин В.* Розкопки склепу № 2 на могильнику Джург-Оба (Керч) в 2001 р. (досвід верифікаційного дослідження); *Петрик А.* До історії боярства та боярських родів Перемишльської землі; *Мазур О.* Володислав Кормильчич: шлях до княжого столу; *Makarski W.* Ziemia Przemyska w świetle nazw jej dzisiejszych miast powiatowych i rejonowych; *Скотный В.* Магістерські пророцтва і роздуми Юрія Котермака (Дрогобича); *Петрушак Н.* Надгробок К. Рамултової з дрогобицького костюлу і проблема атрибуції скульптурних і архітектурних творів С.Чешека; *Pelczar R.* Rozwyj sieci rzymskokatolickich szkyl parafialnych w miastach ziemi Przemyskiej w XVI-XVII w.; *Мотылевич J.* Типу функціонале miast ziemi Przemyskiej w drugiej połowie XVII i pierwszej XVIII wieku; *Тимошенко Л.* Перемишльський єпископ Михайло Копистенський (життя та діяльність); *Lorens B.* Bractwa cerkiewne w miastach ziemi Przemyskiej w XVI-XVIII wieku; *Была С.* Перехід Перемишльської єпархії до унії в сучасній польській історіографії; *Вирский Д.* Запізнілий «збирач земель руських» чи молдовська примара України?; *Bodzioch-Kaznowska B.* Cerkiew parafialna pw. Narodzenia Pańskiego w Letniej w latach 1743-1775; *Kaznowski M.*

Beneficjanci w parafiach dekanatu Starosolskiego unickiej diecezji Przemyskiej w 1761 r.; *Долинська М.* Ретроспективна топографія містечка Кути: метод дослідження, конскрипційний та етнічний аналіз; *Керик М.* Діяльність дрогобицького різьбяря XVIII століття Лукаша Зайдкевича; *Чернецкий Е.* Міграція дрібної шляхти на Київщину: типологія джерел XVIII – початку XIX ст.; *Dudziński Z.* Od religii do narodu. Problem tożsamości religijnej i etnicznej na pograniczu polsko-ukraińskim w latach 1772–1939; *Билык В.* Структура греко-католицької церкви на Правобережній Україні на початку XIX століття; *Лось В.* Опір уніатської традиції державно-силовим методам впровадження православ'я в першій третині XIX ст. (на прикладі Волинської губернії); *Ханас В.* До історії села Гаї Верхні; *Добрянський Б.* До історії церкви в селі Унятичі; *Чорновол І.* Проблема української гімназії в Перемишлі на форумі Галицького сейму (1884–1895); *Переєва В.* Митрополити Київські і Галицькі та православне життя західноукраїнських земель XIX ст.; *Тьмшиш Л.* Едиційна археографія істориків церкви міжвоєнного Львова; *Тельвак Виталий.* Теоретична спадщина Михайла Грушевського у східноєвропейській історіографії першої половини XX століття; *Тельвак Вікторія.* Проблема періодизації української історіографії у працях Михайла Грушевського; *Пащенко В.* Більшовицька партія України проти греко-католицької церкви (80-і рр. XX ст.).

В разделе «Документы та материалы» представлены следующие публикации: *Александрович В.* Инвентарний опис дерев'яного замку 1542 року в Медиці поблизу Перемишля з 1568 року; *Скоп Л.* Ікони намісного ряду початку XVII ст. із церкви Святого Іллі села Монастирець Лішнянський; *Довбищенко М.* Епізоди з історії унії в Перемишльській єпархії середини XVII ст. (за матеріалами Перемишльського державного архіву); *Лысенко С.* Коморівсько-Ксенжостанська лінія роду Незабитовських (кінець XVI – початок XVIII ст.); *Смуток І.* и *Тимошенко Л.* Дрогобицьке староство в актах люстрації Руського воеводства 1765 р.; *Стецьк Ю.* Візитаційні описи василіянських монастирів дрогобицького краю (1763–1764 рр.); *Тимошенко Л.* Пом'яник дрогобицької церкви Воздвиження Чесного Хреста; *Скочиляс І.* Парафіяльні печатки Яслиського деканату Перемишльської єпархії (друга половина XIX – початок XX ст.); *Смольский И.* Метричні книги Дрогобича (спроба каталогізації); *Алиева Х.* и *Ляльков И.* Эпистолярное наследие Яна Клеменса Браницкого в собрании Департамента рукописей Национальной библиотеки Франции.

Раздел «Обзоры и рецензии» представлен публикациями: *Тимошенко Л.* [Рецензия] Горак Р., Гнатів Я. Іван Франко. Кн. друга. Цілком нормальна школа / Львівський літ.-мемор. музей І. Франка. - Львів: Вид-во отців василіян «Місіонер», 2001; *Стецьк Ю.* [Рецензия] Пастух Р. Дрогобич давній і сучасний у датах, подіях і фактах. Дрогобич: ВФ «Відродження», 2002; *Кутняк І.*, *Тимошенко Л.* [Рецензия] Бойківщина. Наук. зб. / Наук.-культурол. товариство «Бойківщина». Т. 1. Дрогобич: Добре серце, 2002; *Пастух Р.* [Рецензия] Грушак А. Волоща – отча земля. Іст.-етногр. нарис. Дрогобич: ВФ «Відродження», 2001; *Галик В.* [Рецензия] Гром Г. Нагуевичі. Дрогобич: ВФ «Відродження», 2002; *Тельвак Виталий.* [Рецензия] Масненко В. В. Історичні кон-

цепції М.С.Грушевського та В.К.Липинського. Методологічний і суспільно-політичний виміри української історичної думки 1920-х років. Київ; Черкаси: Брама-ІСУЕП, 2000.

Сьомий випуск ДКС традиційно звертається к історії Перемишльщини и Дрогобыччины⁸. Раздел «Статьи» представляет следующие материалы: *Ермолин А.* Археологічні дослідження античного некрополя Джург-Оба (Керч); *Якубовский В.* и *Шабалина А.* Планіграфія і фортифікаційні споруди городищ історичної Болхівської землі; *Турмис Н.* Передумови становлення грошової системи Київської Русі: історіографічний контекст; *Войтович Л.* Королівство Русі: реальність і міфи; *Мазур О.* «Лотка князь руський, прибув до Вишеграда»: гіпотетична ідентифікація особи; *Петрик А.* Бояри та церква Галичини й Волині крізь призму літописних та археологічних досліджень; *Ляльков И.* Гійбэр дэ Лянуа: фламандец у Вялікім Княстве Літоускім пачатку XV ст.; *Исаевич Я.* Солеваріння в Дрогобичі та його околицях у XVI–XVIII ст.; *Берковский В.* Ярмарки Волині як осередки внутрішнього міжрегіонального та міжнародного ринків України (середина XVI – перша половина XVII ст.); *Фрис В.* До історії кириличної рукописної книги Перемишльської землі XVI–XVII ст.; *Довбищенко М.* Епізоди з історії унії в Могилеві (малодосліджені аспекти релігійних рухів на Білорусі кінця XVI – першої половини XVII ст.); *Рыбаков Д.* «Временник Івана Тимофієва» – пам'ятка російської історіографії XVII ст. (питання походження та атрибуції); *Чарнецький Е.* До проблеми родоvodu гетьмана Івана Мазепи; *Стецьк Ю.* Нагуєвицький монастир св. Миколая (XVI–XVII ст.): спроба ретроспективної реконструкції; *Кривь М.* Соціально-економічні відносини на Старосамбірщині (кінець XIV ст. – 1772 р.); *Тельвак Вікторія.* Козацьке літописання у працях Михайла Грушевського; *Керик М.* Дрогобицький золотар XVIII ст. Іван Чернігович; *Рудакова Ю.* Основні аспекти земельної політики Катерини II та Павла I на території Правобережної України (на прикладі Волині); *Лось В.* Луцька єпархія у 1801–1825 рр.: майнові конфлікти уніатського та православного духовенства; *Перерва В.* Православне священство та іудейське населення Надросся XIX ст.; *Сухий О.* Зародження русофільських настроїв у Галичині в 40-х роках XIX століття; *Macierzyński W.* Reklama handlowa na łamach gazety «Russkaja Rada» w latach 1871–1912; *Глистюк Я.* Студентські товариства греко-католицької семінарії у Львові (1890–1914); *Тельвак Віталій.* Регіональна політика та краєзнавчі ініціативи Історичного товариства у Львові наприкінці XIX – на початку XX століть; *Масненко В.* Маєток В'ячеслава Липинського Русалівські Чагарі у контексті суспільного хліборобського ідеалу власника; *Мацевко И.* Слов'янська ідея на сторінках часопису «Славянский век» (1900–1904); *Уська У.* Парламентська виборча реформа 1907 р. у Цислейтанії і проблема національного представництва; *Филоретова Л.* Посилення опозиційного руху вчителів України в 1912–1913 рр.; *Юрчук О.* Українське питання в політичній публіцистиці та діяльності польського консерватора Яна Станіслава Лося (1918–1939); *Тьмшиш Л.* Біографії ієрархів української церкви у дослідженнях учених міжвоєнного Львова; *Била С.* Унійні процеси в західноукраїнських єпархіях

Київської митрополії в історіографії української діаспори; *Скоциляс И.* Проблематика церковної сфрагістики в українській історіографії; *Долинська М.* До проблеми складових та джерел соціотопографії; *Петречко О.* Антикознавство в Україні у другій половині ХХ століття (проблематика та огляд публікацій); *Лозинська И.* Вживання зерна в літньо-осінньому циклі календарних свят українців; *Гладкий М.* Історико-етнографічні та фольклорні аспекти повстанського руху в Україні 40–60-х рр. ХХ століття: підсумки етнографічно-фольклорної практики студентів; *Сеньків М.* Форми і методи відчуження селянства від власності у західному регіоні України (друга половина 40-х – початок 50-х рр. ХХ ст.).

Рубрика «Документы и материалы» представлена наступними публікаціями: *Гречило А.* Символи міста Самбора; *Смукот Л.* Новий Самбір за інвентарем Самбірського староства 1585 р.; *Тимошенко Л.* Статут ткацького цеху Дрогобича 1653 р.; *Смукот И.* Дрогобич за матеріалами Генеральної ревізії Перемишльської землі 1692 р.; *Александрович В.* Інвентарі замків у Стрию і Калуші з кінця ХVII століття; *Лысенко С.* Тестамент Павла Незабитовського з 1740 року як генеалогічне джерело; *Бевз М, Петришин Г, Петрик В.* Нові картографічні матеріали до вивчення планувального розвитку Дрогобича в кінці ХVIII століття; *Тимошенко Л.* Описи Дрогобича ХІХ ст.; *Курши Р, Слободян В, Черновал И.* Каталог пам'яток історії та культури Яворівського району Львівської обл.

Раздел «Обзоры и рецензии» публикует материалы: *Вирский Д.* Ярлики і комікси сарматизму. Лескінен Марія Войтговна. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. Москва: Институт славяноведения РАН, 2002; *Александрович В.* Спів про термінологію чи опозиція: наукове знання – «wiedza rozazródłowa»?; *Тимошенко Л.* Спримітизоване франкознавство. Горак Р., Гнатів Я. Іван Франко. Книга третя. Гімназія. Львів: Місіонер, 2002; *Петрик А.* [Рецензія] Старосамбірщина. II Альманах / Відп. ред. Володимир Горбовий. Старий Самбір-Львів: Місіонер, 2002; *Галик В.* [Рецензія] Гудило Б. Воскресла Бренів. Пам'ять у світі. Дрогобич: Коло, 2002; *Марунчак Р.* [Рецензія] Трускавець: Краєзнавчий бібліографічний покажчик / Упоряд.: І.Б.Матяш, Л.П.Одинока, Р.В.Романовський, І.М.Скибак. К., 2003. (Архівні та бібліографічні джерела української історичної думки; Вип. 9; Тимошенко Л. «Нові книги про Дрогобич»).

В разделе «Хроника и информация» А.Петрик сообщает об археологических исследованиях Научно-исследовательской лаборатории и краеведения Дрогобычского пед-университета имени И.Франко, а В.Галик анализирует проблематику Дрогобычских научных историко-краеведческих конференций.

Восьмой выпуск ДКС снова обращается к истории Перемишльщины и Дрогобычщины. Рубрика «Статьи» представлена следующими публикациями: *Ермолин А.* Археологічні дослідження античного некрополя Джург-оба (Керч) в 2003 р.; *Войтович Л.* «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати? Продовження дискусії; *Петрик А.* Ідеологія галицького боярства та її вплив на трансформацію Галицько-волинської держави; *Makarski W.* Onomastyczno-osadniczy obraz regionu Skolego w świetle

ревного dokumentu z końca XIV wieku; *Войтович Л.* До волинського літописання; *Тимошенко Л.* Берестейські собори у жовтні 1596 р.: історіографічний досвід; *Тур-мис Н.* Питання теорії та практики української нумізматики: генеза та ретроспективи; *Серяков С.* Викладачі місцевого походження в єзуїтських школах Галичини впродовж 1648–1675 рр.; *Смуток И.* Рід Комарницьких наприкінці XV – на початку XVII ст.: спроба генеалогічної реконструкції; *Руда О.* Висвітлення проблематики Люблінської унії 1569 р. у працях краківських істориків зламу XIX–XX ст.; *Вирский Д.* У борні з козацькою фортуною (специфіка одного літературного образу «гетьманського подвигу» С.Жолкевського у війні з С.Наливайком); *Горин С.* Невідомі волинські монастирі XVI – першої половини XVII сторіччя; *Кулаковский П.* Дороги й водні шляхи на Чернігово-Сіверщині в першій половині XVII століття; *Криль М.* Суспільно-політичні процеси на Старосамбірщині (XV – друга третина XVIII ст.); *Исаевич Я.* Дрогобич у XVII–XVIII ст.: з джерел про побут і культуру міського населення; *Стецьк Ю.* Василянський монастир Успення Пресвятої Богородиці в Біліні Великій (XVII–XVIII ст.; *Керик М.* Митці у соціальній структурі міста Дрогобича XVIII ст.: порівняльний аналіз за майновим станом); *Долинська М.* Гороніми на територіях колишніх міських сіл Львова; *Перерва В.* Російські імператори та провінційне життя Київської митрополії XIX ст.; *Была С.* Унійні процеси в Перемишльській єпархії в українській історіографії другої половини XIX – початку XX ст.; *Тельвак Виталий.* Дрогобицький науковий гурток Історичного товариства у Львові; *Лось В.* Релігійне життя вірних: особливості виконання релігійних практик уніатським населенням Правобережної України (перша половина XIX ст.); *Монолатий И.* Етнонаціональні спільноти у контексті соціальної історії Галичини (1867 – 1914 рр.); *Тельвак Виталий.* Організація та діяльність Краківського кола Історичного товариства у Львові (до 1918 року); *Киридон А.* Причини розколів в українському православ'ї (1920-і роки); *Матюшко Л.* «Образ Талергофа» в західноукраїнській пресі міжвоєнного періоду; *Bonusiak S.* Dekanat Drohobycki wyznania rzymsko-katolickiego w okresie międzywojennym; *Тытши Л.* Вячеслав Заїкин – історик церкви; *Тельвак Викторя.* Наукова спадщина Михайла Максимовича в історіографічній творчості Михайла Грушевського; *Лазурко Л.* Українська проблематика на сторінках журналу «Kwartalnik Historyczny» у міжвоєнний період; *Сеньків М.* Молочарська кооперація у Східній Галичині 1921–1939 рр.; *Пащенко В.* Оптимістична трагедія, або доля єпископа Теодора Ромжі в тоталітарній державі; *Сиреджук П.* Німецько-українські взаємини у Східній Галичині XX ст.; *Bonusiak E.* Prawne podstawy powstania i funkcjonowania przemysłu gazu ziemnego w Polsce do 1939 roku ze szczególnym uwzględnieniem okręgu Drohobyckiego; *Bonusiak W.* Drohobycki okręg naftowy do 1944 r.; *Bonusiak G.* Udział pracowników przemysłu naftowego w polskim ruchu niepodległościowym, politycznym i zwirzkowym do 1944 roku; *Скочиляс И.* Сучасний стан української історіографії та перспективи студіювання киевохристиянської традиції.

Рубрика «Документы и материалы» представлена следующими публикациями: *Тимошенко Л.* Нові джерельні свідчення про герб Дрогобича; *Гречило А.* Символи Дрогобицького району; *Замостяник И.* Протоколи судового процесу львівського столяра Яна Гавловича як джерело до вивчення матеріальної та звичаєвої культури початку XVII ст.; *Тимошенко Л.* Рукописна книга братства дрогобицької церкви Воздвиження Чесного Хреста (XVII – початок XIX ст.); *Александрович В.* Родовід та родина київського греко-католицького офіціала Михайла Приймовича (епізод з історії львівського духовенства XVIII століття); *Смуток Л.* Поіменний перепис єврейського населення Нового Самбора 1764 р.; *Довбищенко М.* Боротьба приречених: уніати Волині в часи правління імператора Павла I (за матеріалами Державного архіву Волинської області); *Скоциляс И.* Парафіяльні печатки Дрогобицько-Самбірського регіону кінця XVIII – початку XX ст.; *Сов'як П.* Сімейна реліквія родини Сов'яків з села Лішня біля Дрогобича; *Тельвак Виталий.* Листи Михайла Грушевського у краківських архівах; *Мних Р.* Літературні і паралітературні джерела до історії євреїв Дрогобича; *Лішинянский В. и Шалата О.* Спогади американського льотчика про бомбардування Дрогобича в 1944 р.

Раздел «Обзоры и рецензии» публикует материалы: *Тельвак Виталий.* Огляд нових видань Українського Історичного Товариства; *Масненко В.* Найповніший огляд української історіографії у координатах національної парадигми. Калакура Я.С. Українська історіографія: курс лекцій. К.: Генеза, 2004.; *Петрушак Н.* «Плюси» та «мінуси» першого монографічного дослідження творчості автора ікон із Дрогобиччини кінця XVI – першої третини XVII ст. Скоп Лев. Маляр ікони “Богоматір-Одигітрія” з Мражниці (українські іконописці). Львів: Логос, 2004.; *Тимошенко Л.* [Рецензія] Капраль Мирон. Національні громади Львова XVI–XVIII ст. (соціально-правові взаємини). Львів: Літературна агенція «Піраміда», 2003.; *Тимошенко Л.* [Рецензія] Cieślak S., SJ. Marcin Laterna SJ (1552–1598) działacz kontreformacyjny. Kraków: Wydawnictwo WAM, 2003.; (Studia i materiały do dziejów jezuitów polskich. t. 12); *Александрович В.* [Рецензія] Jakub Sito. Thomas Hutter (1696–1745) rzeźbiarz różnego baroku. Warszawa; Przemysl, 2001; *Била С.* [Рецензія] Скоциляс Ігор. Генеральні візитації Київської унійної митрополії XVII–XVIII століть: Львівсько-Галицько-Кам'янецька єпархія. Т. 2: Протоколи генеральних візитацій. Львів: Видавництво Українського Католицького Університету, 2004; *Смуток И.* [Рецензія] Гайда Ю.І., Шуптар В.Д. Турківщина: Історія населених пунктів. Монографічний опис. Ужгород: Патент, 2002; *Петрик А.* [Рецензія] Старосамбірщина III: Альманах. Старий Самбір – Львів: Місіонер, 2004; Прикарпатська Асоціація Розвитку Краю; *Меньок В.* [Рецензія] Бруно Шульц «Книга листів»: «Неврятований» Бруно Єжи Фіовського; *Петрик А.* [Рецензія] Копистинський О.Р., Миць О.В., Попович С.С. На варті краю нафти і здоров'я. З історії пожежництва Борислава, Дрогобича та Трускавця. Львів: Сполум, 2004; *Галик В.* «Франкіана Ганни Гром».

Раздел «Хроника и информация» содержит некрологическую заметку *Петрика В.* «Пам'яті Михайла Федоровича Рожка». (Список основных трудов этого

ученого составил А.Петрик.) Р.Марунчак анализирует украинско-польские исследования Дрогобыча. В.Галик информирует о защите кандидатских диссертаций преподавателей и сотрудников исторического факультета Дрогобычского педуниверситета за период 1997–2004 гг.

Последний на сегодня, девятый выпуск ДКС посвящен 150-летию со дня рождения Ивана Франко⁹.

Раздел «Франковедение» представлен статьями: *Смуток И.* Франки в Озимині XVIII ст.; *Сиреджук П.* Дещо про ім'я та прізвище Франко; *Стецьок Ю.* Історія Нагуевич – родинного села Івана Франка (до кінця XVIII ст.); *Галик В.* Археографічні та етнографічно-фольклорні знахідки Івана Франка на території Дрогобицько-Самбірського Підгір'я: спроба каталогізації; *Била С.* Церковні братства Галичини у дослідженнях Івана Франка; *Тельвак Віталій.* Взаємини Івана Франка та Михайла Грушевського в історіографічній традиції; *Тьмшиш Л.* Наукова спадщина Антона Петрушевича в оцінці Івана Франка; *Макарський В.* Іван Франко як ономаст; *Ольховий Я.* Дрогобицькі станції Великого Каменяря; *Грицак Я.* Між семітизмом й антисемітизмом: Іван Франко та єврейське питання; *Янишин Б.* Іван Франко та галицькі народовці у 1880-х роках XIX ст.; *Криль М.* Іван Франко в австрійському виборчому процесі 1890-х років.

Раздел «Статьи» представлен следующими материалами: *Ермолин А.* Археологічні дослідження некрополя Джург-Оба (Керч) у 2004 році; *Баран О.* Образ укріпленого міста в Галицько-Волинському літописі; *Петрик А.* Угорська партія в контексті політичного розвитку Галицько-Волинської держави; *Голездренко О.* Львівський цех мечників; *Тимошенко Л.* Єпископ Кирило Терлецький: родовід і початок духовної кар'єри; *Волинська М.* Історична топографія самоврядних передмість міста Львова XVI–XVIII ст.; *Синкевич Н.* Ікона Богородиці Луцького домініканського монастиря: історія та особливості поширення культу; *Войтович Л.* Розділ: столиця «Української Швейцарії» на Дністрі; *Перерва В.* Церковне будівництво в маєтках графині Олександри Браницької; *Сиреджук П.* Музичне мистецтво німців Галичини XIX – першої половини XX ст.; *Седляр О.* Стосунки Андрія Чайковського із старорусинами (русофілами) в 70-х рр. XIX ст. – 1914 р.; *Тельвак Вікторія.* Михайло Грушевський та дискусії в українській історіографії кінця XIX – першої третини XX ст.; *Петранівський В.* До проблеми періодизації галицького туристичного краєзнавства (друга половина XVIII ст. – 1945 р.); *Лазурко Л.* Галицьке краєзнавство на сторінках часопису «Історичний кварталник» (львівський період); *Тимошенко О.* Розвиток української національної ідеї М.Міхновського в період діяльності УНП; *Лильо-Откович З.* Діяльність Національного музею у Львові (1905–1939 рр.); *Монолатий І.* Галичина та галицькі українці у «Спогадах» Павла Скоропадського: ідейні орієнтації та національні пріоритети; *Сова А.* Діяльність українських товариств «Сокіл» на Дрогобищині; *Сеньків М.* Товариство «Сільський господар» у міжвоєнний період; *Наконечний В.* Акція «Вісла» як акт етноциду українців у Польщі; *Криль М.* Старосамбірський

район Львівської області в умовах тоталітарної системи (1939–1991 рр.); *Шевців К.* Польське шкільництво в Дрогобичі на зламі століть.

Раздел «Документы и материалы» знакомит со следующими публикациями: *Скочиляс И.* «Дар любові», фіскальний обов'язок і ерархічна підлеглість: катедрик у системі фінансово-корпоративних відносин духовенства Київської митрополії XIII–XVIII століть; *Александрович В.* Унікальне джерельне свідчення 1683 року про перебудову Дрогобицької церкви Св.Параскеви П'ятниці; *Тимошенко Л.* Документи до церковної історії Дрогобича (друга половина XVII – початок XVIII ст.); *Гречило А.* Прапор самбірських райців XVII ст. у Державній збірці трофеїв Військового музею у Стокгольмі; *Бирюлина О.* та *Довбищенко М.* Забуті імена української історії: шляхетська родина Єло-Малинських; *Тимошенко Л.* Рукописна книга братства дрогобицької церкви Святого Юрія (середина XVII–XVIII ст.); *Казновский М.* Вибрані маєткові документи церковних бенефіцій в Бєську 1702–1803 рр. у збірках Державного архіву в Перемишлі; *Бодзьох-Казновська Б.* Унійні парафії в містах Мостиського деканату в 1769–1783 рр.; *Скочиляс И.* Застосування греко-католицьких печаток Перемишльської єпархії на документах кінця XVIII – початку XIX ст.

Раздел «Обзоры и рецензии» представлен материалами: *Петречко О.* Дві книги про Стародавній Рим / Робер Жан-Ноэль. Рождение роскоши: Древний Рим в погоне за модой / Пер. с франц. М.: Новое литературное обозрение, 2004; *Тираспольский ГИ.* Беседы с палачом: Казни, пытки и суровые наказания в Древнем Риме. осква: Intrada; *Петрик А.* [Рецензия] Купчинський О. Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти / Наукове Товариство імені Шевченка. Львів, 2004; *Тимошенко Л.* [Рецензия] Lorens B. Bractwa cerkiewne w eparchii przemyskiej w XVII – XVIII wieku. Rzeszyw: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2005; *Тельвак Виталий.* [Рецензия] Масненко В.В. Історична думка та націотворення в Україні (кінець XIX – перша третина XX ст.). Київ, Черкаси: Відлуння-Плюс, 2001; *Тельвак Вікторія.* [Рецензия] Монолатій І. Від контактів до співпраці: соціально-економічне становлення та культурний розвиток німців у Галичині (1772–1940). Ч.І: Австрійський період – ЗУНР. Коломия: Вік, 2002; *Чорновол И.* У пошуках метанаративу історії Східної Європи / Ab Imperio. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. Казань, 2003. № 1. Российская империя: окраины и границы; *Галик В.* [Рецензия] Пастух Р. Корона Данила Галицького. Вибрані статті, нариси, інтерв'ю, рецензії, есеї. Дрогобич: Коло, 2005; *Гладкий М.* [Рецензия] Іванцюра І. Дороги життя роду Іванцюри. Книга споминів і світлин (мемуарний нарис) / Ред.В.Демків. Україна, 2005; *Менько В.* [Рецензия] Петришин П.В. Історія села Гірське-Горучько: короткий енциклопедичний довідник (разом із хутором Випучки (Сталінівка, Угартсберг) і селом Великі і Малі Липиці. Україна (Галичина). Львівська область. Миколаївський район. Гірське, 2002; *Петришин П.В.* Історичні документальні спогади наших односельчан (Дудич і Коваль) XIX–XX століття (оригінал). с.Гірське. Миколаївський район. Львівська область

(Галичина). Україна. Гірське, 2005; *Петришин П.В., Петришин Ф.В.* Родовід Петришиних із 1815 року. Гірське, 2005 р.

Рубрика «Хроника и информация» содержит сообщение о 70-летнем юбилее члена редколлегии ДКС академика Ярослава Исаевича.

Примечания

- ¹ Тельвак В. Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. I–III // Записки НТШ. Т. ССXL. Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. Львів, 2000. С.715–719; Петрик А. Дрогобицький краєзнавчий збірник. Огляд IV–VI випусків // Молода нація. Альманах. К., 2002. № 4. С. 214–220; Тельвак В. Огляд нових видань Українського історичного товариства // Дрогобицький краєзнавчий збірник / ред. кол. Л.Тимошенко (голов. ред.), Л.Винар, Л.Зашкільняк, Я. Ісаєвич та ін. Вип. VIII. Дрогобич, 2004. С.540–544; Масненко В. Дрогобицький краєзнавчий збірник / ред. кол. Л.Тимошенко (голов. ред.), Л. Винар, Л. Зашкільняк, Я. Ісаєвич та ін. Вип. VIII. Дрогобич: Коло, 2004. // Вісник Черкаського університету. Серія Історичні науки. Черкаси, 2005. Випуск 80. С. 156–160.
- ² Дрогобицький краєзнавчий збірник / Упоряд. Леонід Тимошенко. Дрогобич, 1995. Вип. 1.
- ³ Дрогобицький краєзнавчий збірник / Відповід. редактор Тетяна Біленко. Дрогобич, 1997. Вип. 2.
- ⁴ Дрогобицький краєзнавчий збірник / Відповід. редактор Леонід Тимошенко. Дрогобич, 1998. Вип. 3.
- ⁵ Дрогобицький краєзнавчий збірник / Відповід. ред. Леонід Тимошенко. Дрогобич: Вимір, 2000. Вип. IV.
- ⁶ Дрогобицький краєзнавчий збірник / Відповід. ред. Леонід Тимошенко. Дрогобич: Вимір, 2001. Вип. V.
- ⁷ Дрогобицький краєзнавчий збірник / Голов. ред. Леонід Тимошенко. Дрогобич: Вимір, 2002. Вип. VI.
- ⁸ Дрогобицький краєзнавчий збірник / Ред. кол. Л.Тимошенко (голов. ред.), Л.Винар, Л.Зашкільняк, Я.Ісаєвич та ін. Вип. VII. Дрогобич: Коло, 2002.
- ⁹ Дрогобицький краєзнавчий збірник / Ред. кол. Л.Тимошенко (голов. ред.), В.Александрович, Л.Винар, Л.Войтович, Л.Зашкільняк, Я.Ісаєвич та ін. Вип.IX. Дрогобич: Коло, 2005.

НАШИ АВТОРЫ

Людмила КОАДЭ, аспирантка, преподаватель факультета истории и международных отношений, Международного независимого университета Молдовы.

Виржилиу БЫРЛЭДЯНУ, доктор исторических наук, доцент факультета истории и международных отношений Международного независимого университета Молдовы.

Анатолий Паньковский – белорусский политолог, социальный философ. Занимается теорией и практикой современного либерализма, политическими идеями Исаяи Берлина.

Григорий Миненков – белорусский философ, кандидат философских наук, декан факультета философии ЕГУ. Специализируется в области социальной и политической философии. Занимается проблематикой идентичности.

Олег Бреский – кандидат юридических наук, доцент Брестского государственного университета. Стипендиат CASE.

Зенон Когут – канадский историк украинского происхождения.

Виталий Тельвак – украинский историк, кандидат исторических наук, стипендиат CASE.

Михал Буховский – польский антрополог. Преполагает в университете Франкфурта-на-Одере.

Изабела Колбон – польский антрополог.

Горан Терборн – шведский социолог. Специализируется в области социологии регионов, социологии города.

Ирина Чикалова – белорусский историк, доктор исторических наук, профессор БНПУ им. М. Танка. Занимается гендерной историей.

Ирина Дорофейчук – белорусский культуролог, аспирант ЕГУ, исследователь-стажер Вроцлавского университета. Занимается анализом традиционной культуры с гендерной перспективы.

Александр Погорелый – белорусский историк, аспирант кафедры этнологии и вспомогательных исторических дисциплин БГУ.

Алексей Криволап – белорусский культуролог, стипендиат CASE. Специализируется в области медиа-анализа.

ЦЕНТР ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (CASE) ПРИ ЕВРОПЕЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Центр перспективных научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE) при Европейском гуманитарном университете создан в 2003 г. при финансовой поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и административном содействии Американских Советов по международному образованию ACTR/ACCELS и Американского центра по образованию и исследованиям.

Основной целью деятельности CASE является содействие обновлению системы научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук, развитию профессионального сообщества, а также мобилизации интеллектуальных и профессиональных ресурсов для изучения процессов социальных трансформаций в Пограничье Центрально-Восточной Европы (Беларусь, Украина, Молдова).

Задачами центра являются:

- Интенсификация научных исследований в области социальных трансформаций в регионе Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- Накопление и распространение информации о научных исследованиях и учебно-методических разработках в области социальных трансформаций в регионе Пограничья;
- Координация научных исследований по важнейшим проблемам и направлениям, соответствующим профилю центра;

- Организация продуктивного научного диалога между исследователями и преподавателями региона по проблемам социальных трансформаций в регионе Пограничья;
- Создание сети партнерских образовательных и исследовательских учреждений в Беларуси, Украине, Молдове;
- Создание и развитие информационной базы для проведения исследований по проблематике центра;
- Содействие мобильности региональных и зарубежных исследователей, вовлеченных в работу центра.

Основные виды работ CASE:

- Проведение конкурсов для аспирантов и докторантов на получение стипендий для проведения исследований по проблематике CASE;
- Осуществление образовательных программ для стипендиатов CASE;
- Проведение региональных исследовательских семинаров и международных конференций;
- Издание научного ежеквартальника «Перекрестки»;
- Издание сборника работ стипендиатов CASE;
- Издание монографий по проблематике CASE;
- Создание и апробация учебных, учебно-методических материалов, а также инновационных технологий обучения стипендиатами центра;
- Создание библиотеки CASE.

Тематические приоритеты CASE:

- Теории и модели Пограничья в современных гуманитарных науках;
- Исторические и этнокультурные контексты формирования Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- Трансграничная, межрегиональная и транснациональная кооперация в Пограничье;
- Политические и правовые трансформации в условиях Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- Беларусь, Украина, Молдова в контексте европейской интеграции: противоречия и преимущества Пограничья;
- Пограничье и проблемы европейской безопасности;
- Национальная идентичность в условиях Пограничья;
- Социальная роль образования и культуры в условиях трансформации (Беларусь, Украина, Молдова);
- Регионы Пограничья в условиях глобализации.